

П. О. ЧЕССКІЙ.

215-й ПѢХОТНЫЙ
БУЗУЛУКСКІЙ ПОЛКЪ
ВЪ ВОЙНѢ СЪ ЯПОНІЕЙ

1904—1905 гг.

ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

1906

БИБЛИОТЕКА Г. И. П.
229
8-11 11/31.

W
m

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Матеріалами къ составленію настоящаго очерка послужили журналъ военныхъ дѣйствій Бузулукскаго полка, приказы и приказанія начальствующихъ лицъ, диспозиціи и реляціи боевъ, письменныя и словесныя распоряженія и донесенія, а также мои личныя, какъ участника войны, наблюденія въ періодъ пребыванія полка въ Маньчжуріи.

Въ первую главу вошла сохранившаяся въ полку историческая памятка, мѣстами исправленная и дополненная мною.

Сознаю пробѣлы своего труда и прошу читателя не судить меня строго, ибо условія, при которыхъ приходилось работать, выставляли много затрудненій какъ въ добываніи матеріаловъ, такъ равно и въ разработкѣ ихъ. Особенное вниманіе я обратилъ не на внѣшнюю отдѣлку очерка, а на правдивое изложеніе и освѣщеніе фактовъ и различныхъ сторонъ походно-боевой жизни полка—и въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, достигъ своей дѣли. Приношу глубокую благодарность отчетному отдѣленію полевого штаба 2-й маньчжурской арміи за ознакомленіе меня съ нѣкоторыми официальными документами, касающимися минувшей войны, полковнику генеральнаго штаба графу Каменскому—за предо-

ставленные въ мое распоряженіе планы и карты раіоновъ Маньчжуріи, и всѣмъ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовавшимъ моему труду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаюсь съ просьбой къ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ Бузулукскаго полка и, вообще, ко всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ близкое общеніе съ полкомъ на театрѣ войны, прислать мнѣ, не позже 1-го января 1907 года (адресъ см. на обложкѣ), свои впечатлѣнія о дѣятельности и жизни полка, подробныя описанія различныхъ боевыхъ эпизодовъ, замѣтки, дневники и т. п. и, кромѣ того, свои фотографическія карточки (обратно не возвращаются), для помѣщенія въ предполагаемомъ мною, значительно расширенномъ и дополненномъ, второмъ изданіи сего очерка.

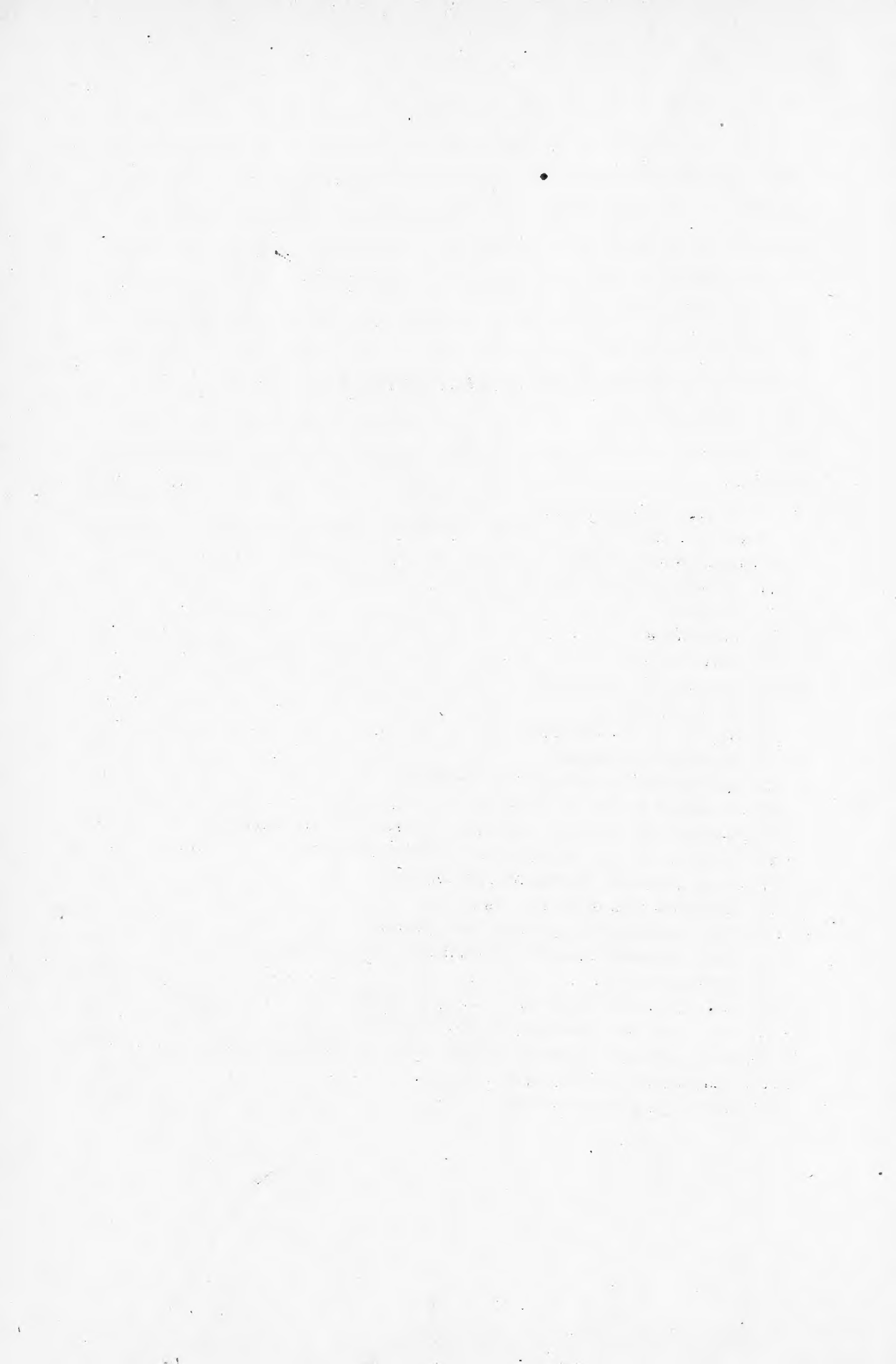
Авторъ.

28-го ноября 1905 года.

Деревня Лунгфуншань.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	III
I. Краткая исторія полка	3
II. Мобилизація	19
III. Высочайшій смотръ	24
IV. Проводы	27
V. Въ пути	29
VI. Тахэ—Янтай	31
VII. Янтайскій бой	39
VIII. Августовскіе переходы	54
IX. На позиціяхъ	58
X. Бои 1-го—3-го октября	73
XI. Октябрьское затишье	86
XII. Дѣло штабсъ-капитана Андронникова	90
XIII. Въ отрядѣ генерала Грекова	92
XIV. Полковыя охотничьи команды въ дѣлахъ съ японцами	107
XV. Въ Ляохойскомъ отрядѣ генерала Косаговскаго	113
XVI. Атака деревни Мамыкай 12-го января	125
XVII. Наканунѣ мукденскихъ боевъ	144
XVIII. Бой у деревни Сыфантай, 16-го февраля	155
XIX. Бой у деревни Цаеньза (Чаничанъ), 17-го февраля	163
XX. 18-е февраля	184
XXI. Бой у деревни Тунхайпза, 19-го февраля	187
XXII. Бой у деревни Янсынтунъ, 21-го февраля	192
XXIII. Бой у деревни Кандятунъ, 22-го, 23-го и 24-го февраля	196
XXIV. Отступленіе отъ Мукдена	205
XXV. Послѣ мукденскихъ боевъ	212

I.

Краткая исторія полка.

27-го сентября 1851 года, по Высочайшей волѣ, изъ-явленной въ предписаніи командиру Самарской инвалидной роты окружнымъ генераломъ внутренней стражи четвертаго округа отъ 15-го октября 1851 года, было приступлено къ формированію Самарскаго гарнизоннаго баталіона изъ Самарской инвалидной роты. Съ 7-го января 1852 года началось постепенное укомплектованіе гарнизоннаго баталіона партіями нижнихъ чиновъ, прибывающими изъ гарнизонныхъ баталіоновъ: Симбирскаго, Нижегородскаго, Казанскаго и Пермскаго. Къ 15-му января 1852 года баталіонъ былъ окончательно сформированъ въ составѣ 23 офицеровъ, 58 унтеръ-офицеровъ, 13 барабанщиковъ, 701 рядовыхъ и 23 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, при баталіонѣ считались расположенныя въ уѣздныхъ городахъ инвалидныя команды: Самарская, Бугульминская, Бугурусланская, Бузулукская, Николаевская, Ставропольская, Новоузенская и Сергіевская, которыя во всѣхъ отношеніяхъ подчинялись командиру Самарскаго гарнизоннаго баталіона. Командиромъ баталіона былъ назначенъ майоръ Магнушевскій.

15-го января 1852 года, въ 7 часовъ утра, всѣ гг. офицеры и нижніе чины, по приказанію командира баталіона, были собраны въ манежѣ и разбиты на три роты.

Каждая рота подраздѣлилась на четыре капральства, а капральство на четыре десятка.

Въ строевомъ отношеніи баталіонъ въ трехъ-ротномъ составѣ раздѣлялся на шесть взводовъ, въ которыхъ назначались фланговые унтеръ-офицеры, линейные жолонеры и знаменные ряды. По выдачѣ обмундированія и вооруженія, было приступлено къ фронтному обученію нижнихъ чиновъ баталіона, начиная съ одиночной выправки, на что обращалось особое вниманіе, раздѣливъ предварительно людей по достоинству и разрядамъ, но такъ, чтобы означенное раздѣленіе людей не смѣшивалось въ капральствахъ. Дѣленіе нижнихъ чиновъ на разряды имѣло въ то время большое значеніе, такъ какъ высшіе разряды составляли лучшіе люди, на которыхъ въ строевомъ образованіи обращалось не столь большое вниманіе, какъ на низшіе разряды, что давало возможность скорѣе поставить строевое обученіе на одинъ уровень. Для передачи правильнаго фронтнаго образованія и пригонки аммуниціи при баталіонѣ составлялась учебная команда, въ которую назначалось по четыре унтеръ-офицера и по четыре рядовыхъ отъ каждой роты, а отъ инвалидовъ командъ—по два унтеръ-офицера и по два рядовыхъ; при этомъ, командированіе нижнихъ чиновъ въ учебную команду для прохожденія курса несколько не зависѣло отъ срока на военной службѣ какъ рядовыхъ, такъ и унтеръ-офицеровъ.

Для завѣдыванія этой командой назначался особый офицеръ, который пользовался правами ротнаго командира.

Что же касается довольствія нижнихъ чиновъ, то при баталіонѣ, дабы нижніе чины не довольствовались на обывательскихъ квартирахъ, была устроена особая кухня, при чемъ довольствіе производилось по особо составленной раскладкѣ, утвержденной командиромъ баталіона; семейные же нижніе чины довольствовались самостоятельно, каждый отдѣльно.

16-го января 1855 года Самарскій гарнизонный баталіонъ и подвѣдомственныя ему инвалидныя команды по Высочайшему повелѣнію, были подчинены командиру отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, и баталіонъ переименованъ въ Оренбургскій линейный № 11, съ зачисленіемъ въ составъ 1-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи. По обмундированію и вооруженію баталіонъ былъ приравненъ къ остальнымъ оренбургскимъ баталіонамъ; содержаніе же баталіона и инвалидовъ командъ осталось прежнее, то-есть внутреннее-гарнизонное. Въ это время командиромъ баталіона былъ подполковникъ Подревскій, переведенный 24-го сентября 1854 года изъ гренадерскаго Его Величества короля Прусскаго полка, а майоръ Магнушевскій переведенъ командиромъ Астраханскаго гарнизоннаго баталіона. Въ строевомъ отношеніи баталіонъ раздѣлялся такъ же, какъ и прежде, но программа строевого обученія была значительно расширена по Высочайшему повелѣнію, послѣ донесенія на Высочайшее имя о результатахъ инспекторскаго смотра. Прежде обращалось особое вниманіе только на фронтовую выправку солдата, теперь же было повелѣно ввести обученіе и разсыпному строю, для чего половину штата барабанщиковъ замѣнили горнистами, и было приказано выбрать по 24 человекъ съ роты расторопныхъ, ловкихъ и смысленныхъ людей въ застрѣльщики, въ составъ кото-

рыхъ ни вице-унтеръ-офицеры, ни унтеръ-офицеры не входили, а назначались рядовые и по одному ефрейтору отъ каждаго капральства.

Баталіонъ, въ составѣ трехъ ротъ, существовалъ до 12-го октября 1855 года, когда послѣдовалъ приказъ военнаго министра о перестроеніи баталіона изъ трехротнаго состава въ четырехротный, съ увеличеніемъ штата офицеровъ и нижнихъ чиновъ; такимъ образомъ, штатъ баталіона получился слѣдующій: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 27, унтеръ-офицеровъ 80, музыкантовъ 17, рядовыхъ 920 и нестроевыхъ 97; недостающихъ по штату офицеровъ и нижнихъ чиновъ было приказано назначить изъ общаго числа сверхштатныхъ чиновъ 23-й пѣхотной дивизіи.

Въ виду увеличенія штата чиновъ баталіона и прибытія новыхъ элементовъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и гг. офицеровъ, дабы сплотить послѣднихъ во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно въ единомысліи, взглядахъ и единеніи во внутренней жизни, командиромъ баталіона неоднократно былъ показанъ лично живою примѣръ всѣхъ вышеозначенныхъ достоинствъ, поэтому нельзя умолчать, что, несмотря на молодые годы части, товарищескій духъ война настолько привился въ баталіонѣ, что во время Крымской кампаніи, когда наша армія нуждалась въ матеріальной помощи, баталіонъ, по одному слову командира, принялъ живое участіе въ несчастіи, постигшемъ на войнѣ сотоварищей, пожертвовавъ въ пользу раненыхъ сборъ въ 179 рублей.

За такое душевное отношеніе къ своимъ товарищамъ баталіонъ удостоился Высочайшей благодарности. Вскорѣ послѣ этого, именно 27-го мая 1857 года, командиръ баталіона, подполковникъ Подревскій, за

отлично усердную службу былъ произведенъ въ полковники.

23-го іюня 1857 года Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, генералъ-адъютанта графа Шеровскаго, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: производство на ваканціи въ слѣдующіе чины гг. офицеровъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, съ № 1-го по № 9-ый включительно, подчинить тѣмъ же правиламъ, какія существуютъ въ войскахъ арміи, то-есть, не ограничиваясь трехлѣтнею выслугою въ чинѣ, а рассчитывая ваканціи по всѣмъ баталіонамъ; что же касается гг. офицеровъ №№ 10-го и 11-го линейныхъ баталіоновъ, какъ состоящихъ на внутреннемъ гарнизонномъ содержаніи, то производство ихъ на ваканціи установить по каждому баталіону особо.

Въ шестидесятихъ годахъ все Поволжье страдало отъ холерной эпидеміи, въ баталіонѣ же, благодаря дѣятельности командира баталіона и его ближайшихъ помощниковъ, хотя и были несчастные случаи, но смертность была сравнительно незначительна: въ среднемъ умирало въ годъ отъ 30 до 50 человекъ. Вообще, процентъ смертности въ самарской губерніи былъ несравненно большій, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ уѣздахъ проявились народныя волненія: волненія эти иногда подавлялись гражданскими властями, а иногда принимали такой характеръ, что гражданскія власти прибѣгали къ помощи и содѣйствію войскъ; такъ, въ 1859 году, 5-го іюня, была командирована 1-я рота баталіона, въ составѣ 131 человека при 15 унтеръ-офицерахъ и 2 офицерахъ, въ помощь гражданскимъ властямъ въ николаевскій уѣздъ, самарской губерніи; 16-го іюля была командирована

3-я рота, въ составѣ 120 рядовыхъ при 8 унтеръ-офицерахъ и 2 офицерахъ, въ бузулукскій уѣздъ, самарской губерніи. За это командиръ баталіона получилъ Высочайшую благодарность, а нижніе чины—денежную награду въ размѣрѣ одного рубля.

Какъ было выше сказано, баталіонъ состоялъ въ первой бригадѣ 23-й пѣхотной дивизіи Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса.

По Высочайшему приказу отъ 23-го февраля 1860 года, подраздѣленіе на бригады и должности командировъ бригадъ въ 23-й пѣхотной дивизіи были уничтожены, а взамѣнъ этого въ дивизіи былъ оставленъ одинъ генераль-маіоръ въ должности помощника начальника дивизіи, съ содержаніемъ бывшаго командира бригады. Такимъ образомъ, баталіонъ долженъ былъ состоять въ подчиненіи начальника дивизіи и его помощника. 29-го іюля того же года, по Высочайшему повелѣнію, командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и оренбургскимъ и самарскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ генераль-отъ-артиллеріи Безакъ, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта. Въ 1861 году, 24-го сентября, Высочайшимъ приказомъ, командиръ баталіона, полковникъ Подревскій, былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто назначенъ подполковникъ Курковскій. Баталіонъ, подъ именемъ Оренбургскаго № 11 линейнаго, существовалъ до 13-го августа 1864 года, когда, Высочайшимъ приказомъ, онъ былъ переименованъ въ Самарскій губернскій баталіонъ трехротнаго состава, въ 600 рядовыхъ, и подчиненъ самарскому губернскому воинскому начальнику, состоящая же при немъ Самарская инвалидная команда, переименованная еще въ 1862 году, 24-го іюля, въ Самарскую губерн-

скую команду, была совершенно упразднена. Командиръ баталіона, подполковникъ Курковскій, Высочайшимъ приказомъ 28-го февраля 1865 года, былъ произведенъ за отличную службу въ полковники. Въ 1868 году, 8-го октября, по Высочайшему повелѣнію, Самарскій губернскій баталіонъ былъ переформированъ изъ трехротнаго состава, въ 600 рядовыхъ, въ двухротный, въ 400 рядовыхъ; излишнихъ людей, прослужившихъ 12 лѣтъ, было приказано уволить во временные отпуски, а остальныхъ отправить на пополненіе отдѣльных командъ. Высочайшимъ приказомъ отъ 29-го іюня 1869 года, командиръ баталіона, полковникъ Курковскій, уволенъ въ отставку; вмѣсто него 11-го іюля того же года былъ назначенъ подполковникъ Ворганинъ, а затѣмъ, 24-го августа 1870 года, его смѣнилъ полковникъ Вечей.

Высочайшимъ приказомъ отъ 26-го августа 1874 года, Самарскій губернскій баталіонъ двухротнаго состава, въ 400 рядовыхъ, переименованъ въ Самарскій мѣстный баталіонъ и подчиненъ самарскому уѣздному воинскому начальнику. 12-го сентября того же года, Высочайшимъ приказомъ, командиръ баталіона, полковникъ Вечей, оставленъ за штатомъ, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, а вмѣсто него, тѣмъ же приказомъ, назначенъ командиромъ баталіона самарскій уѣздный воинскій начальникъ, полковникъ Николай Ивановичъ де-ля-Крой. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1877 года 2-я рота Самарскаго мѣстнаго баталіона, въ составѣ 3 офицеровъ, 16 унтеръ-офицеровъ, 185 рядовыхъ и 79 новобранцевъ, всего 283 человекъ, была выдѣлена на сформированіе Оренбургскаго № 2 линейнаго баталіона. На пополненіе же кадра Самарскаго мѣстнаго баталіона было прислано изъ Сара-

товской мѣстной команды 65 человекъ и изъ Астраханскаго баталіона 124 человекъ, и, такимъ образомъ, 2-я рота Самарскаго мѣстнаго баталіона была вновь укомплектована.

31-го августа 1878 года Самарскій мѣстный баталіонъ переименованъ въ 95-й пѣхотный резервный баталіонъ (кадровый). Командиромъ баталіона, вмѣсто полковника де-ля-Крон, Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го октября, былъ назначенъ Ромуальдъ Эдуардовичъ Домбровскій. Баталіонъ, съ переименованіемъ въ 95-й кадровый, переформированъ въ пятиротный составъ. Штатъ баталіона: офицеровъ 35, классныхъ чиновниковъ 3, строевыхъ нижнихъ чиновъ 545 и нестроевыхъ 83 человекъ. На укомплектованіе его, при увеличеніи штата, вошла часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ расформированнаго, по Высочайшему повелѣнію, 48-го пѣхотнаго резервнаго баталіона. 95-й пѣхотный резервный баталіонъ со дня сформированія вошелъ въ составъ 24-й пѣхотной резервной дивизіи и былъ подчиненъ самарскому губернскому воинскому начальнику, пользовавшемуся правами начальника дивизіи.

Въ мирное время баталіонъ составлялъ кадръ 77-го запаснаго пѣхотнаго баталіона, формируемаго въ городѣ Самарѣ, и 79-го запаснаго пѣхотнаго баталіона, формируемаго въ городѣ Бузулукѣ. При баталіонѣ содержался неприкосновенный запасъ для: 1) управленія 24-й пѣхотной резервной дивизіи, 2) подвижнаго ея лазарета и 3) штаба 2-й бригады той же дивизіи. Цѣль баталіона въ мирное время, какъ и всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ войскъ, усиливать дѣйствующую пѣхоту, содержать гарнизоны въ укрѣпленныхъ пунктахъ и исполнять мѣстную внутреннюю службу. Въ военное время изъ состава резервныхъ войскъ

выдѣляются кадры для формировація запасныхъ баталіоновъ.

Одновременно съ переформированіемъ баталіона въ пятиротный составъ, была сформирована учебная команда, въ составъ которой, по распоряженію губернскаго воинскаго начальника, отъ всѣхъ мѣстныхъ командъ, расположенныхъ въ губерніи, командировались нижніе чины для обученія. При учебной командѣ въ первый разъ сформировался писарской классъ, спеціально только для строевой подготовки.

Въ 1880 году, 7-го апрѣля, баталіону пожаловано простое армейское знамя при Высочайшей грамотѣ:

„Божіею милостію, Мы, Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая, Нашему 95-му резервному пѣхотному кадровому баталіону. Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія 95-му резервному пѣхотному кадровому баталіону, Всемилостивѣйше жалуемъ баталіону сему знамя и повелѣваемъ, освятить оное, по установленію употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностью и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

Александръ“.

Въ 1881 году въ баталіонѣ послѣдовало измѣненіе въ вооруженіи и обмундированіи: были введены малокалиберныя винтовки (4-хъ линейныя), мундиры двухбортные безъ пуговицъ и безъ цвѣтныхъ клапановъ на воротникахъ, измѣненнаго образца шинели съ бѣлыми клапанами на воротникахъ, вмѣсто кэпи—фуражки съ бѣлымъ околышемъ, барашковыя шапки съ гербомъ и кокардой, свѣтлосиніе погоны съ шифровкой, такъ же, какъ и на околышѣ фуражки, „95 Р.“.

24-го апрѣля 1881 года командиръ баталіона, полковникъ Домбровскій, Высочайшимъ приказомъ, уволенъ въ отставку генераль-маіоромъ, а 1-го мая вмѣсто него назначенъ полковникъ Александръ Александровичъ Соколовъ. Въ томъ же году, 30-го августа, приказомъ по военному вѣдомству, должность губернскаго воинскаго начальника была упразднена, и баталіонъ подчиненъ начальнику 20-й мѣстной бригады: штабъ г. Саратовъ. Такимъ же приказомъ отъ 14-го ноября, баталіонъ былъ размѣщенъ по уѣзднымъ городамъ самарской губерніи: 1-я рота въ г. Ставрополѣ, 2-я рота въ г. Бугульмѣ, 3-я—въ г. Бугурусланѣ, 4-я—въ г. Бузулукѣ, 5-я же рота со штабомъ была расквартирована въ г. Самарѣ. Кадръ для 77-го и 79-го запасныхъ баталіоновъ былъ переданъ уѣздному воинскому начальнику.

23-го октября 1882 года начальникъ 20-й мѣстной бригады назначилъ торжественное освященіе Высочайше пожалованныхъ 95-му и 96-му резервнымъ пѣхотнымъ кадровымъ баталіонамъ знаменъ. Наканунѣ, т. е. 21-го октября, въ церкви Святыя Троицы, въ г. Самарѣ, въ 2 часа дня была отслужена панихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, въ память пожалованія знаменъ въ Его царствованіе, на которой присутствовали всѣ гг. офицеры, классные чиновники, нижніе чины 5-ой роты, учебная команда, писарской классъ, писаря канцеляріи баталіона и всѣ нестроевые. Командирамъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й ротъ, расположенныхъ по уѣзднымъ городамъ, было приказано сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе объ отслуженіи 21-го октября панихиды, въ присутствіи нижнихъ чиновъ ротъ, въ городскихъ церквахъ. По окончаніи панихиды, всѣ гг. офицеры, классные чи-

новники и назначенные отъ каждой роты по одному фельдфебелю, унтеръ-офицеру, ефрейтору и рядовому, составивъ отдѣльную команду, прибыли на квартиру командира баталіона для торжественной прибавки Все-милостивѣйше пожалованнаго знамени. На слѣдующій день, 22-го октября, было совершено торжественное освященіе знамени. Послѣ божественной литургіи, отслуженной епископомъ самарскимъ въ старомъ Казанскомъ кафедральномъ соборѣ, на площади, передъ послѣднимъ былъ произведенъ церковный парадъ, въ составѣ 5-й роты, учебной команды, нестроевыхъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ, прибывшихъ изъ ротъ, расположенныхъ въ уѣздныхъ городахъ.

Послѣ молебствія и присяги, командиръ баталіона, полковникъ Соколовъ, обратившись ко всѣмъ чинамъ баталіона, сказалъ:

„Сегодня совершилось торжественное освященіе Все-милостивѣйше пожалованнаго ввѣренному мнѣ баталіону знамени. Поздравляю всѣхъ чиновъ баталіона съ этой Монаршею милостью. Я счастливъ, что на мою долю выпала честь поздравить васъ съ нею и быть вашимъ командиромъ въ этотъ торжественный и незабвенный для cadaго изъ насъ день. Принеся подъ осѣненіемъ этой военно-священной хоругви присягу на вѣрность службы нашему обожасмому Монарху и дорогому отечеству, будемъ всегда вѣрны данной нами передъ лицомъ Всевышняго Бога клятвѣ служить вѣрно и нелицемѣрно, быть охранителями спокойствія и благоденствія жителей мирныхъ и страшною грозою враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ; если же, по повелѣнію нашего великаго Государя вступимъ въ бои съ врагами отечества, то не пожалѣемъ своей жизни до послѣдней капли крови, исполняя долгъ свой, и дока-

жемъ, чтомы достойны Всемиловѣйше пожалованнаго намъ знамени. Эта священная хоругвь, подъ сѣнью которой станемъ мы теперь, должна, по существующимъ законамъ, прослужить въ баталіонѣ сто лѣтъ. Много будетъ новыхъ молодыхъ поколѣній, которыя послѣ насъ будутъ служить подъ освѣщеніемъ ея, и только память о насъ, участникахъ сегодняшняго торжества, останется въ ихъ воспоминаніяхъ.

„Покажемъ же имъ нашею честною, вѣрною службою и исполненіемъ нашего долга примѣры, достойные русскаго солдата. Научимъ же ихъ съ благоговѣніемъ и любовью смотрѣть на эту священную хоругвь, напоминающую намъ Царя и отечество. Научимъ же ихъ въ борьбѣ съ врагами отечества не пожалѣть своей жизни до послѣдней капли крови за Царя православнаго и за Русь святую“.

Въ день торжества командирами 95-го и 96-го резервныхъ кадровыхъ баталіоновъ была послана военному министру телеграмма такого содержанія:

„95-й и 96-й резервные пѣхотные баталіоны, въ день освященія и принятія Всемиловѣйше пожалованныхъ имъ знаменъ, просятъ ваше высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства безпредѣльной вѣрноподданнической преданности и всегдашней готовности жертвовать жизнью за Царя и отечество. Полковникъ Соколовъ, полковникъ Миллеръ“.

На эту телеграмму отъ военнаго министра былъ полученъ отвѣтъ такого содержанія:

„Командиру 95-го пѣхотнаго резервнаго баталіона.

„Государь Императоръ, по прочтеніи телеграммы вашей, Высочайше соизволилъ повелѣть: поздравить баталіоны съ торжествомъ освященія знаменъ и бла-

годарить васъ и всѣхъ чиновъ сихъ баталіоновъ за вѣрноподданныческія чувства. Генераль - адъютантъ Ванновскій“.

По случаю этого торжества, приказано было устроить обѣдъ нижнимъ чинамъ баталіона по усиленному окладу и выдать на каждаго по чаркѣ водки; гг. же офицеры совмѣстно съ гг. офицерами 96-го пѣхотнаго резервнаго баталіона, во главѣ съ командирами баталіоновъ, чествовали торжественный день за товарищескимъ завтракомъ.

Въ 1883 году, приказомъ по казанскому военному округу, 5-я рота баталіона была командирована для отбытія общаго лагернаго сбора съ 1-го по 30-е августа подъ г. Казанью, въ составѣ 4-хъ офицеровъ, 7 унтеръ-офицеровъ, 2-хъ барабанщиковъ, 68 рядовыхъ и 11 нестроевыхъ.

Въ 1884 году, тѣмъ же приказомъ по округу, для отбыванія общаго лагернаго сбора въ г. Саратовѣ, изъ г. Бузулука 15-го іюля была отправлена 4-я рота, которая вернулась обратно 3-го сентября; 5-я же рота съ 11-го іюля по 7-е сентября, вмѣсто 4-й роты, была командирована въ г. Бузулукъ для несенія караульной службы, а на слѣдующій годъ была отправлена для содержанія карауловъ въ г. Инсарѣ, съ 20-го іюля по 20-е августа того же года. Въ томъ же году, Высочайшимъ приказомъ отъ 28-го іюня за № 163, было установлено старшинство 95-го пѣхотнаго резервнаго баталіона съ 27-го сентября 1851 г. и утвержденъ 100-лѣтній юбилей 27-го сентября 1951 года.

9-го марта 1886 года, Высочайшимъ приказомъ, командиръ баталіона, полковникъ Соколовъ, былъ назначенъ командиръ 44-го пѣхотнаго Камчатскаго полка, и такимъ же приказомъ отъ 16-го марта, командиромъ

баталіона былъ назначенъ полковникъ Францъ Ивановичъ Домбровскій, который вступилъ въ командование 19-го мая того же года.

Съ 1-го по 30-е августа баталіонъ, въ составѣ четырехъ ротъ (1-й, 2-й, 3-й и 4-й), участвовалъ въ общемъ подвижномъ сборѣ между Пензою и Кузнецкомъ, въ который выступилъ 27-го іюля, и возвратился 6-го сентября.

Съ 1887 года, въ виду формированія 6-й роты, штатъ баталіона началъ постепенно увеличиваться; такъ, въ 1888 году къ штату было добавлено: 1 младшій штабъ-офицеръ въ чинѣ подполковника, 2 капитана и 4 младшихъ офицера, въ 1890 году добавлено еще 2 капитана и 1 подпоручикъ. Такимъ образомъ, въ 1891 году штатъ баталіона образовался слѣдующій: гг. офицеровъ 52, классныхъ чиновниковъ 3, строевыхъ нижнихъ чиновъ 585, вольноопредѣляющихся 6 и нестроевыхъ 36. Согласно приказа по округу, въ 1888 году роты, стоявшія въ отдѣлѣ по уѣзднымъ городамъ самарской губерніи, возвратились въ г. Самару: 22-го сентября возвратилась изъ г. Ставрополя 1-я рота, 4-го октября—изъ г. Бугульмы 2-я рота и 17-го октября—изъ г. Бузулука 4-я рота и изъ г. Бугуруслана 3-я рота. Съ этого времени баталіонъ въ полномъ составѣ занялъ постоянную стоянку въ г. Самарѣ.

Въ 1889 и 1890 годахъ баталіонъ въ четырехротномъ составѣ (2-й, 3-й, 4-й и 5-й роты) участвовалъ ежегодно, съ 1-го по 30-е августа, въ общихъ подвижныхъ сборахъ: въ первый разъ подъ г. Саратовомъ, а во второй—между Кузнецкомъ и Саратовомъ.

Высочайшимъ приказомъ 1891 года отъ 25-го марта, 95-й пѣхотный резервный баталіонъ (кадровый) переименованъ въ 300 Бузулукскій резервный баталіонъ,

вслѣдствіе чего, приказомъ по военному вѣдомству отъ 28-го мая того же года, была измѣнена шифровка на погонахъ и на околышахъ нижнихъ чиновъ, вмѣсто 95 Р на: 300. При мобилизаціи изъ баталіона развертываются 2 полка: полкъ 1-й очереди — 300-й Бузулукскій и 2-й очереди — 301-й Бугульминскій.

Приказомъ по военному вѣдомству отъ 29-го марта того же года, въ виду увеличеннаго штата чиновъ баталіона, была сформирована 6-я рота, которая 8-го декабря 1892 была переименована въ 3-ю роту, а 3-я еще 15-го сентября того же года была выдѣлена на сформированіе 192 пѣхотнаго резервнаго Дротчинскаго полка. 22-го іюля 1892 года, Высочайшимъ приказомъ, командиръ баталіона, полковникъ Домбровский II, былъ назначенъ командиромъ 139-го пѣхотнаго Моршанскаго полка, а вмѣсто него, этимъ же приказомъ, назначенъ полковникъ Василій Николаевичъ Прокоповичъ.

Въ 1893 году, 26-го ноября, 4-я рота, въ составѣ 3-хъ оберъ-офицеровъ и 64 нижнихъ чиновъ, была командирована въ село Сороку, самарской губерніи, бузулукскаго уѣзда, для содѣйствія гражданскимъ властямъ по выселенію крестьянъ тамбовской и орловской губерній, самовольно поселившихся на землѣ купчихи Протасовой.

До 1894 года баталіонъ входилъ въ составъ 20-й мѣстной бригады, 30-го же сентября этого года онъ вошелъ въ составъ 50-й пѣхотной резервной бригады и подчинился въ прямомъ отношеніи начальнику бригады, генераль-маіору Иванову. Штабъ бригады г. Пенза. 50-я пѣхотная резервная бригада въ это время была въ 3-хъ-баталіонномъ составѣ, а именно: Оровайскаго, Мокшанскаго и Бузулукскаго. Въ 1896

году изъ каждаго баталіона было выдѣлено по одной ротѣ на сформированіе четвертаго баталіона—Инсарскаго въ г. Пензѣ. Изъ Бузулукскаго баталіона была выдѣлена 2-я рота, въ составѣ 82 нижнихъ чиновъ и 5 оберъ-офицеровъ, и отправлена 22-го декабря. Въ концѣ 1896 года, вслѣдствіе народныхъ волненій, возникшихъ при всеобщей россійской переписи, баталіонъ выступилъ въ г. Бугульму, въ помощь гражданскимъ властямъ, откуда возвратился 15-го января 1897 года. Взамѣнъ выдѣленной 2-й роты на сформированіе Инсарскаго баталіона, 6-я рота была переименована во 2-ю, такъ что баталіонъ опять сталъ пяти-ротнаго состава. Въ 1897 и 1898 г.г. баталіонъ ежегодно участвовалъ въ общихъ подвижныхъ сборахъ подъ г. Пензой. Въ 1899 году, на основаніи приказа по военному вѣдомству 26-го мая, номера бригады и баталіона были измѣнены: бригада перенумерована въ 54-й, а баталіонъ въ 215-й; соотвѣтственно этому и шифровка была измѣнена на околышахъ нижнихъ чиновъ, вмѣсто шифровки 300 на: 215, а на погонахъ номеръ бригады. При мобилизаціи полкъ второй очереди измѣнилъ также нумерацію, вмѣсто № 301-го на: № 283, и назывался Бугульминскій. Въ это же время была прислана новая скоба на знамя съ надписью: „^H_I. Самарскій внутренній гарнизонный баталіонъ. 1899 г. 215-го Бузулукскаго резервнаго баталіона“. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, 1-го числа, 3-я и 4-я роты баталіона были командированы въ ставропольскій уѣздъ, самарской губерніи, въ помощь гражданскимъ властямъ, для выселенія крестьянъ, занявшихъ самовольно землю, принадлежавшую графу Орлову-Давыдову, откуда возвратились 12-го іюля. 15-го августа баталіонъ, въ четырехъ-ротномъ составѣ, выступилъ въ подвижной сборъ между гг. Самарой и

Симбирскомъ и возвратился 27-го августа. Въ 1900 году, 27-марта, командиръ баталіона, полковникъ Прокоповичъ, произведенъ въ генераль-маіоры и уволенъ въ отставку, а командиромъ баталіона, Высочайшимъ приказомъ отъ 4-го августа, назначенъ полковникъ Павелъ Николаевичъ Малюженко, который вступилъ въ командованіе съ 8-го сентября. На долю этого командира выпало сформировать резервный полкъ двухъ-баталіоннаго состава.

II.

Мобилизація.

1-го іюня 1904 года, по Высочайшему приказу, была объявлена мобилизація 54-й пѣхотной резервной бригады, развертываемой въ пѣхотную того же номера дивизію, въ составѣ четырехъ полковъ четырехъ-баталіоннаго состава, при чемъ 1-й баталіонъ 215-го пѣхотнаго резервнаго Бузулукскаго полка долженъ былъ составить кадръ 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка, а 2-й баталіонъ—кадръ 283-го пѣхотнаго Бузульминскаго полка, предназначеннаго въ составъ 71-й пѣхотной дивизіи.

1-го іюня, въ 5 часовъ утра, полкъ, стоявшій лагеремъ невдалекѣ отъ г. Самары, со всѣмъ своимъ имуществомъ выступилъ въ городъ, гдѣ для расквартированія новыхъ частей были уже отведены: большинство училищныхъ зданій, нѣкоторыя казенныя учрежденія, дома заводчиковъ, нѣсколько частныхъ домовъ, а для офицеровъ—имѣвшіяся въ городѣ гостиницы и номера. Однако, отведенныхъ квартиръ оказалось недостаточно, въ виду чего городская

управа немедленно приступила къ постройкѣ на Полицейской улицѣ, у высокаго берега г. Самары, двухъ деревянныхъ бараковъ, на 1,000 человѣкъ каждый.

Съ объявленіемъ мобилизаціи мирная жизнь города оживилась. Уже на слѣдующій день, 2-го іюня, прибыла первая партія запасныхъ нижнихъ чиновъ самарскаго уѣзда въ числѣ 383 человѣкъ и была тотчасъ же разбита по-ротно, а затѣмъ 3-го іюня прибыли запасные нижніе чины ставропольскаго уѣзда въ числѣ 527 человѣкъ (слѣдовало 534) и самарскаго уѣзда—412 человѣкъ (слѣдовало 473). Въ послѣдующіе дни одна за другой прибывали все новыя и новыя партіи запасныхъ: 4-го іюня—491 человѣкъ самарскаго уѣзда (слѣдовало 507), и ставропольскаго уѣзда—534, 5-го іюня—349 человѣкъ самарскаго уѣзда и 185 человѣкъ сенгилеевскаго уѣзда, 6-го іюня—299 человѣкъ сенгилеевскаго уѣзда (слѣдовало 300), 7-го іюня—449 человѣкъ сенгилеевскаго уѣзда (слѣдовало 450) и, наконецъ, 8-го іюня послѣдняя партія сенгилеевскаго уѣзда въ 629 человѣкъ (слѣдовало 634).

Всѣ партіи прибывали своевременно, согласно маршрута, за исключеніемъ партіи ставропольскаго уѣзда, которая опоздала на однѣ сутки. Количество людей въ партіяхъ не сходилось съ составленной мобилизаціонной вѣдомостью всего на нѣсколько человѣкъ, которые прибывали одиночнымъ порядкомъ, оправдываясь опозданіемъ къ отправленію парохода, или же болѣзнью.

Выдача запаснымъ нижнимъ чинамъ мундирной одежды и снаряженія была закончена 4-го іюня, а оружія и принадлежностей къ нему на 5-й день мобилизаціи, къ каковому времени былъ сформированъ и обозъ полка.

Насколько успѣшно шло укомплектованіе полка людьми, настолько скверно пополнялся конскій составъ. Последняя партія лошадей, вмѣсто того, чтобы быть доставленной, согласно присланнаго маршрута, на 5-й день мобилизаціи, прибыла только на 9-й. Со словъ командированнаго для пріема лошадей офицера, выяснилось, что въ городѣ не было даже составлено описи лошадямъ, подлежащимъ учету воинской повинности, такъ что опись эту предварительно пришлось составлять особой комиссіи, а это сильно тормозило принятіе лошадей, и неудивительно, что отправка ихъ въ полки замедлялась. Несмотря на встрѣтившіяся затрудненія, мобилизація полка была закончена 13-го іюня, съ прибытіемъ дополнительной партіи запасныхъ самарскаго уѣзда въ числѣ 55 человекъ, и полкъ былъ готовъ къ походу, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, выступленіе въ походъ всей дивизіи было отложено.

Тѣмъ временемъ въ полку производились строевыя занятія и проходилъ курсъ стрѣльбы. Нечего и говорить, что занятія съ запасными нижними чинами сравнительно далекихъ сроковъ службы, начиная съ 1887 года, совершенно отвыкшихъ отъ дисциплины и позабывшихъ все то, чему ихъ раньше учили, являлись болѣе, чѣмъ необходимыми. Въдѣ въ этой громадной, четырехтысячной толпѣ, собравшейся изъ различныхъ угловъ самарской губерніи, одѣтой и обутой весьма разнообразно, отъ щегольского платья и лакированныхъ сапогъ или ботинокъ горожанина до лохмотьевъ и лаптей бѣднаго мужика, были прямо старики, сгорбленные и неуклюжіе, обремененные большими семьями и производившіе, конечно, впечатлѣніе не солдатъ, а мирныхъ гражданъ почтеннаго возра-

ста, ничего общаго не имѣющихъ съ военной службой. Съ немалымъ трудомъ удалось въ теченіе трехъ слишкомъ недѣль приучить этихъ людей сколько-нибудь къ строю, къ дисциплинѣ и дать имъ воинскую выправку при крайне неблагопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ комплектованія состава офицеровъ полка, прибывшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, незнакомыхъ другъ другу, съ различными взглядами и своеобразными характерами и, естественно, взаимно не сплоченныхъ и совершенно не знавшихъ чуждыхъ имъ солдатъ-самарцевъ.

Въ дополненіе всего, и командиръ полка, полковникъ Малюженко, назначенный на новую должность Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го іюня, представлялъ изъ себя больного, полуслѣпого человѣка, очень до-вѣрчиваго и слишкомъ добраго, чтобы взять въ руки вновь сформированную часть.

Плохо ли, хорошо ли, а строевыя занятія съ запасными нижними чинами велись ежедневно и на ряду съ ними прилагалась забота о надлежащей постановкѣ пищевого довольствія, а также и о санитарномъ надзорѣ въ развернутой части. Горячая пища и хлѣбъ собственной выпечки выдавались ежедневно въ установленномъ количествѣ. Во избѣжаніе же распространенія заразныхъ болѣзней, принесенныхъ запасными, какъ-то: чесотка, трахома и венерическія болѣзни, общими усиліями полковыхъ врачей производилась немедленная изоляція больныхъ, отправляемыхъ, тотчасъ же по обнаруженіи болѣзни, въ мѣстный лазаретъ, а вещи ихъ тщательно дезинфецировались. Всѣмъ запаснымъ была привита предохранительная оспа, давшая около 10 — 12 процентовъ успѣшныхъ прививокъ.

Число оставленныхъ больныхъ въ лечебныхъ заведеніяхъ передъ выступленіемъ полка въ походъ выразилось: 1 офицеръ, 86 нижнихъ чиновъ и 181 слабосильныхъ нижнихъ чиновъ было передано самарскому уѣздному воинскому начальнику. Кромѣ того, съ 1-го іюня по 2-е іюля уволено изъ полка за неспособностью 78 нижнихъ чиновъ и 5 нижнихъ чиновъ получили годовой отпускъ по болѣзни.

Касаясь самой постановки санитарной и медицинской частей въ полку передъ выступленіемъ въ походъ, слѣдуетъ замѣтить, что онѣ имѣли довольно существенные недочеты. Во-первыхъ, санитарный обозъ не былъ снабженъ приспособленіями Яковлева, которыя получились только дорогой и были выданы на стоянкѣ подъ Мукденомъ, у деревни Тяхэ.

Медицинское снабженіе состояло изъ хирургическихъ инструментовъ стараго образца 1876 года, а врачебныхъ сумокъ съ ихъ содержимымъ не было прислано вовсе.

Фляги фельдшерскія и санитарныя стеклянныя, а не алюминіевыя, оказались очень непрактичными въ походѣ и частью побились въ дорогѣ, частью полопались во время морозовъ. Всѣ эти недочеты, представлявшіеся на первый взглядъ ничтожными, имѣли очень большое значеніе въ бояхъ, гдѣ недостатокъ въ томъ или другомъ предметѣ до крайней степени осложнялъ медицинскую дѣятельность...

29-го іюня въ приказѣ по самарскому гарнизону за № 95 объявлялось:

„1-го іюля назначенъ Высочайшій смотръ войскамъ 5-го Сибирскаго корпуса и горнымъ восточно-сибирскимъ батареямъ, отправляющимся на Дальній Востокъ. 215-му Бузулукскому, 283-му Бугульминскому полкамъ

и горнымъ батареямъ построиться на Вокзальной площади, фронтомъ къ вокзалу, позади обозы названныхъ полковъ. Упомянутымъ частямъ войскъ прибыть на площадь въ $10\frac{1}{3}$ часовъ утра и встать по линіямъ, обозначеннымъ линейнымъ. Форма одежды походная, съ полнымъ снаряженіемъ, въ мундирахъ и орденахъ“.

Къ этому времени мобилизованный полкъ состоялъ изъ 56 штабъ и оберъ-офицеровъ, священника, 5 врачей, 2 классныхъ чиновниковъ и 3,840 нижнихъ чиновъ.

III.

Высочайшій смотръ.

1-е іюля для города Самары было торжественнымъ и радостнымъ днемъ. Городъ и желѣзнодорожная станція разукрасились флагами, обвилились зеленью и цвѣтами и въ этомъ пышномъ, праздничномъ нарядѣ ждали прибытія Высокаго Гостя.

День стоялъ ясный и жаркій. Ослѣпительные лучи солнца весело переливались въ прозрачно-голубомъ небѣ и золотымъ блескомъ заливали красавицу Волгу и дома, и улицы громаднаго города, и безграничное нарядное море народа, съ ранняго утра запрудившаго Вокзальную площадь и прилегающіе къ ней кварталы.

На лицахъ у всѣхъ сіяла счастливая улыбка, и душой овладѣвало необыкновенно отрадное, трепетное чувство, объединившее и одинаково взволновавшее всѣхъ. Русскій народъ желалъ видѣть у себя своего Царя, принять Его и излить свою сердечную любовь и привязанность къ Нему.

Въ $10\frac{1}{3}$ часовъ утра Бузулукскій и Бугульминскій полки построились на Вокзальной площади, ли-

цомъ къ вокзалу. Въ 11 часовъ утра показался Царскій поѣздъ. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ устремились въ одно мѣсто. Наступила полнѣйшая тишина, и казалось, что все замерло. Но вотъ гдѣ-то тамъ, у вокзала, раздалось „ура“, всколыхнуло толпу и, какъ вешній громъ, раскатилось оно по всему городу и не стихло, а все болѣе и болѣе росло и гремѣло, неудержимо вырываясь изъ глубины груди десятковъ тысячъ русскихъ людей.

На великолѣпной гнѣдой лошади, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Михаила Александровича, Великаго Князя Сергія Михайловича и блестящей свиты, появился Государь на Вокзальной площади, здороваясь, объѣхалъ фронтъ полковъ и всталъ у царской палатки. Пропустивъ войска церемоніальнымъ маршемъ по-баталіонно, Его Величество подѣхалъ къ Бузулукскому полку. Всѣ офицеры полка были вызваны передъ серединою его. Государь благодарилъ за смотръ и благословилъ полкъ въ походъ на Дальній Востокъ прекрасной иконой святителя Николая, архіепископа, мѣликійскаго Чудотворца, осчастлививъ слѣдующими милостивыми словами:

„Отъ лица Государыни Императрицы и Своего благословляю васъ, братцы, сею иконою, надѣясь, что вы такъ же храбро и мужественно отразите сильнаго и коварнаго врага, какъ встарину геройски дрались ваши дѣды и отцы. Увѣренъ, что вы поддержите славу и историческую честь русскаго оружія и до конца исполните свой воинскій долгъ, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, когда судить вамъ Богъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ. Желаю вамъ всѣмъ успѣха и счастливаго возвращенія домой“.

Напутственное . благословеніе Державнаго Вождя полкъ выслушалъ колѣнопреклоненно, среди благоговѣйной тишины.

Въ эту великую по своему смыслу минуту всѣ отъ мала до велика, войска и народъ, прониклись неподдѣльной горячей любовью къ родному Царю-батюшкѣ, въ ясныхъ глазахъ котораго можно было замѣтить грусть и страданіе за дорогой его сердцу народъ, съ готовностью отдававшій своихъ лучшихъ сыновъ на служеніе родинѣ въ предстоявшей трудной и опасной борьбѣ съ врагомъ.

Государь Императоръ, благословивъ полкъ, передалъ икону командиру полка, а отъ сего послѣдняго принялъ Царское благословеніе полковой священникъ.

Затѣмъ Государь объѣхалъ ряды полка, милостиво выражая благодарность за молодецкій видъ и отличную строевую выправку.

Послѣ смотра, войска встали шпалерами по Москальской улицѣ, по которой Его Величество отбылъ въ городской соборъ, оттуда къ памятнику Императора Александра II и, наконецъ, обратно на вокзалъ, при несмолкаемыхъ кликахъ „ура“.

Посѣщеніе обожаемымъ Монархомъ города Самары и милостивая, прочувствованная рѣчь его оставили навсегда въ сердцахъ войскъ и народа свѣтлое и святое воспоминаніе, а икона, коей благословленъ полкъ, отнынѣ стала для него великой святыней.

IV.

Проводы.

2-го іюля граждане города Самары, въ лицѣ своихъ представителей—городского головы и гласныхъ думы, чествовали полкъ поднесеніемъ ему въ благословеніе на походъ художественной работы иконы святителя Алексія, митрополита московскаго, патрона города Самары. Чествованіе началось молебномъ передъ фронтомъ полка, отслуженнымъ епископомъ самарскимъ. По окончаніи молебна, преосвященный принялъ изъ рукъ самарскихъ гражданъ икону святителя Алексія и, произнеся напутственное слово, благословилъ ею командира и весь полкъ.

Еще ранѣе, а именно 1-го мая, прибыли въ Самару, во главѣ съ городскимъ головой, члены управы города Бузулука, привезшіе съ собой въ благословеніе своему родному полку отъ гражданъ города прекрасную икону—складень, высоко художественной работы, съ изображеніемъ посерединѣ смоленской Божіей Матери, по правую сторону—святой равноапостольной Маріи Магдалины, по лѣвую—святого Архистратига Михаила. Съ благословенія епископа самарскаго, икона была встрѣчена полковымъ священникомъ съ крестнымъ ходомъ изъ гарнизонной церкви на вокзалъ и обратно, въ сопровожденіи всего полка со знаменемъ. Сіи иконы, поднесенныя въ знакъ особеннаго расположенія мѣстнаго населенія къ полку и въ воздаяніе оказанныхъ имъ услугъ въ теченіе пятидесятилѣтняго квартированія въ городѣ Самарѣ, были взяты въ походъ, а Царское благословеніе, икона святителя Николая, со-

путствовала полку не только въ походахъ, но и въ бояхъ, носимая знаменщикомъ на груди.

4-го іюля, съ 6 часовъ утра, полкъ началъ по-эшелонно выступать изъ города Самары для слѣдованія по желѣзной дорогѣ въ Маньчжурію. Весь этотъ день вокзалъ и улицы, по которымъ проходили войска, были усыяны народомъ. Лучшія пожеланія неслись уходящему въ невѣдомую, далекую страну полку.

Глубокое горе близкихъ людей смѣшивалось здѣсь съ радостной надеждой на счастливое будущее, на успѣхъ полка въ грядущихъ бояхъ, на славную побѣду надъ коварнымъ врагомъ.

Но вотъ часть полка помѣстилась въ вагоны длиннаго поѣзда. Осталось всего нѣсколько минутъ до отправленія.

Наступила трогательная минута разставанія.

Густая толпа публики осадѣла поѣздъ. Сюда собрались представители всѣхъ классовъ общества, безъ различія положеній и возраста, ибо почти у каждаго было дорогое существо, покидающее, быть можетъ, навсегда родную губернію, родной городъ, родную семью.

Торопливыя рукопожатія, горячіе прощальные поцѣлуи отцовъ и дѣтей, матерей, женъ, — и поѣздъ, дрогнувъ, медленно покатился впередъ, сопровождаемый сплошнымъ гуломъ народа. Кучи людей, обливаясь слезами, бросились вслѣдъ за убѣгавшими вагонами, протягивая къ нимъ дрожащія руки и точно стараясь задержать ихъ.

— Пана, милый, не уѣзжай, возьми насъ съ собой! — раздались голоса дѣтей, и крѣпившіеся до сихъ поръ войны не сдержали душившихъ ихъ слезъ и разрыдались.

Огромная пропасть отдѣлила вдругъ этотъ живой поѣздъ отъ покидаемой родины, и все почувствовали ужасъ происшедшаго разрыва...

Послѣдній эшелонъ полка выступилъ изъ города Самары 6-го іюля, въ 2 часа 29 минутъ дня.

V.

Въ пути.

Шесть воинскихъ поѣздовъ, перевозившихъ полкъ со всею его обозомъ изъ Самары въ Маньчжурію, шли другъ за другомъ, дѣлая суточные перегоны въ среднемъ отъ 170 до 200 верстъ, при небольшихъ сравнительно остановкахъ на станціяхъ. Офицеры ѣхали въ особомъ на каждый поѣздъ вагонѣ второго класса; нижніе чины были размѣщены въ товарныхъ вагонахъ, спеціально приспособленныхъ для перевозки войскъ. Въ вагонахъ были устроены двухрядныя доски, въ видѣ наръ, полки для отдыха, на которыхъ люди спали. Тамъ, гдѣ происходили болѣе продолжительныя остановки поѣздовъ, съ нижними чинами велись строевыя ученья и гимнастическія занятія. Пища, заказываемая въ пути на продовольственныхъ пунктахъ, отличалась большею частью свѣжестью и обиліемъ. Со дня выступленія въ походъ нижнимъ чинамъ выдавался чай и сахаръ, кипяткомъ же можно было получать почти на всякой станціи бесплатно.

Стоявшая все время прекрасная погода, теплый и чистый воздухъ, напоенный ароматомъ роскошныхъ сибирскихъ и маньчжурскихъ степей, вселяли въ людяхъ бодрость, здоровье и силы.

Заболѣваемость за всю дорогу была очень незначительна. Въ лечебныя заведенія пришлось отправить: изъ 68 нижнихъ чиновъ, заболѣвшихъ перемежной лихорадкой, 7 человекъ, изъ 67 случаевъ острыхъ заболѣваній кишечника—4 человекъ, съ прочими заболѣваніями (ревматизмъ, ангина, ушныя болѣзни и друг.)—28 человекъ, съ сифилитическими заболѣваніями—29 человекъ, венериковъ—41 человекъ и съ механическими поврежденіями—2 человекъ.

Подойдя къ желѣзнодорожной станціи Байкаль, на берегу озера Байкала, эшелоны были пересажены частью на ледаколъ „Байкаль“, частью на пароходъ „Ангару“ и перевезены по озеру, на протяженіи сорока верстъ, на другой берегъ, къ станціи Мысовой, откуда по желѣзной дорогѣ отправились дальше. Во время переѣзда по озеру отъ качки у нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ наблюдались головокруженіе, тошнота и рвота, а у одного нижняго чина головокруженіе дошло даже до упадка дѣятельности сердца. однако, по перевозкѣ на сушу, онъ быстро оправился.

2-го августа, въ 12 часовъ дня, первый эшелонъ полка (1-й баталіонъ) прибылъ на станцію Мукденъ, конечный пунктъ движенія по желѣзной дорогѣ, пройдя отъ Самары 6,609 верстъ въ теченіе 29 дней. Тотчасъ же приступили къ выгрузкѣ эшелона, по окончаніи которой, въ 3 часа дня, баталіонъ, не дожидаясь прихода остальныхъ эшелоновъ полка, походнымъ порядкомъ двинулся къ деревнѣ Тяхэ, отстоявшей отъ Мукдена въ 7 верстахъ.

Проселочная дорога, ведущая къ деревнѣ, вслѣдствіе сильнаго дождя и глинистой почвы, сдѣлалась очень трудной для движенія, особенно для обоза, въ виду чего послѣдній, несмотря на короткій переходъ,

отсталъ. Люди едва шли, глубоко завязая въ густой, растворенной дождемъ глинѣ, облѣплявшей сапогъ до того, что нога становилась невозможно тяжелой. Повозки буквально тонули въ грязи, и лошади не въ силахъ были тащить ихъ. И только послѣ долгихъ стараній, общими усиліями людей и лошадей, удалось доставить обозъ въ деревню Тяхэ. Сюда баталіонъ пришелъ въ 6 часовъ вечера и расположился бивакомъ въ тѣнистой рощѣ, на опушкѣ деревни.

VI.

Тяхэ — Янтай.

3-го августа боевымъ порядкомъ прибыли со станціи Мукденъ и остальные эшелоны и встали бивакомъ недалеко отъ 1-го баталіона, среди цвѣтущихъ гаоляновыхъ полей. Для нижнихъ чиновъ и офицеровъ были разбиты походныя палатки съ подстилкой снизу цыновокъ или просто жесткихъ стеблей гаоляна.

Изъ-за невылазно грязныхъ дорогъ, размываемыхъ ежедневно проливными дождями, доставка продовольственныхъ продуктовъ производилась весьма неаккуратно, и потому пищевое довольствіе полка первое время было поставлено плохо. Ощущался недостатокъ то въ мясѣ, то въ хлѣбѣ,—приходилось нерѣдко прибѣгать къ сухарямъ. Плохая пища, скверныя гигиеническія и санитарныя условія, грязная питьевая вода вызывали многочисленныя острыя заболѣванія кишечника, выражавшіяся въ коликахъ, рвотѣ, поносѣ, иногда кровавомъ, но въ большинствѣ случаевъ болѣзни эти скоро и безслѣдно проходили послѣ нѣсколькихъ приѣмовъ опійной настойки.

За двѣ недѣли, съ 1-го по 16-е августа, было 602 такихъ заболѣваній кишечника, изъ которыхъ 59 человекъ потребовалось отправить въ лечебныя заведенія. Затѣмъ заболѣваемость быстро уменьшилась, такъ что въ слѣдующую недѣлю заболѣло 50 человекъ, при чемъ изъ нихъ никого не понадобилось отправить въ лечебныя заведенія.

Съ 5-го августа, приказомъ по 54-й пѣхотной дивизіи, полкъ вошелъ въ составъ Мукденскаго отряда, назначеннаго для прикрытія пяти мостовыхъ переправъ черезъ рѣку Хуньхэ, у города Мукдена.

Командованіе отрядомъ принялъ начальникъ дивизіи, генераль-маіоръ Орловъ.

По полученной 4-го августа диспозиціи Мукденскому отряду, полкъ съ четырьмя, батареями 72-й артиллерійской бригады назначался, на случай тревоги, въ боевую часть и долженъ былъ оборонять участокъ отъ форта № 3 вправо до берега рѣки Хуньхэ, занимая форты №№ 3-й, 4-й, 5-й и всѣ укрѣпленія, редутъ и окопы вправо отъ форта № 3 до рѣки. Командовать боевою частью былъ назначенъ командиръ 2-й бригады 54-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Фоминъ.

Никакой тревоги не было, но тѣмъ не менѣе полкъ все время держалъ себя насторожѣ.

Съ 7-го августа въ сторожевое охраненіе отъ полковъ, поочереды, сталъ назначаться баталіонъ, занимавшій линію вѣтки отъ Китайской Восточной желѣзной дороги на Фушунскія копи. Кромѣ того, отъ полка высылалась рота для охраны желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Хуньхэ.

Приказомъ по 54-й пѣхотной дивизіи отъ 7-го августа, общее начальство надъ бивачнымъ расположеніемъ

полка было поручено командиру 26-й артиллерійской бригады, генераль-маіору Алиеву.

Тяжелые дни настали для полка. Не говоря уже объ изнурительности сторожевой службы, люди страдали отъ дурной, дождливой погоды, отъ непривычнаго климата, отъ плохого питанія, по цѣлымъ днямъ, вдобавокъ, расходуя свободные отъ службы часы на вырубку гаюляна впереди укрѣпленій.

Такія условія походной жизни не могли, конечно, не отразиться на состояніи духа офицеровъ и солдатъ, тѣмъ болѣе, что, какъ сказано выше, появилось много желудочныхъ заболѣваній, отчего численный составъ замѣтно ослаблялся. До 14-го августа полкъ простоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, пока не получило приказаніе по дивизіи о переходѣ къ деревнѣ Шахэ, сѣвернѣе Сахэпу. Полкъ назначался въ авангардъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Фомина. Правая колонна (генераль-маіоръ Алиевъ) состояла изъ 216-го пѣхотнаго Инсарскаго полка и 24-хъ полевыхъ орудій 26-й артиллерійской бригады, а лѣвая колонна (генераль-маіоръ Петеровъ)—изъ 214-го пѣхотнаго Мокшанскаго полка. Отъ Бузулукскаго полка, какъ авангарда, былъ высланъ впередъ головной отрядъ, въ составѣ перваго баталіона, который, въ свою очередь, выслалъ походную заставу и дозоры.

Согласно приказу по дивизіи, полкъ выступилъ въ 11 часовъ утра 14-го августа и слѣдовалъ черезъ деревни Уапсынтунь—Шанхтунь—Сычуаньтунь—Даянелътунь—Каулитунъ—Туаньтунь—Сахэпу, совершивъ переходъ въ 18 верстъ съ большимъ приваломъ у деревни Даянелътунь. Обозъ шелъ вслѣдъ за полкомъ, и для прикрытія его была назначена 13-я рота,

слѣдовавшая сзади него. Охотничья команда находилась во главѣ 2-го баталіона.

Движеніе сильно затруднялось невылазной грязью, такъ какъ наканунѣ прошелъ большой дождь, и полкъ прибылъ на бивакъ уже по наступленіи темноты, а обозы, заночевавъ въ дорогѣ, подѣхали лишь на другой день. По прибытіи на бивакъ, по распоряженію начальника дивизіи, были высланы 6-я и 16-я роты для занятія предмостныхъ укрѣпленій на рѣкѣ Хуньхэ, а сторожевую линію бивака занялъ 3-й баталіонъ, смѣнившійся вскорѣ баталіономъ Инсарскаго полка. Вообще, сторожевое охраненіе несли поочередно Бузулукскій и Инсарскій полки.

На бивакѣ у деревни Сахэпу полкъ простоялъ четыре дня.

17-го августа, вечеромъ, получился приказъ начальника дивизіи, за № 4, слѣдующаго содержанія:

„Деревня Шахэ (Сѣверное), 17-го августа 1904 года, 8 часовъ вечера.

„Наша армія въ бою подъ Ляояномъ съ обѣими японскими арміями.

„Командующій арміей приказалъ частямъ ввѣренной мнѣ дивизіи перейти къ станціи Янтай.

„Для чего:

„І. Авангардъ:
г.-м. Фоминъ.
215-й п. Бузу-
лукскій п. . . 3 батал.
Всего . . . 3 батал.

І. Выступить завтра, 18-го августа, въ 4 часа утра, и слѣдовать Мандаринской дорогой на деревни Падяза — Ліутхангоу — Шилихэ — Кедегоу — Янтай. Большой приваль у дер. Кедегоу до 12 часовъ дня. Ночлегъ у ст. Янтай.

„II. Главныя силы:

г.-м. Алиевъ.

216-й п. Инсар-
скій п. . . . 3 батал.
26-й артиллер.
бригады . . . 16 п. ор.

Всего . . . $\left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ батал.} \\ 16 \text{ п. ор.} \end{array} \right.$

II. Выступить завтра,
18-го августа, въ 5 часовъ
утра, и слѣдовать тою
же Мандаринской дорогой.
Большой привалъ, пройди
рѣчку, у деревни Шилихэ.
Ночлегъ у ст. Янтай.

„III. Охраненіе. Для охраненія лѣваго фланга дви-
женія выслать обѣ охотничьи команды въ направленіи
деревень: Хоутай, Кіанхутунъ, Хунбоасанъ, Синзуанъ,
Хундязуанъ, Кушуишцы, Цхаугансы, Мутоусо. Охот-
ничьимъ командамъ выступить одновременно съ аван-
гардомъ и двигаться: командѣ Бузулукскаго полка—
на высотѣ авангарда, командѣ Инсарскаго полка—на
востокъ отъ главныхъ силъ; обѣимъ поддерживать
связь съ колоннами.

„IV. Обозамъ перваго разряда съ походными кух-
нями слѣдовать въ хвостѣ своихъ частей; кухнямъ на
походѣ варить обѣдъ.

„V. Обозамъ 2-го разряда выступить въ 6 часовъ
утра и слѣдовать за главными силами. Въ прикрытіе
назначается по двѣ роты отъ каждаго изъ полковъ,
подъ общимъ начальствомъ штабъ-офицера отъ Бу-
зулукскаго полка, коему подчиняются и всѣ обозы
2-го разряда.

„VI. Дивизионному лазарету выступить въ 9 часовъ
утра и перейти къ Шилихэ.

„VII. Дивизионный обозъ, 72-я артиллерійская легучая парковая бригада, полевые подвижные госпитали №№ 103 и 104 остаются у Мукдена.

„VIII. Я буду при главныхъ силахъ, куда и присылать донесенія.

„IX. Замѣстители: г.-м. Алиевъ, г.-м. Фоминъ.

„X. Сторожевому охраненію, при подходѣ къ нему авангарда, собраться на линіи заставъ къ Мандаринской дорогѣ и присоединиться къ колоннѣ главныхъ силъ.

„Командующій дивизіей, г.-м. Орловъ.

„Начальникъ штаба, генеральнаго штаба
подполковникъ Глобачевъ“.

Въ 5 часовъ утра, 18-го августа, полкъ двинулся по Мандаринской дорогѣ, превратившейся отъ дождей въ сплошное топкое болото, и къ мѣсту новаго бивака прибылъ въ 4 часа дня, сдѣлавъ переходъ въ 25 верстъ. Тотчасъ же людей накормили горячей пищей и дали имъ нѣкоторый отдыхъ, за исключеніемъ 1-й и 4-й ротъ, назначенныхъ въ сторожевое охраненіе. Поздно вечеромъ получился приказъ начальника дивизіи за № 5, которымъ предписывалось:

„Деревня Янтай, 18-го августа 1904 года, 8 час. 50 мин. вечера.

„Наша армія въ бою подѣ Ляояномъ съ обѣими японскими арміями.

„Для обезпеченія лѣваго фланга позиціи 17-го корпуса частямъ ввѣренной мнѣ дивизіи завтра, 19-го августа, перейти къ деревнѣ Чжансутунъ (Чаншутунъ).

„Для чего:

„I. Авангардъ:

г.-м. Фоминъ.

216-го п. Инсарскаго п. . $3\frac{1}{2}$ бат.

1-го Аргунскаго каз. п. 2 сотни.

Всего . $\left\{ \begin{array}{l} 3\frac{1}{2} \text{ бат.} \\ 2 \text{ сотни.} \end{array} \right.$

„II. Главныя силы:

г.-м. Алиевъ.

215-го п. Бузулукскаго п. . $3\frac{1}{2}$ бат.

2 6 арт. бригады 16 п. ор.

Всего . $\left\{ \begin{array}{l} 3\frac{1}{2} \text{ бат.} \\ 16 \text{ п. ор.} \end{array} \right.$

Выступить въ 4 часа утра и слѣдовать черезъ деревни Ваньбаучо — Инченцзы — Цзусандопа — Сяомяоцзы — Синчжуанцзы къ деревнѣ Чаншитунь.

Выступить въ 5 часовъ утра и слѣдовать тою же дорогою къ деревнѣ Чаншитунь.

„III. Охраненіе. Для обезпеченія лѣваго фланга начальнику авангарда выслать $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ въ направленіи на деревни Кауцзятунь — Талиенгоу — Лилиангоу — Таухуатунь.

„IV. Обозамъ 2-го разряда, подъ общимъ начальствомъ 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка подполковника Лисичкина, имѣя въ прикрытіи по 40 человекъ слабосильныхъ отъ каждаго полка, оставаться на мѣстѣ бивака 216-го пѣхотнаго Инсарскаго полка, у деревни Янтай.

„V. Дивизионному лазарету перейти къ дер. Сюмяоцзы.

„VI. Замѣстители: г.-м. Алиевъ и г.-м. Фоминъ.

„VII. Я буду находиться при главныхъ силахъ, куда и присылать донесенія.

„Командующій дивизіей, г.-м. Орловъ.

„Начальникъ штаба, подполковникъ Глобачевъ“.

Кое-какъ переночевавъ на размытомъ полѣ, подъ проливнымъ дождемъ, полкъ 19-го августа, въ 5 часовъ утра, послѣ завтрака, вмѣстѣ съ артиллеріей, подъ начальствомъ г.-м. Алиева, въ качествѣ главныхъ силъ, выступилъ съ бивака подъ дер. Янтай и направился по линіи вѣтки желѣзной дороги на копи Янтай, куда, какъ сообщали развѣдчики, двигались уже и японцы. 1-я и 4-я роты, находившіяся въ сторожевомъ охраненіи, присоединились къ полку на линіи желѣзной дороги, у деревни Танченцзы. 5-я и 14-я роты выдѣлились въ прикрытіе къ артиллеріи и на ихъ долю выпала нелегкая задача. Орудія и зарядные ящики вязли въ грязи, лошади выбивались изъ силъ, то и дѣло останавливаясь и отказываясь идти дальше. Нижніе чины 5-й и 14-й ротъ сдѣлали все возможное, чтобы выручить безпомощную артиллерію: они тащили вмѣстѣ съ изнуренными лошадьми орудія, несли на себѣ съ утра до вечера артиллерійскіе снаряды, пока батареи не добрались до своихъ позицій.

Сколько чрезмѣрнаго, невѣроятнаго труда было положено здѣсь голодными, мокрыми, замученными людьми!

Въ 4 часа пополудни полкъ, въ составѣ 3¹/₂ баталіоновъ, всталъ бивакомъ у каменноугольныхъ ко-

пей Янтай, откуда тотчасъ же выступили 7-я и 8-я роты на позицію, для смѣны ротъ Срѣтенскаго сибирскаго полка.

Около 7 часовъ вечера, по приказанію начальника отряда, г.-м. Орлова, полкъ перешелъ ближе къ намѣченной для боя позиціи.

Въ сторожевое охраненіе были посланы 13-я, 14-я, 15-я и 5-я роты.

Около 12 часовъ ночи получило приказаніе выступать 20-го августа, въ 4 часа утра, и атаковать четырехголовую сопку: 215-му пѣхотному Бузудукскому полку съ правой стороны, 216-му пѣхотному Инсарскому полку съ лѣвой (диспозиція Янтайскому отряду № 6 ¹⁾).

Ночь прошла тревожно. Нервы у всѣхъ были напряжены. Кое-гдѣ слышались ружейные вѣстрѣлы, глухіе и таинственные въ ночной темнотѣ.

Люди не спали: одни молились, готовились къ первому боевому крещенію, другіе тихо бесѣдовали, вспоминали родную Россію, свои семьи, друзей и не то со страхомъ, не то съ любопытствомъ заглядывали въ сокрытую тайну завтрашняго дня: что-то онъ скажетъ?

VII.

Янтайскій бой.

Свѣжая, тихая ночь, тревожная и томительная, близилась къ концу.

Звѣзды потухали.

Синее небо и окружающая мгла сѣрѣли, принимая бѣлесоватый оттѣнокъ.

¹⁾ Диспозиція № 6 въ полку не сохранилась.

Мало-по-малу проявлялся востокъ, и вскорѣ вдали, на блѣдно-голубомъ горизонтѣ, всплыло величественное, яркое солнце, брызнувъ потокомъ живительныхъ, сіяющихъ лучей.

Впереди и слѣва, причудливо группирясь, виднѣлась цѣпь зеленыхъ сопокъ съ рельефными очертаніями, обведенными дымчатою полосой утренняго тумана.

Справа, на необозримое пространство, разстилалась волнообразная равнина, поросшая густымъ и высокимъ лѣсомъ гаоляна, съ едва замѣтными полосками низкорослой чумизы, бобовъ, мака, картофеля.

Тамъ и сямъ, изъ гущи гаоляновыхъ полей, выглядывали темносинія кудри небольшихъ берестовыхъ рошницъ, — признакъ китайскихъ деревушекъ.

Солнце медленно поднималось по чистому и широкому небу.

День обѣщалъ быть погожимъ.

Бывакъ, затерянный въ безконечныхъ сплошныхъ заросляхъ гаоляна, закипѣлъ жизнью.

Еще до разсвѣта вчерашняя диспозиція за № 6, объ атакѣ четырехъголовой сопки, была отмѣнена.

Въ 5 часовъ утра получило приказаніе занять позицію влѣво отъ Инсарскаго полка и баталіона Срѣтенскаго полка. Полкъ поспѣшно двинулся впередъ и занялъ указанную позицію. Баталіоны расположились въ такомъ порядкѣ: 1-й баталіонъ по гребню сопки, имѣя 1-ю и 2-ю роты въ боевой линіи, 3-ю и 4-ю — въ баталіонномъ резервѣ; 2-й баталіонъ влѣво отъ 1-го, имѣя впереди 5-ю и 8-ю роты и 7-ю роту въ своемъ резервѣ; 3-й баталіонъ составилъ полковой резервъ, къ которому должны были подойти 13-я, 14-я и 15-я роты со сторожевого охраненія.

Этотъ памятный день рѣшалъ участь ляоянскаго боя и именно здѣсь, у Янтайскихъ коней.

Отрядъ, которымъ командовалъ генераль-маіоръ Орловъ, состоялъ изъ 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка, 216-го пѣхотнаго Инсарскаго полка, 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка, одного баталіона Срѣтенскаго сибирскаго полка, 26-й артиллерійской бригады, нѣсколькихъ казачьихъ сотенъ и горныхъ орудій.

Въ сущности, задача отряда ограничивалась первоначально охраненіемъ лѣваго фланга нашей арміи, а затѣмъ, по прибытіи 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Штакельберга, отрядъ совмѣстно съ этимъ корпусомъ и при содѣйствіи сосѣднихъ частей, долженъ былъ задержать начавшую обходить насъ армію генерала Куроки и отбросить ее.

Само собою разумѣется, что такая сложная операція не могла быть выполнена маленькимъ отрядомъ генерала Орлова безъ содѣйствія 1-го корпуса, а потому отряду слѣдовало воздержаться отъ какихъ бы то ни было самостоятельныхъ дѣйствій противъ цѣлой японской арміи и насколько возможно бдительнѣе и осторожнѣе слѣдить за всякимъ ея движеніемъ, не ввязываясь въ серьезный бой до подхода корпуса генерала Штакельберга, прибытіе котораго было назначено ранѣе полудня 20-го августа.

Но генераль Орловъ, движимый, вѣроятно, съ одной стороны, желаніемъ атаковать своими слабыми сравнительно силами японцевъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ натиска на сосѣдній 17-й корпусъ, нуждавшійся въ посторонней помощи, съ другой стороны, исполняя разнорѣчивыя приказанія высшихъ начальниковъ, поступилъ иначе. Трудно, впрочемъ, сказать, какія по-

бужденія руководили въ это время начальникомъ отряда и какія цѣли онъ преслѣдовалъ, такъ какъ никто изъ офицеровъ не былъ освѣдомленъ относительно предстоявшаго дѣла и даже, кажется, вмѣсто отмѣненной диспозиціи, новой дано не было, но все же, судя по ходу дѣла и по всѣмъ перипетіямъ боя, высказанное предположеніе будетъ правильнымъ.

Въ 6 часовъ утра наши батареи открыли одиночный огонь по показавшемуся въ различныхъ мѣстахъ изъ-за сопокъ противнику.

Японцы не отвѣчали, точно чего-то выжидая; очевидно, они не видѣли нашего, скрытаго въ складкахъ мѣстности передвиженія. Но вотъ любопытство свѣжаго, необстрѣленнаго полка, впервые встрѣтившагося со врагомъ, взяло верхъ надъ благоразуміемъ. Офицеры и солдаты, одинъ за другимъ, повылазили на вершину сопки и вглядывались въ зеленую, роковую даль. Японцамъ только этого и нужно было. Они сразу сообразили, что за гребнемъ сопки скрываются войска, и тотчасъ же направили сюда огонь своихъ батарей. Нѣсколько шимозъ и шрапнелей разорвалось далеко впереди полка. Недолетъ былъ большой. Это ободрило людей. Въ рядахъ слышались насмѣшки надъ промахами врага.

— Постой, мы еще тебѣ покажемъ!—грозили солдаты въ сторону японцевъ.

— Вы замѣчены японцами! — прозвучалъ голосъ подѣхавшаго къ полку командира бригады, генерала Фомина.

— Отступайте на деревню!.. Позиція слишкомъ выдается,—продолжалъ онъ и самъ повелъ полкъ на знакомую ему по предыдущей рекогносцировкѣ позицію.

Огнбая съ тыла артиллерію, полкъ зашелъ въ гаолянъ и сбился съ направленія. Пришлось остановиться, при чемъ генераль Фоминъ лично поѣхалъ отыскивать дорогу, но въ это время прискакалъ ординарецъ и передалъ приказаніе начальника отряда: полку принять вправо и двигаться на огонь противника.

Полковникъ Малюженко перестроилъ полкъ въ боевой порядокъ, назначивъ 1-й и 3-й баталіоны въ боевую линію, а 5-ю, 7-ю и 8-ю роты въ полковой резервъ. Сюда же подошли 13-я, 14-я и 15-я роты со сторожевого охраненія. Однако, 13-я и 14-я роты, по указанію старшаго адъютанта штаба 54-й дивизіи, капитана Щелокова, были немедленно посланы въ прикрытіе къ батарее, отходившей со своей позиціи, а 15-я рота присоединилась къ 7-й ротѣ, составивъ вмѣстѣ съ ней полковой резервъ, подъ начальствомъ командира 2-го баталіона, подполковника Акацатова. Въ ту же минуту къ командиру 3-го баталіона, подполковнику Соколову, подѣхалъ казачій унтеръ-офицерскій разъѣздъ и доложилъ, что впереди находятся наши. 3-й баталіонъ смѣло двинулся впередъ, рядомъ съ нимъ 1-й баталіонъ.

Чаща гаоляна поглотила разсыпавшіяся цѣпами роты, и все вдругъ перемѣшалось, перепуталось. Люди не видѣли другъ друга, не видѣли своихъ частей, своихъ начальниковъ, а тѣ подчиненныхъ. Баталіоны словно куда-то провалились, опутанные непроницаемой растительностью.

2-я рота, подъ командой штабсъ-капитана Бѣглока, отбилась отъ 1-го баталіона, потеряла его и пошла Богъ вѣсть куда. Къ счастью, натолкнулась она на случайно проѣзжавшихъ генерала Фомина и полковника Малюженко.

— Ваше превосходительство, отъ 1-го баталіона отбился. Ради Бога, укажите, куда идти. Ничего не вижу, не знаю, — обратился штабсъ-капитанъ Бѣглюкъ къ генералу.

— Я и самъ ничего не знаю. Мы тоже ищемъ полкъ, — отвѣтилъ Фомищъ.

— И я не знаю, — смущенно проговорилъ полковникъ Малюженко.

— Да вотъ что: нагоняйте 3-й баталіонъ. Онъ вотъ тамъ. Я послалъ его на поддержку Инсарскому полку, — добавилъ генералъ и указалъ направленіе.

Вторая рота, спотыкаясь о борозды и прокладывая себѣ путь черезъ густые ряды толстыхъ, упругихъ стеблей гаоляна, кинулась разыскивать 3-й баталіонъ и вскорѣ присоединилась къ нему.

Отовсюду сыпались уже градомъ вражескія пули.

Въ воздухѣ, надъ головами, зловѣще шипѣла и лопалась шрапнель.

Дико и разрушительно грохотала наша и японская артиллерія.

Полуденное солнце некло невыносимо.

Голодные, изнуренные люди задыхались отъ жары, глотка пересыхала, языкъ прилипалъ къ гортани. Изъ воспаленной груди офицеровъ вырывались хриплые команды.

Разгорался жестокий, упорный бой, страшный своими жертвами и печальный по стратегическимъ результатамъ.

Первые наши цѣпи съ близкаго разстоянія были встрѣчены убійственнымъ огнемъ японцевъ, засѣвшихъ въ гаолянѣ и поджидавшихъ насъ. Цѣпи остановились и, въ свою очередь, открыли дружный, усиленный огонь. Японцы прибѣгли къ хитрости. Выбро-

сивъ бѣлые флажки, мѣстами съ красными значками, они закричали по-русски:

— Не стрѣляйте, свои, свои!

Такъ какъ гдѣ-то впереди, но гдѣ именно — неизвестно, находились Инсарскій и Псковскій полки, а связи съ ними никакой не было, нѣкоторыя роты, введенныя въ заблужденіе, прекратили было стрѣльбу. Чѣмъ прекрасно воспользовались коварные японцы, быстро нанеся намъ значительныя потери.

Тѣмъ временемъ господствовавшая надъ мѣстностью сопка, которую съ утра занимала наша артиллерія, перешла въ руки японцевъ и на ней взвился японскій флагъ.

Положеніе отряда становилось затруднительнымъ. Прекрасно сознавалъ это и генераль-маіоръ Орловъ.

Около 12 часовъ дня онъ доносилъ генералу Штакельбергу:

„Наступаю на Сахетунъ—Сыквантунъ. Пока продвинуться далеко не могу. Развернулись на два фронта: на югъ и на востокъ. Какъ только вы продвинетесь впередъ, то я пойду на вашемъ лѣвомъ флангѣ“.

Командиръ полка рѣшилъ усилить боевую линію и выслалъ въ подкрѣпленіе 1-му и 3-му баталіонамъ 5-ю, 8-ю и 15-ю роты, оставивъ въ полковомъ резервѣ только 7-ю роту со знаменемъ, подъ командой капитана Малахова.

Ободренные приливомъ новыхъ силъ, баталіоны бурной волной хлынули на японцевъ, но были отбиты съ большими потерями. Численный перевѣсъ и удобныя позиціи были на сторонѣ противника.

За убылью офицеровъ, роты переходили изъ рукъ въ руки и разстраивались.

Командовавши 1-й ротой капитанъ Барановскій былъ раненъ въ началѣ боя и оставилъ строй. Роту принялъ штабсъ-капитанъ Кутуковъ, и не успѣлъ онъ подать команды, какъ пуля пронизала ему челюсть, языкъ и выбила зубы. Его замѣнилъ поручикъ Шадринъ, также получившій вскорѣ серьезную рану. Несмотря на тяжкія страданія, Шадринъ продолжалъ командовать ротой до конца боя, пока его, совсѣмъ ослабѣвшаго, не вынесли насильно изъ сферы огня, а рота, окруженная японцами, пробилаь штыками. Большинство ротъ, во главѣ со своими доблестными офицерами, не щадя себя, выказывало рѣдкіе примѣры мужества и храбрости. Ихъ ничто не страшило, и онѣ, преданные своему долгу, самоотверженно умирали за свою родину.

Близость японцевъ, искусно укрывавшихся за всякой естественной преградой, неоднократно вызывала полкъ на лихія атаки, которыя, къ сожалѣнію, увѣнчаться успѣхомъ не могли, вследствие разрозненности ротъ, потерявшихъ въ гаолянѣ изъ виду одна другую. Кромѣ того, когда та или другая рота бросалась въ атаку, японцы встрѣчали ее залпами или пачками, а затѣмъ сами убѣгали, не принимая штыкового удара. Такъ случилось со всѣми ротами, за исключеніемъ 8-й. Незабвенный командиръ ея, капитанъ Щерба, любимецъ солдатъ и офицеровъ, съ крикомъ „ура“ бросился на японцевъ, выгналъ ихъ изъ гаоляна и только послѣ этого отступилъ на прежнее мѣсто. То же самое, но въ обратномъ порядкѣ, продолжали и японцы. Капитанъ Щерба вторично бросился въ атаку. Японцы не сдвинулись съ мѣста, оцѣтпились, и первой жертвой атаки сдѣлался Щерба, поднятый ими на штыки. Жалкіе остатки роты, лишившись своего героя-командира, разсѣялись.

Не менѣе, чѣмъ 8-я рота, пострадала и 5-я рота, командуемая капитаномъ Чередѣевымъ.

Когда рота разсыпалась въѣѣ, не дальше, какъ въ 50-ти шагахъ отъ нея показались японцы. Капитанъ Чередѣевъ, не долго думая, обнажилъ пашку и съ крикомъ „ура“ кинулся въ штыки. Японцы моментально исчезли, но потомъ вдругъ появились съ фланга роты и открыли продольный огонь. Нѣсколько десятковъ солдатъ, пораженныхъ пулями, свалились. Ротѣ ничего не оставалось, какъ отступить, чтобы не быть отрѣзанной. Люди подались назадъ и залегли въ бороздахъ. Въ это время капитанъ Щерба повелѣ правѣе въ атаку 8-ю роту и, поровнявшись съ 5-й ротой, крикнулъ Чередѣеву:

— Пойдемъ вмѣстѣ, помогите мнѣ!

Капитанъ Чередѣевъ отвѣтилъ:

— Подождите, обстрѣляю позицію и пойдемъ.

И съ этими словами всталъ на колѣни и съ иконою въ рукахъ началъ читать вслухъ молитвы.

Съ фланга снова показались японцы и обстрѣляли роту. Чередѣевъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ упали убитыми. Рота перешла въ командованіе къ младшему офицеру, штабсъ-капитану Барклаю, который почему-то нашелъ нужнымъ покинуть съ разстроенной ротой боевую линію.

Въ такомъ же положеніи, какъ и 5-я рота, очутились въ началѣ боя 3-я, 4-я, 9-я, 10-я, 11-я и 15-я роты.

Командиръ 3-й роты, капитанъ Савицкій, бросившись съ ротой въ атаку, былъ убитъ. Роту принялъ штабсъ-капитанъ Ананьинъ, продолжавшій отчаянно драться съ японцами. Онъ былъ раненъ, но роты не покидалъ и отступилъ лишь по приказанію.

4-я рота въ первыя минуты боя потеряла своихъ офицеровъ.

Командиръ ея, капитанъ Барковскій, и младшій офицеръ, подпрапорщикъ Чаплыгинъ, одинъ за другимъ были тяжело ранены и ихъ вынесли съ поля сраженія, а рота осталась подъ командой фельдфебеля Кудинова.

Храбрый командиръ 9-й роты, капитанъ Львовъ, былъ раненъ во время атаки двумя пулями сразу и упалъ. Впослѣдствіи, передъ концомъ боя, когда почти всѣ роты отступили, два нижнихъ чина, старшій унтеръ-офицеръ 12-й роты Акимъ Повыдчиковъ и младшій унтеръ-офицеръ 11-й роты Егоръ Чугункинъ, не взирая на близость непріятеля и адскій огонь съ его стороны, подошли къ раненому капитану Львову и лежавшему вблизи него подполковнику Соколову, тоже тяжело раненому, осмотрѣли ихъ раны, перевязали и предложили вынести ихъ поочередно изъ-подъ огня. На это капитанъ Львовъ сказалъ:

— Братцы, оставьте меня, мнѣ больно!

Дѣйствительно, рана была настолько серьезна и больной такъ сильно страдалъ, что герои рѣшили не беспокоить его и поспѣшили въ гаолянѣ, а Соколова осторожно подняли и унесли.

Командиру 11-й роты, капитану Стражевскому, пуля пробила павылетъ голову, послѣ чего рота, никѣмъ не руководимая, смѣшалась съ другими частями. Капитанъ Стражевскій въ страшныхъ мученіяхъ валялся на полѣ почти до конца боя, пока два нижнихъ чина 12-й роты, старшій унтеръ-офицеръ Ермаковъ и рядовой Кульковъ, подъ градомъ пуль, рискуя собственной жизнью, не оказали ему своей помощи. Они

бережно посадили его на ротную лошадь и доставили на перевязочный пунктъ.

Славные офицеры 15-й роты, штабсъ-капитанъ Ножищъ и подпоручикъ Аггѣевъ, были убиты чуть ли не въ одно и то же время. Въ командованіе вступилъ храбрый и распорядительный фельдфебель Маринцевъ, отлично руководившій ротой въ теченіе всего боя. При отступленіи роты фельдфебель Маринцевъ, совместно съ нижними чинами своей роты, подобралъ подъ учащеннымъ непріятельскимъ огнемъ раненаго командира 1-го баталіона, подполковника Хоментовскаго.

Въ самый разгаръ боя, у полкового резерва, гдѣ находились командиръ полка, полковникъ Малюженко, командиръ 7-й роты, капитанъ Малаховъ, и полковой адъютантъ, подпоручикъ Петровъ, неожиданно появился начальникъ штаба 1-го корпуса и объявилъ, что корпусъ уже приближается къ Янтаю.

— Поѣзжайте въ боевую линію и ободрите этимъ извѣстіемъ баталіоны! — приказалъ начальникъ штаба подпоручику Петрову. Тотъ поѣхалъ, передалъ приказаніе и вернулся на прежнее мѣсто.

Здѣсь произошла горькая для русскаго сердца сцена.

Двѣ или три роты одного изъ сосѣднихъ полковъ, занимавшаго позицію гдѣ-то впереди, съ фланга, въ безпорядкѣ врѣзались между резервомъ и боевой линіей Бузулукскаго полка, уходя съ поля сраженія.

Зачѣмъ, куда онѣ шли, — непонятно.

Капитанъ Малаховъ пробовалъ остановить ихъ, но ни просьбы, ни угрозы не подѣйствовали на обезумѣвшихъ людей.

Между тѣмъ японцы громадными силами съ фронта и съ фланговъ ожесточенно напирали на порѣдѣвшіе, изнуренные полки.

Псковцы и Инсарцы пятились назадъ.

Бузулукскій полкъ еще стойко, хотя и бесполезно держался. Генераль Фоминъ бодрилъ солдатъ своимъ присутвіемъ въ боевой линіи и личной отвагой.

Полковой резервъ подвергался обстрѣлу и опасности съ фланга.

Здѣсь были уже раненые.

Подпоручикъ Петровъ упалъ съ лошади, пораженный пулей въ лопатку. Вслѣдъ за нимъ убило и его лошадь.

Невдалекѣ, изъ-подъ сильнаго огня, несли раненаго генерала Фомина. Рядовой 4-й роты Тихонъ Литовченко самоотверженно спасалъ героя генерала, направляя всѣ силы, чтобы вынести его въ безопасное мѣсто, за что получилъ изъ рукъ Фомина его собственную шашку на память.

2-й баталіонъ, такъ славно отстаивавшій честь полка, потерялъ своего командира, подполковника Акцатова, раненымъ.

Колоссальная убыль офицеровъ разстраивала полкъ, наводила на него ужасъ.

Люди, какъ сумасшедшіе, бросались изъ стороны въ сторону, давились отовсюду врагомъ и гибли.

Нѣкоторыя роты уже отступали.

Это было около 3-хъ часовъ пополудни, когда въ отрядъ пріѣхалъ генераль Штакельбергъ. По приказанію его, генераль Орловъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству.

Верхомъ на лошади влетѣлъ онъ въ ряды полка и хотѣлъ вести его въ атаку, но тутъ же былъ раненъ въ бокъ, и его увезли.

Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ отрядомъ.

Держаться долѣе не было никакой возможности, и всѣ полки, сбитые въ безтолковыя, предоставленныя самимъ себѣ кучки, двинулись назадъ, къ желѣзной дорогѣ.

Японцы одержали побѣду въ то самое время, когда головныя части 1-го корпуса приближались къ станціи Янтай.

Полкъ отходилъ подъ прикрытіемъ 5-й казачьей батареи и своей пѣшей охотничьей команды, подъ начальствомъ поручика Рылова, которая съ ранняго утра до вечера молодецки дѣйствовала на лѣвомъ флангѣ отряда.

Къ вечеру всѣ роты полка собрались у желѣзной дороги, на посту № 8, гдѣ и остались на ночлегъ.

Сотни несчастныхъ раненыхъ были брошены на полѣ сраженія, такъ какъ убрать ихъ было некогда, да и некому.

Изнемогающіе отъ жажды и страданій, многіе изъ нихъ подползали къ грязному, илистому ручейку и здѣсь глотали вонючую воду и умирали или безпомощно завязали въ топкой глинѣ, не будучи въ состояніи выбраться оттуда.

Правда, полковой врачъ Просвирнинъ обѣзжалъ поле сраженія, всѣми силами помогая страдальцамъ, но его помощь была каплей утѣшенія въ морѣ страданій.

Другіе врачи полка, Кочкинъ, Трейманъ, Пономаревъ и Блитштейнъ, безотлучно работали на полковомъ перевязочномъ пунктѣ, открытомъ съ утра у деревни Талиенгоу, въ оврагѣ, подъ желѣзнодорожнымъ мостикомъ, а съ отступленіемъ полка съ позицій перенесенномъ на постъ № 22, у желѣзной дороги. Несмотря на то, что перевязочный пунктъ около 4-хъ

часовъ вечера подвергся ружейному и артиллерійскому обстрѣлу, продолжавшемуся около четверти часа и возбудившему минутную панику среди отступавшихъ частей внезапною, враги добросовѣстно исполняли свои высокія обязанности, будучи обременены массой раненыхъ какъ Бузулукскаго полка, такъ и другихъ частей.

Въ этомъ злосчастномъ бою участвовало 42 офицера, 1 подпрапорщикъ, 5 врачей и полковой священникъ.

Изъ нихъ убито: 6 человекъ, ранено и контужено: 11 офицеровъ, 1 подпрапорщикъ и 1 врачъ и взятъ въ плѣнъ раненымъ капитанъ Львовъ. Нижнихъ чиновъ убито 50 человекъ, ранено 388, безъ вѣсти пропало 232.

На другой день, 21-го августа, въ полкъ пріѣхалъ командиръ 5-го Сибирскаго армейскаго корпуса и ободрилъ нижнихъ чиновъ къ послѣдующимъ боямъ, а офицеровъ сердечно благодарилъ, сказавъ, между прочимъ, что большой уронъ въ предыдущемъ бою офицеровъ лучше всего свидѣтельствуешь о честномъ отношеніи ихъ къ исполненію долга службы.

Да, онъ былъ безусловно правъ.

На неудачно выбранной позиціи и въ преотвратительнѣйшей боевой обстановкѣ полкъ дрался мужественно и отступилъ только послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія по единственной и чрезвычайно важной причинѣ своего полнѣйшаго безсилія передъ превосходившей насъ въ нѣсколько разъ арміею японцевъ. Подоспѣвъ своевременно 1-й корпусъ, дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ, и намъ не пришлось бы отступать.

Командиръ полка, полковникъ Малюженко, чувствуя себя больнымъ, просилъ корпуснаго командира

освободить его отъ занимаемой должности, что и было удовлетворено. Въ командованіе полкомъ вступилъ командиръ 4-го баталіона, подполковникъ Крючковъ.

За выбытіемъ г.-м. Орлова, командующимъ дивизіей былъ назначенъ г.-м. Столица.

Около 2-хъ часовъ пополудни полкъ выступилъ по Янтайской желѣзнодорожной вѣткѣ и, свернувъ съ нея на Мандаринскую дорогу, всталъ бивакомъ подъ деревней Янтай.

Здѣсь люди, послѣ двухдневной голодовки, пообѣдали и отдохнули.

Новый начальникъ дивизіи, при первомъ же представленіи ему полка, вмѣсто ободренія и поощренія на дальнѣйшую боевую дѣятельность, упрекнулъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ янтайскомъ пораженіи.

Упрекъ этотъ окончательно растравилъ и безъ того жестокія нравственныя раны неповишнаго въ неудачѣ полка и омрачилъ святое воспоминаніе о тѣхъ безотвѣтныхъ герояхъ, груди тѣлъ которыхъ, какъ лучшіе и правдивые свидѣтели пережитаго и перенесытаго, остались у подножія Янтая, гдѣ на могилахъ ихъ нашъ врагъ торжествовалъ свою побѣду.

И не только отъ новаго начальника дивизіи, но отовсюду посыпались на полкъ нареканія, и волей неволей, скрѣпя сердце, участникамъ приходилось терпѣть ихъ до тѣхъ поръ, пока не наступило для полка счастливое время снова встрѣтиться съ врагомъ и рядомъ блистательныхъ боевъ смыть незаслуженную обиду, доказать свою боевую мощь и стяжать себѣ навсегда крѣпкую славу.

VIII.

Августовскіе переходы.

22-го августа, утромъ, по приказанію командующаго дивизіею, полкъ съ бивака подъ Янтаемъ перешелъ къ бивачному расположенію артиллеріи и Инсарскаго полка (на Мандаринской дорогѣ), откуда въ 12 часовъ дня, по вновь полученному приказанію, началъ отступать по Мандаринской дорогѣ на дд. Цхаугансы, Кушуцзы, Хуньдязуань, Синьзуань, Кіанхутунь, Хоутхай, Шиванцзы (рядомъ съ дер. Сахэпу).

Предыдущій 25-ти верстный переходъ крайне изнурилъ людей, въ виду чего дальнѣйшее движеніе по размытой дождемъ дорогѣ совершалось медленно, съ частыми остановками и однимъ большимъ приваломъ, гдѣ люди пообѣдали, и только около 2-хъ часовъ ночи полкъ едва добрался до бивака.

Какъ на зло, всю ночь непрерывно шелъ дождь.

Люди промокли и иззябли. У многихъ не достало палатокъ, такъ что укрыться отъ дождя было некуда.

Дождливая, холодная ночь смѣнилась пасмурнымъ днемъ. Такъ же пасмурно и уныло выглядѣли блѣдые, изнуренные солдаты, заброшенные въ чужую, непривѣтливую страну. Еще на разсвѣтѣ командующій дивизіей прислалъ приказаніе о переходѣ къ Мукдену. Въ 8 часовъ утра, 23-го августа, полкъ, почти безъ сна и отдыха, двинулся по Мандаринской дорогѣ, слѣдуя за Инсарскимъ полкомъ и имѣя въ арьергардѣ 1-й баталіонъ. вмѣстѣ съ полкомъ выступилъ и обозъ, застрявшій вкормѣ на половинѣ дороги въ грязь.

Вначалѣ людей заставили вытаскивать изъ болота тяжело нагруженные телѣги, но такъ какъ путь предстоялъ далекій и повсемѣстно грязный, а люди выбивались изъ силъ, было рѣшено прекратить эту своеобразную доставку обозовъ и часть ихъ оставить на полпути до утра слѣдующаго дня.

Вмѣсто этого, нижніе чины принялись за исправленіе у дер. Байтапу дороги.

До поздняго вечера работалъ полкъ не разгибая спины, а затѣмъ, изнуренный и обезсиленный, принужденъ былъ заночевать въ грязи, подъ открытымъ небомъ и проливнымъ дождемъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, людямъ не выдали горячей пищи, такъ какъ не было возможности приготовить ея.

Въ 7 часовъ утра, 24-го августа, полкъ продолжалъ движеніе на Мукденъ, прибылъ туда въ 11^{1/2} часовъ утра и расположился бивакомъ вблизи города. Проголодавъ болѣе сутокъ, люди получили, наконецъ, горячую пищу, но отдохнуть здѣсь все-таки не удалось, ибо въ 2^{1/2} часа дня командующій дивизіей словесно приказалъ выступить по направленію къ д. Фынъдянь. Достигнувъ моста черезъ рѣку Хуньхэ, полкъ, по вторичному приказанію командующаго дивизіей, былъ повернуть обратно, на прежній бивакъ у гор. Мукдена, и прибылъ туда вечеромъ. Здѣсь уже ожидали людей горячая пища и ночлеги.

25-го августа полку было приказано съ бивака подъ гор. Мукденомъ выступить въ 7 часовъ утра и перейти на Синминтинскую дорогу, пересѣкнувъ желѣзнодорожное полотно южнѣе мукденскаго вокзала. За полкомъ слѣдовали 5-я и 7-я батареи 26-й артиллерійской бригады и Инсарскій полкъ. Передъ выступленіемъ нижніе чины пообедали и чувствовали себя

гораздо бодрѣе, нежели наканунѣ, да и дорога, благодаря теплоѣ солнечной погодѣ и легкому вѣтру, подсохла. Пройдя къ 12^{1/2} часамъ дня около 10 верстъ, полкъ, по личному приказанію командующаго дивизіей, всталъ бивакомъ у дер. Тхуань. Тотчасъ же 3-й баталіонъ занялъ сторожевое охраненіе впереди бивака, а 14-я рота была выслана въ дер. Эртайцзы, въ прикрытіе къ дивизионному обозу 54-й пѣхотной дивизіи.

У дер. Тхуань полкъ простоялъ два дня и отдохнулъ. Сюда же возвратились изъ командировки 6-я и 16-я роты.

27-го августа, въ 12 часовъ дня, послѣ обѣда, полкъ выступилъ на деревню Янсытунъ, куда прибылъ въ 7 часовъ вечера, и остановился на ночлегъ. Съ 7 часовъ утра слѣдующаго дня движеніе продолжалось по направленію къ деревнѣ Тыашиницза.

Авангардъ составлялъ Чембарскіи полкъ, а главные силы—2-я бригада 54-й пѣхотной дивизіи и три батареи 28-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ генералъ-маіора Путинцева. Впереди отряда шли саперная рота, исправлявшая дорогу, и телеграфная, которой было поручено возстановить телеграфное сообщеніе со штабомъ арміи и со штабами 4-го и 5-го Сибирскихъ армейскихъ корпусовъ.

Около 2-хъ часовъ дня отрядъ подошелъ къ мѣсту назначенія и расположился бивакомъ у деревни Сыфанпу. Двѣ роты отъ полка были высланы на линію сторожевого охраненія деревни Туннандоу — впереди деревни Тачиндунза и къ сѣверу на двѣ версты, въ связь съ охраненіемъ Чембарскаго полка у деревни Туннандоу.

29-го августа, утромъ, полкъ перешелъ къ биваку Чембарскаго полка (сѣвернѣе деревни Тыашиницза) для

занятія позицій фронтомъ на югъ. Сторожевое охраненіе и полковой обозъ остались на своихъ мѣстахъ, при чемъ, на случай наступленія противника съ юга, въ прикрытіе къ обозу была назначена рота. На скорую руку построилъ полкъ окопы и къ 2-мъ часамъ дня снова вернулся на бивакъ. Послѣ обѣда 1-й баталіонъ занялся вырубкой гаоляна впереди позицій, дабы обезпечить наилучшіи обстрѣлы мѣстности.

Приказомъ по дивизіи, полкъ вошелъ въ составъ отряда, охраняющаго правый флангъ арміи, съ оставленіемъ у деревни Сыфангу. Для развѣдыванія и охраненія юго-западной стороны бивака были назначены 3-й баталіонъ и охотничья команда, которые заняли деревни Пайцзычай, служа въ то же время поддержкой Терско-Кубанскому полку и подчиняясь командиру этого полка. На охотничью команду, кромѣ того, была возложена обязанность тщательно наблюдать за обоими берегами р. Хуньхэ отъ деревни Мадяпу внизъ по теченію. Обозы 2-го разряда сосредоточились у деревни Масаныцяцзы и съ ними установилось сообщеніе при помощи летучей почты.

Осмотрѣвъ совмѣстно съ начальниками отдѣльных частей позицій, командующіи дивизією приказали снять сторожевое охраненіе, а взамѣнъ его, въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія прилегающей къ противнику мѣстности, стали высылаться отдѣльные заставы по очереди отъ каждаго полка.

31-го августа, въ 7 часовъ утра, согласно приказанія командира корпуса, полкъ занялъ позицію фронтомъ на юго-западъ по указанію, данному наканунѣ командующимъ дивизіей.

1-й баталіонъ съ баталіономъ Инсарскаго полка составили общій резервъ и расположились за артилле-

рійской позиціей; позиція 2-го баталіона простиралась вправо отъ 1-го, къ деревнѣ Кудяза.

Въ 4 часа пополудни весь отрядъ прослушалъ молебенъ, отслуженный главнымъ полевымъ священникомъ маньчжурской арміи передъ чудотворной иконой Сергія Радонежскаго.

Вечеромъ присоединились къ полку 13-я и 15-я роты, прикрывавшія дивизіонный лазаретъ, и полковой обозъ 2-го разряда у деревни Тхуань.

IX.

На позиціяхъ.

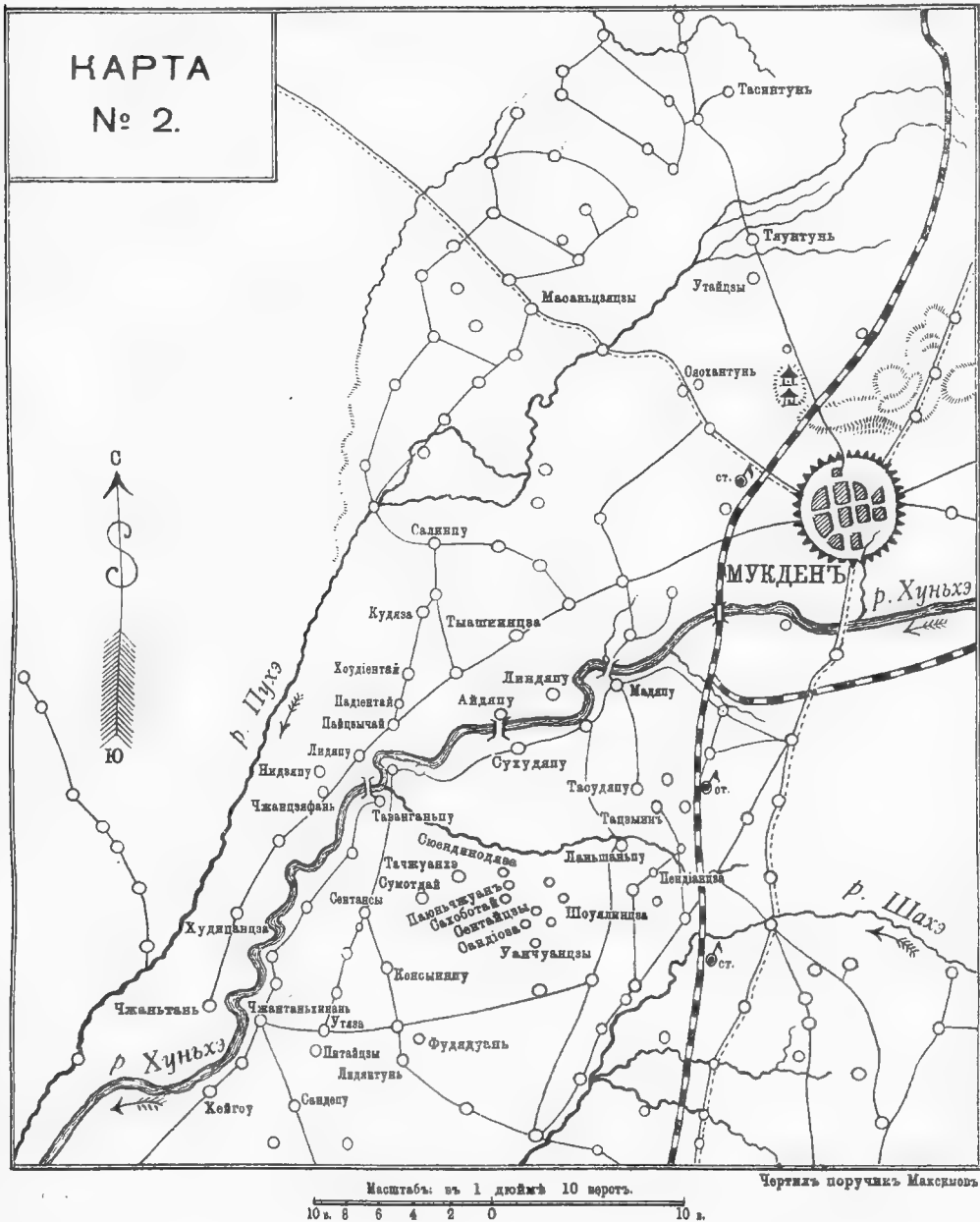
Наступилъ сентябрь. Періодъ дождей и тяжелые непрерывные переходы кончились.

Воздухъ похолодѣлъ. Появились сильные сухіе вѣтры, вздымавшіе клубы песку и пыли.

Поля пожелтѣли. Во многихъ мѣстахъ посѣвы были уже убраны, и мѣстность сдѣлалась непривлекательно-однообразной.

1-го сентября командующимъ арміей было приказано выдѣлить отъ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 13-й, 15-й и 16-й ротъ полка вторые взводы, по 50 человекъ каждый, на укомплектованіе 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса. Согласно этому распоряженію, 550 нижнихъ чиновъ, а затѣмъ еще, по дополнительному требованію, 250 человекъ, всего 800, подъ командой четырехъ офицеровъ, поручика Зубова и подпоручиковъ Шкурко, Сѣрякова и Федорова, также получившихъ, по собственному желанію, назначеніе въ 1-й корпусъ, разстались съ роднымъ полкомъ и направились черезъ Мукденъ въ г. Фушунь. Вслѣд-

ствіе значительной убыли людей, полкъ, по личному приказанію командующаго дивизіей, былъ временно переформированъ въ строевомъ отношеніи въ 2-хъ-

баталіонный составъ. Командующимъ 1-мъ баталіономъ былъ назначенъ капитанъ Малаховъ, а 2-мъ— капитанъ Гуминскій.

Около 10 часовъ утра 13-я, 15-я и 16-я роты отира-
вились къ 3-му баталіону въ деревню Цайцзычай, а 1-й
сводный баталіонъ перешелъ бивакомъ къ сосѣдней
деревнѣ Кудяза, расположившись на пескахъ, на бе-
регу изобиловавшего рыбой озера.

Озеро это давало чистую и вкусную воду, а раз-
стилавшаяся вокругъ волнистая равнина отличалась
сухостью и здоровымъ воздухомъ.

3-го сентября, въ 8 часовъ утра, полкъ занялъ
примѣрно позиціи, указанныя ему приказомъ по отряду,
охраняющему правый флангъ маньчжурской арміи.

Приказъ гласилъ:

„1) Въ случаѣ наступленія противника съ юга,
полкъ, въ составѣ $3\frac{3}{4}$ баталіоновъ и одной роты Чем-
барскаго полка, назначенъ въ общій резервъ, подѣ
командой подполковника Крючкова, и долженъ распо-
ложиться у развалинъ желѣзнодорожной казармы;
2) въ случаѣ наступленія противника съ юго-запада,
 $1\frac{1}{2}$ баталіона, подѣ командой капитана Малахова,
должны оборонять возвышенности у деревни Кудяза,
а два баталіона должны войти въ общій резервъ, подѣ
командой полковника Линдестрема, и встать къ юго-
востоку отъ развалинъ желѣзнодорожной казармы, за
возвышенностями.

„Въ первомъ случаѣ двумъ баталіонамъ, находя-
щимся въ передовомъ отрядѣ, приказано отходить къ
общему резерву черезъ деревню Кудяза (обойдя де-
ревню Тыашиинца съ западной стороны); во второмъ
случаѣ—они отходятъ къ деревнѣ Тыашиинца и при-
соединяются къ общему резерву.

„Обозы 2-го разряда, подѣ общимъ начальствомъ
капитана Суханова, вытягиваются изъ деревни Сюо-
хаштунъ черезъ деревни Утайцзы, Тяунтунъ къ де-

ревнѣ Таспитунь. Въ прикрытіе назначается рота отъ Бузулукскаго полка. Движеніе пачать по особому приказанію. Донесенія посылаются къ общему резерву“.

Въ тотъ же день отрядъ вошелъ въ соприкосновеніе съ противникомъ.

Подъ вечеръ былъ обнаруженъ японскій разѣздъ, силою около эскадрона, появившійся на правомъ берегу р. Хуньхэ. Наши казачьи разѣзды обмѣнялись съ японцами нѣсколькими выстрѣлами, и затѣмъ эскадронъ скрылся.

Спустя два дня, поручикъ Вилинскій, находившійся въ передовомъ отрядѣ въ деревнѣ Нидзяну, во время повѣрки выставленныхъ заставамъ впереди деревни постовъ, замѣтилъ въ сумеркахъ двухъ подозрительныхъ лицъ, пробравшихся изъ гаоляна въ занятую нами деревню, и, желая ихъ задержать, позвалъ дозоры, но въ этотъ моментъ былъ раненъ однимъ изъ нихъ пулей въ ногу выше колѣна, а оба незнакомца быстро убѣжали. Судя по характеру раны, нанесенной пулей крупнаго калибра, можно заключить, что это были не японцы, а хунхузы. Какъ бы то ни было, начальникъ отряда немедленно принялъ мѣры къ выясненію мѣстной обстановки и къ наиболѣе бдительному охраненію бивачнаго расположенія. Однако, до 19-го сентября ничего особеннаго со стороны противника замѣчено не было.

7-го сентября, въ воздаяніе за перенесенные труды, лишенія, горести и страданія, полкъ услышалъ изъ далекой Россіи дорогое для него Государево слово, сразу поднявшее угнетенный духъ солдатъ и навѣки соединившее въ искренней и горячей любви Царскую Семью и войска.

Телеграммой на имя командующаго маньчжурской арміей отъ 12-го августа Государь Императоръ всемилостивѣйше выразилъ слѣдующее:

„Сегодня, во время совершенія таинства святаго крещенія Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Ея Величество и Я, въ душевномъ помышленіи о нашихъ доблестныхъ войскахъ и морякахъ на Дальнемъ Востокѣ, въ сердцѣ молитвенно призывали ихъ быть воспріемниками новокрещаемого Цесаревича, да сохранится у Него на всю жизнь особая духовная связь со всеми тѣми дорогими для Насъ и для всей Россіи отъ высшихъ начальниковъ до солдата и матроса, которые свою горячую любовь къ родинѣ и Государю выразили самоотверженными подвигами, полными лишеній, страданій и смертельныхъ опасностей.

Н и к о л а й “.

Высочайшая телеграмма была объявлена въ приказѣ по войскамъ маньчжурской арміи за № 600, которымъ предписывалось неизгладимыя слова обожаемаго Монарха прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, при возможно торжественной обстановкѣ, и самый приказъ хранить особо отъ всѣхъ приказовъ.

Въ 5 часовъ вечера 3-й и 4-й баталіоны, стоявшіе бивакомъ при деревнѣ Пайцзычай, перешли къ деревнѣ Хоудіентай и расположились квартирно-бивачнымъ порядкомъ. Въ фанзахъ помѣстились преимущественно больные, число которыхъ въ послѣдніе дни увеличилось.

Вообще, съ первыхъ чиселъ сентября заболѣваемость въ полку достигла довольно большихъ размѣ-

ровъ; было даже 8 случаевъ брюшно-тифозныхъ заболѣваній, хотя болѣзнь эта энергическими стараніями полковыхъ врачей ограничилась единичными случаями, не принявъ эпидемическаго характера.

Условіями, вызвавшими большинство заболѣваній, нужно признать скверное питаніе, частыя голодовки, питье сырой воды во время отступленія въ связи, съ утомленіемъ людей отъ трудныхъ переходовъ по грязи, при сырой погодѣ и при подавленномъ психическомъ настроеніи.

Сказать по правдѣ, хозяйственная часть въ полку сильно хромала. О солдатѣ заботились мало. Въ августовскіе переходы неудовлетворительность пищи объяснялась затруднительной доставкой по грязнымъ дорогамъ продуктовъ, но теперь, когда періодъ дождей прекратился, когда дороги вполне исправились и полкъ на болѣе или менѣе продолжительное время расположился въ опредѣленномъ мѣстѣ, указанная причина недостаточнаго питанія сама собою устранялась.

Между тѣмъ люди попрежнему голодали. Сплошь и рядомъ солдатскій ужинъ заключался въ одной подогрѣтой въ походной кухнѣ водницѣ, безъ признаковъ чего-либо питательнаго. За отсутствіемъ собственной хлѣбопекарни, хлѣбъ, отпускаемый интенданствомъ, былъ не выпеченъ и выдавался-то онъ почему-то въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ полагалось. Нерѣдко проголодавшіеся солдаты на свои деньги покупали у китайцевъ чумизное зерно, картофель, бобы и изъ этихъ продуктовъ варили себѣ пищу. Въ неоспоримое доказательство моихъ словъ приведу два официальныхъ приказа. Въ приказѣ по отряду, охраняющему правый флангъ арміи, отъ 11-го сентября 1904 года за № 3, говорилось:

„10-го сего сентября я посѣтилъ биваки 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго и 285-го пѣхотнаго Чембарскаго полковъ, гдѣ готовился ужинъ для нижнихъ чиновъ. Въ нѣкоторыхъ ротахъ 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка въ котлахъ варилась одна вода безъ всякихъ продуктовъ. Завѣдывающій хозяйствомъ полка доложилъ мнѣ, что за продуктами послано въ Мукденъ, но что повозки еще не возвратились.

„Подобный докладъ я считаю простой отговоркой. Распорядительный и заботливый начальникъ въ такомъ случаѣ всегда сумѣлъ бы своевременно распорядиться покупкой у жителей мѣстныхъ продуктовъ, которыхъ въ окрестностяхъ бивака имѣется въ достаточномъ количествѣ. Объявляю строгій выговоръ завѣдывающему хозяйствомъ, подполковнику Лисичкину, и предвараю начальствующихъ лицъ, что въ будущемъ въ подобныхъ случаяхъ буду предавать суду, какъ за бездѣйствіе власти. Пища въ обоихъ полкахъ была безусловно плохая. Требую, чтобы для нижнихъ чиновъ готовилась всегда хорошая пища,—никакихъ отговорокъ здѣсь быть не можетъ.

Подписалъ генераль-маіоръ Столица“.

Какъ бы подтвержденіемъ приказа по отряду служилъ приказъ 5-му Сибирскому армейскому корпусу отъ 16-го сентября 1904 года за № 33, по части хозяйственной, слѣдующаго содержанія:

„Изъ приказовъ по отряду, охраняющему правый флангъ арміи, я усматриваю, что въ 215-мъ пѣхотномъ Бузулукскомъ и въ 285-мъ пѣхотномъ Чембарскомъ полкахъ нѣтъ никакого наблюденія за пищей нижнихъ чиновъ. Еще во время передвиженія по желѣзной дорогѣ я усмотрѣлъ въ 6-й ротѣ Чембарскаго полка не-

возможный хлѣбъ, мякишъ котораго состоялъ изъ желто-зеленой массы,—и никому изъ ближайшихъ начальниковъ до этого не было никакого дѣла. Сказанное имѣло мѣсто во 2-мъ баталіонѣ, командиръ котораго, подполковникъ Поляковъ, нынѣ временно командуетъ полкомъ и, видимо, продолжаетъ попрежнему нерадиво относиться къ дѣлу питанія нижнихъ чиновъ, что составляетъ важнѣйшій долгъ всякаго начальника, а отсутствіе въ этомъ отношеніи заботливости прямо преступно. Командующій 215-мъ пѣхотнымъ Бузулукскимъ полкомъ, подполковникъ Крючковъ, очевидно, соперничаетъ въ сказанномъ отношеніи съ подполковникомъ Поляковымъ. Раздѣляя взглядъ на дѣло временно-командующаго 54-й пѣхотной дивизіей, изложенный въ приказѣ отъ 11-го сентября № 3, предлагаю его превосходительству, при новомъ повтореніи нерадѣнія къ питанію нижнихъ чиновъ, перейти отъ слова къ дѣлу, т. е. виновныхъ привлечь къ ответственности по суду. Мой взглядъ на правильное питаніе нижнихъ чиновъ долженъ быть достаточно извѣстенъ гг. офицерамъ, при собраніи которыхъ я его высказывалъ тотчасъ по принятіи командованія корпусомъ“.

Подлинный подписалъ командиръ корпуса,
генералъ-лейтенантъ Дембовскій.

Серьезное вниманіе, обращенное начальникомъ отряда и корпуснымъ командиромъ на улучшеніе довольствія нижнихъ чиновъ, не могло, конечно, не воздѣйствовать на хозяйственную часть полка, но все-таки не всѣ виды довольствія были упорядочены и, главнымъ образомъ,—хлѣбъ, качество котораго насколько не улучшилось.

Въ предупрежденіе развитія болѣзней, въ особенности желудочныхъ, въ ротахъ завели самовары для кипяченія воды, установили самое строгое наблюденіе за отхожими мѣстами и возможно чаще производили тѣлесные осмотры людей. Нельзя отрицать, что мѣры эти способствовали уменьшенію заболѣваній и вмѣстѣ съ тѣмъ приучали нижнихъ чиновъ къ соблюденію элементарныхъ требованій гігіены настолько, насколько позволяли ненормальныя условія боевой жизни.

9-го сентября командиръ Терско-Кубанскаго полка донесъ командиру 2-го своднаго баталіона, капитану Гуминскому, что, по китайскимъ свѣдѣніямъ, у деревни Чжаньтань японцы производятъ переправу черезъ р. Хуньхэ. На развѣдку въ деревню Худицанца отправился офицерскій развѣздъ, выяснившій расположеніе передовыхъ частей противника.

15-го сентября, по приказанію командира Терско-Кубанскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны, за исключеніемъ охотничьей команды, которая осталась въ деревнѣ Пайцзычай, передвинулись изъ деревни Хоудіентай въ деревню Лидяпу, гдѣ и расположились бивакомъ, выславъ заставы, силою въ одну роту, впереди деревни Лидяпу и въ деревню Падіентай. Дежурная часть на ночь отъ отряда заняла окраину деревни Лидяпу (на югъ и юго-западъ) и выставила кругомъ бивака 6 постовъ. На случай обороны была приспособлена окраина деревни къ югу и къ юго-западу.

Въ ночь съ 15-го на 16-е мимо сторожевыхъ постовъ прошелъ эскадронъ японской кавалеріи съ цѣлью развѣдки, но, замѣтивъ наше сторожевое охраненіе, быстро, безъ выстрѣловъ, скрылся.

Изъ произведенныхъ вслѣдъ затѣмъ казаками развѣдокъ обнаружилось, что впереди лежащая деревня

Чжаньтань (на берегу р. Хуньхэ) занята японскимъ авангардомъ, силою въ 3,000 человекъ; по полученнымъ же отъ командира Терско-Кубанскаго полка свѣдѣніямъ, по ту сторону р. Хуньхэ въ этой мѣстности расположена японская дивизія.

Точно провѣрить эти свѣдѣнія едва ли было возможно, такъ какъ развѣдыванію препятствовала ровная и открытая мѣстность, и японцы съ дальняго разстоянія открывали по развѣздамъ учащенный огонь.

Поэтому рѣшено было произвести въ сторону непріятеля усиленную рекогносцировку полковою охотничьею командой совмѣстно съ казаками.

19-го сентября, въ 6 часовъ утра, команда, подъ начальствомъ подпоручика Гогина, съ 4-мя сотнями Терско-Кубанскаго полка выступила на деревню Чжаньтань и прибыла туда въ 1 часъ дня. Деревня оказалась незанятою, но на опушкѣ ея, у берега р. Хуньхэ, было брошено японцами до 18-ти шаландъ, нагруженныхъ всевозможными съѣстными припасами и ружейными патронами. Расположившись въ деревнѣ, охотники свели въ одно мѣсто шаланды и заготовили зажигательныя средства, чтобы, въ случаѣ надобности, поджечь ихъ. Три нижнихъ чина, Шетининъ, Базевъ и Тишкинъ, вызвались перейти въ бродъ на другую сторону рѣки для осмотра непріятельскихъ позицій. Они замѣтили тамъ слѣды лошадей, ведущіе изъ деревни Сандепу въ деревню Хейгоутай и узнали отъ китайцевъ, что эти деревни заняты японскою кавалеріей, пѣхотой и артиллеріей.

Ночь въ Чжаньтанѣ прошла спокойно, хотя за рѣкой часто раздавались одиночные ружейные выстрѣлы, и пули жужжали надъ деревней.

20-го сентября, на разсвѣтѣ, на противоположный берегъ рѣки были посланы на развѣдку три охотника, подъ командой ефрейтора изъ вольноопредѣляющихся Тищенко, которые обнаружили въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ эскадронъ японской гвардейской кавалеріи съ 40—50 хунхузами.

Въ полдень, съ юго-запада, показался эскадронъ непріятельской кавалеріи, а затѣмъ рота японской пѣхоты повела наступленіе на деревню. Японцы открыли по деревнѣ сильный ружейный огонь. Подпоручикъ Гогинъ немедленно выслалъ два взвода, одинъ, подъ командой унтеръ-офицера Холодова, другой, подъ командой младшаго унтеръ-офицера Землянова, на опушку деревни, гдѣ уже съ наступающимъ противникомъ наши посты и казачьи развѣзды завязали перестрѣлку. Нѣсколькими удачными залпами взводовъ японцы были отбиты и поспѣшно скрылись. Команда потеряла раненымъ ефрейтора Сосина.

Подъ вечеръ, за рѣкой, появилась партія японцевъ человекъ въ 50 и начала рыть въблизи занятой ими деревни окопы.

Снова былъ высланъ взводъ охотничьей команды, который залпами разсѣялъ японцевъ, и работа прекратилась.

На разсвѣтѣ съ 20-го на 21-е рядовыми Ереминымъ, Водинскимъ и Голышкинымъ, залегшими въ секретѣ на берегу р. Хунхэ, были замѣчены на томъ берегу двое вооруженныхъ хунхузовъ, искавшихъ брода. Секретъ, давъ возможность переправиться имъ на нашу сторону, внезапно напалъ на нихъ и одного задержалъ,—другой успѣлъ скрыться. Отправивъ хунхуза въ команду, рядовой Ереминъ переодѣлся въ китайское платье, перешелъ въ бродъ рѣку и поползъ

по направленію къ японской деревнѣ, чтобы высмотрѣть противника. На несчастье, японцы увидѣли его и открыли по немъ огонь. Ереминъ, отстрѣливаясь, бросился бѣжать назадъ, но натолкнулся на казачій разъѣздъ, который, принявъ его за хунхуза, выстрѣлил въ него, и Ереминъ упалъ, тяжело раненый. Тогда рядовые Водинскій и Гольшкинъ, съ замираніемъ сердца слѣдившіе за своимъ товарищемъ, кинулись на другой берегъ и вынесли истекавшаго кровью Еремина.

Подѣхавшіе казаки посадили раненаго на лошадь и увезли на перевязочный пунктъ.

Вскорѣ послѣ этого японцы открыли учащенный ружейный огонь по деревнѣ съ юго-запада, въ то время, какъ другія ихъ пѣхотныя и кавалерійскія части начали обходить деревню съ фланга. Командовавшій коннымъ отрядомъ есауль Шереметевъ, боясь быть окруженнымъ со своими слабыми силами противникомъ, приказалъ всему отряду очистить деревню и отступить къ кирпичному заводу, приблизительно на версту. Команда и казачьи сотни быстро отошли, но, спустя короткое время, съ вновь прибывшими двумя сотнями казаковъ двинулись въ атаку на деревню Чжаньтанъ, думая, что она уже въ рукахъ японцевъ. Между тѣмъ ни одинъ японецъ въ деревню не вошелъ, и отрядъ безъ боя занялъ прежнія мѣста. Наступленіе противника оказалось, такимъ образомъ, простымъ демонстративнымъ маневромъ, съ явнымъ намѣреніемъ опредѣлить величину и силу сопротивленія нашихъ передовыхъ частей. Курьезно, что на окраинѣ деревни случайно остался секретъ изъ трехъ нижнихъ чиновъ охотничьей команды, который, ничего не зная объ отступленіи, съ увлеченіемъ велъ

перестрѣлку съ маневрировавшими японцами до тѣхъ поръ, пока отрядъ не возвратился.

Вечеромъ охотничья команда была смѣнена 2-й ротой и отошла отъ Чжаньтаня съ прибывшими на подкрѣпленіе 3-мъ и 4-мъ баталіонами на деревню Цынсьянь—Чжаньцзяфань.

22-го сентября, въ 7 часовъ утра, 1-й и 2-й баталіоны полка съ одной батареей 28-й артиллерійской бригады, въ качествѣ авангарда отряда, подъ начальствомъ полковника Трухца, выступили изъ деревни Кудяза на деревню Чжаньцзяфань, куда прибыли около двухъ часовъ дня, и соединились съ находившимися уже тамъ 3-мъ и 4-мъ баталіонами.

Сего числа въ командованіе полкомъ вступилъ подполковникъ 9-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка князь Амилахоръ, назначенный на эту должность приказомъ по маньчжурской арміи за № 659. Временно командовавший полкомъ, подполковникъ Крючковъ, обратился къ прежнимъ обязанностямъ командира 4-го баталіона.

На слѣдующій день, утромъ, 3-й и 4-й баталіоны перешли къ деревнѣ Тауланца, а 24-го сентября, въ 12 часовъ дня, 1-й и 2-й баталіоны, въ качествѣ аріергарда отряда, выступили изъ деревни Чжаньтаня и направились черезъ деревню Пайцзычай на деревню Линдяну и далѣе на деревню Сентансы.

Дуль невыносимо холодный и порывистый вѣтеръ, затруднявшій движеніе.

Въ 7 часовъ вечера полкъ прибылъ въ дер. Сентансы и всталъ здѣсь бивакомъ. На утро 25-го числа къ полку присоединился 4-й баталіонъ изъ отдѣла, а послѣ полудня 1-й, 2-й и 4-й баталіоны отодвинулись назадъ и заняли деревню Таваньганьчу. Вечеромъ 2-й

баталіонъ былъ отправленъ на охрану моста черезъ р. Хуньхэ у деревни Лндяпу, а 26-го сентября онъ ушелъ къ 3-му баталіону, въ отрядъ князя Орбеліани.

Въ ночь съ 26-го на 27-е вызвались охотниками пять нижнихъ чиновъ, подъ командой старшаго унтеръ-офицера Холодова, произвести развѣдку занятой японцами деревни Питайцзы. Имъ удалось незамѣтно пробраться въ деревню и обстоятельно разузнать о расположеніи и силахъ противника. Молодцы-охотники вернулись благополучно, и въ доказательство того, что проникли въ деревню, принесли съ собой рыбныхъ японскихъ консервовъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Утромъ 27-го сентября 1-й и 4-й баталіоны изъ деревни Таванганыпу снова передвинулись къ деревнѣ Сентансы и устроили здѣсь, на случай обороны, стрѣлковые окопы.

Въ то же утро полковая охотничья команда, по приказанію начальника дивизіи, повела наступленіе на деревню Питайцзы, которая, какъ выяснила произведенная ночью развѣдка унтеръ-офицера Холодова, была занята ротой японской пѣхоты. Энергичной и искусной атакой команды, подъ начальствомъ подпоручика Гогина, японцы были выбиты изъ деревни и бѣжали. Команда, несмотря на сильный огонь противника, понесла ничтожныя потери: одинъ нижній чинъ былъ контуженъ, другой, рядовой Алексѣй Баевъ, раненъ пулей въ руку навывлетъ и въ нижнюю челюсть, но остался въ строю, за что и награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена 4-й степени.

Занявъ деревню, команда преслѣдовала бѣжавшаго противника мѣткимъ ружейнымъ огнемъ съ близкихъ разстояній. Когда разстроенная рота противника скрылась, японцы открыли по командѣ очень сильный ру-

жейный, пулеметный и артиллерійскій огонь изъ сосѣдней деревни Сандепу, и, подѣ прикрытіемъ этого огня, баталіонъ японской пѣхоты началъ было наступать на деревню Питайцзы, но скоро повернулъ назадъ. Довольно откровенное маневрированіе противника обнаружило силу и составъ гарнизона деревни Сандепу, что было весьма важно для насъ. Въ полномъ порядкѣ, съ добытыми свѣдѣніями о противникѣ, команда безъ потерь отступила на деревню Утыза.

За удачное выполненіе возложенной на команду задачи подпоручикъ Гогинъ получилъ личную благодарность начальника дивизіи, генераль-маіора Столица.

Въ виду начавшейся перестрѣлки непріятеля съ авангардомъ отряда, 28-го сентября, вечеромъ, шесть ротъ полка сняли палатки и перешли ближе къ приготовленной стрѣлковой позиціи, расположившись въ полной боевой готовности въ скрытомъ отъ взоровъ противника мѣстѣ.

13-я и 14-я роты, подѣ командой подполковника Крючкова, заняли сосѣднюю деревню Кенсинну.

30-го сентября 1-я, 2-я, 13-я и 14-я роты, подѣ начальствомъ командующаго полкомъ, изъ деревни Сентансы передвинулись въ деревню Тацухэ. Ночью туда прибыли и присоединились къ полку 3-я, 4-я, 15-я и 16-я роты.

Этимъ передвиженіемъ полкъ вошелъ въ ближайшее соприкосновеніе съ противникомъ.

Всѣ сознавали неминуемость серьезнаго боя.

Духъ офицеровъ и солдатъ за недолгое командованіе полкомъ князя Амхлахори обновился.

Каждый чувствовалъ, что во главѣ полка стоитъ теперь сильный, рѣшительный и умный человекъ, прекрасно знающій свое дѣло.

Такъ въ первые же дни зарекомендовалъ себя князь Амхлахори...

X.

Бои 1-го — 3-го октября.

Утро 1-го октября выдалось пасмурное и угрюмое. Мутныя гроздкія облака повисли на горизонтѣ. Моросилъ мелкій дождикъ.

Было сыро, холодно и грязно.

Послѣ ранняго обѣда, полкъ съ бивака у деревни Тацыухэ перешелъ на позицію, что южнѣе деревни Сыфантунь, откуда было приказано немедленно атаковать впереди лежащую деревню Фудядуань. Для этого предназначались два баталіона.

1-я, 2-я, 13-я и 14-я роты, скользя по липкой грязи, выбрались на опушку деревни и разсыпались въ цѣпь, а 3-я, 4-я, 15-я и 16-я роты составили резервъ.

Деревня Фудядуань, гдѣ находились японцы, ясно выдѣлялась на ровной мѣстности.

Самое наступленіе, по приказанію командира полка, было пріостановлено, дабы дать возможность подготовить атаку артиллерійскимъ огнемъ, а также подойти резерву (два баталіона Чембарскаго полка), далеко отставшему.

За нѣсколько часовъ страшной орудійной канонады наша артиллерія своимъ мѣткимъ огнемъ совершенно ослабила противника, не вызвавъ съ его стороны ни ружейнаго, ни артиллерійскаго огня.

Въ сумеркахъ нижніе чины 3-й роты, фельдфебель Сергѣй Голубевъ, младшіе унтеръ-офицеры Иванъ Образцовъ и Никифоръ Роговъ и ефрейторъ Иванъ Беззубовъ, вызвались пробраться къ японской деревнѣ и осмотрѣть ее. Они скрытно подползли къ валу, пе-

релѣзли черезъ него и, крадучись вдоль стѣнъ, обошли всю деревню. Оказалось, что японцы торопливо покидали ее. Донесеніе развѣдчиковъ было радостнымъ извѣстіемъ для полка, который вмѣстѣ съ подошедшимъ резервомъ двинулся впередъ и безъ всякаго сопротивленія, около 7 часовъ вечера, вошелъ въ деревню. Здѣсь были видны слѣды разрушенія отъ нашего артиллерійскаго огня. Стаканы и осколки снарядовъ валялись повсюду.

Полкъ размѣстился на улицахъ и дворахъ фанзъ, не предпринявъ, вслѣдствіе вечерней темноты, дождя и грязи, преслѣдованія противника. Продрогшіе отъ холода и дождя люди разложили костры и принялись около нихъ грѣться и кипятить чай.

Японцы, замѣтивъ огни, обстрѣляли деревню.

Пострадали двое нижнихъ чиновъ: одинъ былъ убитъ, другой раненъ.

Пришлось потушить костры и всю ночь провести на холодѣ.

О занятіи деревни было послано донесеніе съ двумя ординарцами, рядовыми Иваномъ Котяевымъ и Павломъ Ворожейкинымъ, но въ ночной темнотѣ ординарцы сбились съ направленія и заблудились. Отыскивая дорогу, они попали въ гаоляновую заросль, откуда вдругъ раздались залпы. Котяевъ свалился раненымъ, лошадь его убили.

Подъ продолжавшимися залпами, неизвестно кѣмъ производимыми, другой ординарецъ, Ворожейкинъ, поднималъ раненаго товарища, посадилъ на свою лошадь и увезъ его. Вскорѣ Ворожейкинъ выѣхалъ на дорогу, и оба ординарца возвратились въ полкъ.

На слѣдующій день, съ 6 часовъ утра, японцы открыли по деревнѣ Фудядуанъ рѣдкій артиллерійскій огонь съ юго-востока.

Чембарскій полкъ, какъ занимавшій сторожевое охраненіе юго-восточной части деревни, приготовился къ оборонѣ, имѣя за собою въ резервѣ 4-й баталіонъ Бузулукскаго полка.

1-й баталіонъ полка былъ отправленъ изъ деревни Фудядуанъ въ прикрытіе къ артиллеріи.

Командиръ полка вызвалъ желающихъ нижнихъ чиновъ произвести въ сторону противника развѣдку. На это изъявили желаніе младшій унтеръ-офицеръ 14-й роты Алексѣй Іоновъ и рядовые Василій Воробьевъ, Иванъ Ворожцовъ и Яковъ Ручкинъ.

Они подползли къ противнику, выглядѣли его расположение и, главное, стрѣлявшія по насъ орудія, но тутъ сами были замѣчены японцами и подверглись ружейному обстрѣлу. Все-таки имъ удалось невредимыми вернуться въ полкъ и сообщить о своихъ наблюденіяхъ. По указанному ими направленію роты сдѣлали нѣсколько залповъ, и японская артиллерія замолчала. Однако, когда залпы прекратились, японцы возобновили артиллерійскую стрѣльбу.

Не получивъ приказанія переходить въ наступленіе, полкъ весь день оборонялъ деревню, отвѣчая на исключительно артиллерійскій огонь противника—ружейнымъ.

Всѣ распоряженія, которыя при этомъ отдавались командиромъ полка, были одобрены начальникомъ дивизіи.

Съ наступленіемъ темноты, отрядъ, по приказанію начальника дивизіи, выступилъ изъ деревни Фудядуанъ на присоединеніе къ общему резерву. Пропустивъ впередъ чембарцевъ, полкъ съ мѣрами охраненія отошелъ послѣднимъ къ резерву, не понеся за этотъ день никакихъ потерь, а въ 10 часовъ вечера,

согласно приказанію по отряду, направился къ деревнѣ Айдяпу, куда прибылъ въ 6 часовъ утра 3-го октября.

Люди, не спавшіе ночь и голодные, въ мокрой отъ вчерашняго дождя одеждѣ, нуждались въ пищѣ и отдыхѣ, а голубое солнечное утро, теплое и безвѣтренное, манило къ покою.

Горячая пища была уже готова.

Но едва только полкъ началъ обѣдать, какъ получилось приказаніе немедленно выступить на деревню Шоуялинца. Солдаты выпли изъ котелковъ недоѣденныя щи, и полкъ, въ составѣ 1-го и 4-го баталіоновъ, тронулся въ путь.

По приходѣ въ деревню Шоуялинца, баталіоны были назначены въ резервъ отряда, за лѣвымъ флангомъ боевого расположенія, при чемъ 2-я и 3-я роты выдѣлились въ прикрытіе къ артиллеріи.

Въ 2 часа дня, по словесному приказанію командира 5-го корпуса, 4-й баталіонъ, подъ начальствомъ подполковника Крючкова, выдвинулся на окраину деревни Сандіоза для поддержки боевой части. Какъ разъ въ этотъ моментъ получилось лаконическое приказаніе командующаго дивизіей:

„Сегодня командующій арміей не приказалъ переходить въ наступленіе“.

Изъ двухъ разнорѣчивыхъ приказаній было исполнено первое, т.-е. приказаніе корпуснаго командира.

Черезъ полчаса и остальные роты, 1-я и 4-я, подъ личнымъ начальствомъ командира полка, присоединились къ 4-му баталіону для того, чтобы помочь частямъ боевой линіи.

Не менѣе полка японцевъ занимали виднѣвшуюся впереди, на гладкой равнинѣ, большую и сильно укрѣпленную деревню Уанчуанцзы.

Отряду было приказано атаковать противника и выбить его изъ этой деревни.

Стройными цѣпами по желтой глади убранныхъ полей двинулись 13-я, 14-я, 15-я и 16-я роты. Слѣдомъ за ними, тоже цѣпами, вышли изъ деревни 1-я и 4-я роты, составившія резервъ, во главѣ въ командиромъ полка, княземъ Амилахори.

Градъ пуль осыпалъ наступающія роты. Глухо грохнула непріятельская артиллерія. Шимозы забороздили землю, выбрасывая черные клубы ѣдкаго дыма.

Мѣстами раздавался трескъ ломавшейся проволоки.

Одиночные люди падали; слышались стоны раненыхъ.

А цѣпы неудержимо, красиво и стройно двигались впередъ.

Вотъ уже 1-я и 4-я роты слились съ 4-мъ батальономъ и перебѣжками мчались на врага. Японцы употребили все усилія, чтобы адской стрѣльбой отбить атаку. Пачечный ружейный огонь ихъ былъ доведенъ до крайняго напряженія. Казалось, что воздухъ наполненъ расплавленнымъ свинцомъ, брызгавшимъ по всему пространству между двумя деревнями.

Полкъ наступалъ безъ выстрѣловъ, а наши двадцать слишкомъ скорострѣльныхъ орудій, стоявшихъ сзади, тоже молчали, точно чужія.

Трудно передать радостное, зазорное чувство, какое охватываетъ человѣка, идущаго въ бой, когда видишь и слышишь за собой дружную поддержку своей артиллеріи, и какъ невыносимо больно и жутко, когда эта артиллерія стоитъ тутъ же молча и своимъ полнѣйшимъ безучастіемъ въ общемъ дѣлѣ будто потѣшается надъ слабостью пѣхоты, надъ ея гибелью. Это чувство испытывалъ всякій, кому хоть разъ случа-

лось бывать въ большомъ бою. Отъ отвѣта на вопросъ, почему не стрѣляли наши орудія, я уклоняюсь, хотя долженъ замѣтить, что ввести въ дѣло артиллерию представлялась полная возможность, а о необходимости въ данномъ случаѣ ея поддержки и говорить нечего.

Не доходя шаговъ 400—600 до непріятеля наступившія цѣпи были остановлены. Итти дальше было немислимо: японцы уничтожили бы насъ своимъ огнемъ прежде, чѣмъ мы достигли бы деревни. Цѣпи залегли за борозды, отчасти за китайскія могилы, и оттуда учащеннымъ огнемъ начали обстрѣливать противника. Командиръ полка, князь Амилахори, находясь тутъ же, на открытомъ мѣстѣ, лично руководилъ дѣйствіями ротъ и своимъ мужествомъ, спокойствіемъ и распорядительностью воодушевлялъ офицеровъ и солдатъ.

Его примѣру слѣдовали командиръ 13-й роты, поручикъ Рыловъ, фельдфебель 14-й роты Иванъ Дудкинъ, старшій унтеръ-офицеръ Василій Бубенцовъ, фельдфебель 4-й роты Евдокимъ Кудиновъ и старшій унтеръ-офицеръ Матвѣй Сабановъ и много другихъ. Они подъ пулями безстрашно расхаживали взадъ и впередъ по цѣпи, ободряя своихъ подчиненныхъ. Поручикъ Рыловъ былъ раненъ двумя пулями въ ногу навывлетъ и упалъ. Его хотѣли вынести изъ-подъ огня, но онъ отказался, всталъ и, сильно прихрамывая, пошелъ на перевязочный пунктъ. Не посчастливилось и доблестному фельдфебелю Дудкину. Сразу двѣ пули пронизали его: одна въ грудь, расколовъ висѣвшій на ней ротный образъ, другая—въ животъ.

Дудкина унесли на перевязочный пунктъ и тамъ онъ умеръ. Въ серединѣ боя былъ контуженъ шрапнельной пулей командиръ полка, князь Амилахори,

но строя не оставилъ и, точно ни въ чемъ не бывало, продолжалъ до конца боя спокойно управлять полкомъ. Тогда же были ранены подполковникъ Крючковъ, котораго вынесъ изъ-подъ огня рядовой Тимофей Есбинъ, и прапорщикъ Германъ, оба осколками снарядовъ въ голову, и контуженъ, также осколкомъ снаряда, прапорщикъ Адамскій.

Потери, нанесенныя нами противнику, были, нужно полагать, очень велики. Часто, послѣ мѣткой нашей стрѣльбы, огонь японцевъ внезапно прекращался или ослабѣвалъ, и затѣмъ вновь разгорался, очевидно, по усиленіи каждый разъ ихъ боевой линіи.

Успѣхъ непрерывной и учащенной стрѣльбы ротъ въ извѣстной мѣрѣ обязанъ своевременной доставкѣ въ цѣпь нижними чинами патроновъ. Въ этомъ отношеніи выказали особенное мужество: полковой барабанщикъ Василій Мокѣевъ, старшіе унтеръ-офицеры: 1-й роты Николай Глистенковъ и 14-й роты Матвѣй Мазановъ и рядовые: Евсѣй Цѣлуйко, Илларионъ Ильинъ, Имаметдинъ Хайсаметдиновъ и Даніилъ Городневъ, которые, пренебрегая смертельной опасностью, въ теченіе всего боя подносили изъ деревни патроны, снабжая ими цѣпи.

Рядомъ съ полкомъ, въ такомъ же порядкѣ, дѣйствовали Инсарскій и Чембарскій полки. Одна или двѣ роты Инсарскаго полка находились съ лѣваго фланга нашего расположенія, а остальные части съ праваго.

Передъ концомъ боя и наша артиллерія открыла огонь, но было уже поздно. Части Инсарскаго и Чембарскаго полковъ, сбитыя артиллерійскимъ огнемъ противника, начали отходить.

При малѣйшей оплошности начальствующихъ лицъ, поспѣшное отступленіе сосѣднихъ частей могло бы,

какъ это часто случается, и было, кстати, въ бою у Янтая, увлечь за собой малодушныхъ людей державшагося на позиціи полка, но своевременно принятыми мѣрами на этотъ разъ цѣпи не поколебались и, оставаясь на мѣстахъ, спокойно продолжали свое дѣло.

Спустя часъ, полкъ остался совершенно одинъ впереди, и командиръ полка, находя бесполезнымъ держаться дольше подъ сосредоточеннымъ огнемъ противника, приказалъ ротамъ постепенно отступать назадъ, на линію резервовъ, прикрываясь огнемъ 1-й и 14-й ротъ.

Роты отходили въ полномъ порядкѣ, не спѣша, подбирая на пути раненыхъ. Въ сумеркахъ полкъ занялъ окопъ, вырытый шагахъ въ 1,500 отъ деревни Уанчуанцзы.

Послѣ этого были вызваны охотники для уборки раненыхъ и убитыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ Инсарскаго полка.

Охотники, совмѣстно съ санитарамъ 4-й роты, ефрейторами Николаемъ Осиповымъ и Василиемъ Романовымъ и рядовымъ Акимомъ Никифоровымъ, подъ руководствомъ завѣдывающаго отрядомъ Краснаго Креста Лярхэ и полковыхъ врачей, до поздней ночи подбирали раненыхъ, въ числѣ которыхъ были вынесены одинъ убитый штабъ-офицеръ и одинъ раненый оберъ-офицеръ. Раненые доставлялись на полковой перевязочный пунктъ, дѣйствовавшій въ деревнѣ Паюньчжуань.

Такимъ образомъ, полкъ, оставаясь на позиціи, содѣйствовалъ спасенію раненыхъ Инсарскаго и Чембарскаго полковъ.

Неуспѣхъ атаки всецѣло обусловливался тѣмъ, что она не только не была предварительно подгото-

влена артиллерійскимъ огнемъ, но и самый огонь, открытый слишкомъ поздно, не былъ дѣйствителенъ, между тѣмъ какъ ружейнымъ огнемъ невозможно было выбить японцевъ изъ занятой ими деревни, обнесенной высокой глиняной стѣной и хорошо укрѣпленной.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ деревнѣ Уанчуанцы, какъ и въ деревнѣ Сандіоза, имѣлись окопы, приспособленные для стрѣльбы съ колѣна и лежа, и, кромѣ того, бойницы въ глинобитныхъ стѣнахъ.

Въ докладѣ по поводу боя командующему дивизіей командиръ полка, между прочимъ, высказалъ:

„Всѣ чины полка дѣйствовали отлично. Каждый изъ нихъ достоинъ имени русскаго солдата, но укрѣпившаяся страсть въ войскахъ уповать на успѣхъ боя при помощи штыка и не пользоваться дальнобойностью и скорозарядностью винтовки, а въ данномъ случаѣ и артиллеріи, послужила къ неудачѣ.

„Не могу не засвидѣтельствовать, что участвовавшіе 3-го октября въ бою 1-й и 4-й баталіоны съ честью выполнили данное командующему арміей слово: при первомъ же случаѣ заглазить янтайскій промахъ.

„Доблестно вели себя чины отъ офицера до послѣдняго рядового, не исключая и ротныхъ фельдшеровъ, которые подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ дѣлали перевязку“.

Восемь участвовавшихъ ротъ получили по 4 знака отличія военнаго ордена на каждую роту.

Фельдфебель 4-й роты Кудиновъ былъ представленъ къ награжденію его знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени, минуя низшую степень, за ободриваніе нижнихъ чиновъ примѣромъ неустрашимости.

Память о героѣ Дудкинѣ, погибшемъ во славу русскаго оружія, навсегда сохранится въ полку.

Подполковникъ князь Амилахори, высоко цѣня доблести русскаго солдата, неходатайствовалъ въ послѣдствіи семьѣ фельдфебеля Дудкина пособіе въ 400 руб. и объявилъ въ приказѣ по полку слѣдующее:

„Въ бою 3-го октября 1904 года фельдфебель изъ добровольцевъ Иванъ Дудкинъ проявилъ по-истинѣ изумительное мужество и храбрость.

„Въ 400 шагахъ отъ противника, подъ сильнымъ его огнемъ, онъ, все время стоя въ цѣпи, ободрялъ нижнихъ чиновъ, служа для нихъ назидательнымъ примѣромъ. Будучи раненъ, оставался въ строю, такъ же стойко продолжая свое дѣло. Будучи раненъ вторично, онъ только по настоянію отправился на перевязочный пунктъ и тамъ умеръ. Дабы не осталась безъ награды такая самоотверженная, доблестная служба, я ходатайствовалъ о пособіи семьѣ фельдфебеля Дудкина, и получилъ разрѣшеніе отчислить изъ суммъ полка 400 руб. пособія семьѣ этого славнаго солдата. Объявляю о семъ въ приказѣ, чтобы каждый солдатъ помнилъ, что за Царемъ и отечествомъ доблестная служба не пропадаетъ“.

Изъ участвовавшихъ въ этомъ бою офицеровъ 5 человекъ ранено и контужено. Нижнихъ чиновъ убито 15, ранено 195, безъ вѣсти пропало 5. Къ утру всѣ раненые были транспортированы.

Въ то время, когда полкъ молодецки дрался у деревень Фудядуанъ и Уанчуанцзы, полковая охотничья команда, подъ начальствомъ подпоручика Гогина, дѣйствовала въ другомъ мѣстѣ.

1-го октября, около 7-ми часовъ вечера, команда, совместно съ баталіономъ Чембарскаго полка, приблизилась къ деревнѣ Лидянтунъ съ намѣреніемъ атаковать ее, но казацыи разъѣзды сообщили, что деревня

японцами оставлена. Тогда команда и баталіонъ перестроились во взводныя колонны и двинулись прямо въ деревню.

Во мракѣ наступившаго вечера взводъ за взводомъ углублялся въ тѣсныя, обнесенныя глинобитными стѣнами улицы. Вдругъ изъ дворовъ фанзъ, шагахъ въ тридцати отъ головы колонны, раздались выстрѣлы, и можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели они своей неожиданностью. Баталіонъ Чембарскаго полка скучился въ узкомъ проходѣ и ринулся назадъ. Шедшая во главѣ охотничья команда остановилась. По командѣ подпоручика Гогина, взводы, какъ одинъ, упали на землю и приготовились къ бою. Таинственная ружейная трескотня между тѣмъ не стихала и пули визжали надъ головами людей. Начальникъ команды приказалъ открыть по фанзамъ огонь. Дружный залпъ сдѣлалъ свое дѣло. Скрывавшаяся за стѣной засада прекратила стрѣльбу и слышно было, какъ нѣсколько человѣкъ тяжело застонали. Это были японцы, обнаружившіе себя рѣзкимъ, гортаннымъ говоромъ. Немедленно отъ команды отдѣлился взводъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Холодова, съ крикомъ „ура“ ворвался во дворы фанзъ и бросился въ штыки. Японцы много разбѣжались и скрылись въ ночной темнотѣ. Послѣ этого всѣ фанзы были тщательно осмотрѣны и отрядъ расположился здѣсь на ночь, выставивъ впередъ деревни сторожевое охраненіе.

Немного позже на окраинѣ деревни былъ пойманъ легко раненый японскій кавалеристъ, отставшій отъ прогнанной засады и пытавшійся пробраться черезъ наше сторожевое охраненіе къ своимъ. Другой японскій кавалеристъ, не освѣдомленный, вѣроятно, о за-

нятіи нами деревни, вѣхалъ въ районъ сторожевого охраненія и что-то произнесъ по-японски. Его окружили наши солдаты и хотѣли поймать, но онъ ловко спрыгнулъ съ коня и удралъ, а лошадь его задержали.

Всю ночь отрядъ велъ ружейную перестрѣлку съ передовыми частями японцевъ.

На другой день, съ утра до полудня, деревня Лидянтунъ обстрѣливалась ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника. Около 2-хъ часовъ пополудни, по письменному приказанію командира 5-го корпуса, переданному офицеромъ Чембарскаго полка, охотничья команда и баталіонъ очистили деревню и отступили версты на четыре назадъ, но въ дорогѣ случилось приказаніе возвратиться въ деревню Лидянтунъ, куда отрядъ прибылъ къ вечеру и тотчасъ же завязалъ съ японцами оживленную перестрѣлку, продолжавшуюся до ночи.

3-го октября, съ ранняго утра, у деревни Лидянтунъ появились японскіе разѣзды, быстро, впрочемъ, прогнанные мѣткимъ огнемъ охотничьей команды.

Увлечшись наблюденіемъ за противникомъ, команда не замѣтила, какъ отрядъ еще на разсвѣтѣ покинулъ деревню. Пришлось нагонять ушедшій баталіонъ.

При выходѣ изъ деревни, команда подверглась усиленному обстрѣлу японскаго эскадрона, находившагося невдалекѣ въ кустарникѣ, но огонь этотъ, остановленный залпами команды, не принесъ ей никакого вреда.

4-го октября команда присоединилась къ полку, который къ этому времени собрался у деревни Сахоботай и всталъ правѣ Инсарскаго полка въ боевомъ резервѣ.

Унтеръ-офицеръ Холодовъ, по докладѣ начальникомъ команды о его мужествѣ, храбрости и распоря-

дительности, былъ представленъ командиромъ полка къ награжденію знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени и къ переименованію въ заурядъ-прапорщики.

Утромъ бивакъ посѣтилъ командиръ 5-го Сибирскаго армейскаго корпуса, генераль-лейтенантъ Дембовскій, и сердечно, прочувствованно благодарилъ всѣхъ чиновъ полка за молодецкое дѣло.

У деревни Сахоботай полкъ простоялъ цѣлыя сутки подъ сильнымъ и холоднымъ дождемъ, съ минуты на минуту ожидая новаго боя.

И только на слѣдующій день, 5-го октября, все успокоилось, улеглось, призракъ непріятельскаго наступленія исчезъ, и люди, размѣстившись въ фанзахъ, могли, наконецъ, предаться столь желанному и необходимому отдыху.

Бой 3-го октября имѣлъ для полка громадное моральное значеніе.

Это было нелегкое испытаніе за старыя, невинныя грѣхи, выдержанные съ поразительной стойкостью... Дурная слава, хотя и незаслуженная, разсѣялась новой, незыблемой славой, достойно заслуженной. Шесть ротъ полка, грудью подставленныхъ подъ градъ пуль и снарядовъ противника, геройски умирали, подавляя въ себѣ и страхъ и страданія. Какая-то неестественная сила сплотила нѣсколько сотенъ людей воедино, воодушевила ихъ, и врагъ не могъ сломить могучей, живой твердыни, гордо выросшей передъ его глазами.

Кто же создалъ за короткое сравнительно время изъ разбитыхъ подъ Янтаемъ бузулукцевъ по-истинѣ чудо-богатырей? Чьей могучей волей возродилась свѣтлая слава униженнаго полка?

Тамъ, въ цѣпи, приникшей къ землѣ, обрисовывалась фигура новаго командира, князя Амилахора. Зло-

вѣщій вихрь пуль и снарядовъ, обдававшій холоднымъ дыханіемъ смерти заброшенную сюда горсть людей, не вызывалъ ни робости, ни боязни со стороны героя-командира, самоотверженно и благородно исполнявшаго свой святой долгъ передъ родной.

Князь Амплахори овладѣлъ солдатской душой, подчинилъ ее своей волѣ, заставилъ полюбить и уважать себя. Вотъ источникъ того великолѣпнаго въ психическомъ смыслѣ боевого дѣла, которое доставило полку первую, дорого пріобрѣтенную славу.

Общій неуспѣхъ боя нисколько, конечно, не зависѣлъ отъ полка, сдѣлавшаго больше, чѣмъ отъ него требовалось. Отступленіе совершилось только по приказанію, съ соблюденіемъ образцоваго порядка и такъ умѣло, что японцы не рѣшились преслѣдовать насъ, а оставшіеся на полѣ сраженія раненые другихъ полковъ, подъ нашей защитой, были подобраны и доставлены на перевязочные пункты.

Съ этого момента полкъ осязательно созналъ свою боевую мощь и смѣло и бодро глядѣлъ въ будущее, прояснившееся отъ застилавшихъ его до сей поры мрачныхъ янтайскихъ тучъ.

XI.

Октябрьское затишье.

Три недѣли сряду, т. е. съ первыхъ до послѣднихъ чиселъ октября, полкъ занималъ раіонъ деревень Сандіоза, Паюньчжуанъ, Сентайцзы, Тацзыинъ, Тасудяпу, совершая небольшіе переходы въ этомъ же раіонѣ.

Здѣсь, на виду у противника, непрерывно производились ротами саперныя работы и неслась сторожевая служба; въ свободное отъ работъ время роты обучались разсыпному строю по программѣ, выработанной командиромъ полка. Иногда японцы обстрѣливали нашихъ рабочихъ слабымъ артиллерійскимъ огнемъ, не приносявшимъ потерь.

Погода преимущественно стояла сухая и вѣтреная, съ теплыми солнечными днями и прохладными лунными ночами, и лишь подъ конецъ мѣсяца появились заморозки, доходившіе ночью до $-3-4^{\circ}$ R., и даже однажды выпалъ мелкій снѣжокъ.

Офицеры и часть солдатъ размѣстились въ оставленныхъ китайцами просторныхъ глинобитныхъ фанзахъ, для остальныхъ же людей были разбиты палатки, снабженныя очагами и плотно обложенныя сверху снопами гаоляна, такъ что въ нихъ было достаточно тепло.

Развившіяся было въ сентябрѣ острые болѣзни прекратились, если не считать 5 случаевъ за весь октябрь брюшно-тифозныхъ заболѣваній.

Пища и вообще всѣ виды довольствія нижнихъ чиновъ поднялись на должную высоту.

Теперь солдаты ни въ чемъ не терпѣли нужды, получая съ избыткомъ все то, что имъ полагалось. Пресловутая водица, замѣнявшая прежде ужинъ, отошла въ область преданій. Въ походныхъ кухняхъ утромъ и вечеромъ варилась прекрасная пища, обильная и питательная. Чай и сахаръ выдавались въ достаточномъ размѣрѣ, а кипяченіе воды не встрѣчало затрудненій, такъ какъ необходимой для сего посуды, а также топлива, было много. Качество хлѣба несравненно улучшилось, и онъ отпускался въ строго

установленномъ количествѣ. Теперь не было отговорокъ и сомнительныхъ причинъ невозможности доставки съѣстныхъ продуктовъ, ибо зоркій глазъ командующаго полкомъ неустанно слѣдилъ за всѣми дѣяніями хозяйственной части. Въ этомъ отношеніи князь Амилахорп былъ въ особенности строгъ и взыскателенъ. День и ночь работалъ онъ для полка и требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ. Всѣ свои силы и энергію онъ отдавалъ простому, сѣрому солдату, котораго любилъ всею душою. Жестоко и безпощадно платился тотъ, кто позволялъ себѣ чѣмъ-либо обидѣть несправедливо нижняго чина или же не позаботиться о его благосостояніи.

Внутренняя жизнь полка рѣзко измѣнилась.

Угрюмый прежде солдатъ смотрѣлъ теперь весело и молодцовато, съ сознаніемъ собственного достоинства.

Между начальниками и подчиненными установилась прочная духовная связь, основанная на взаимномъ довѣріи и честныхъ стремленіяхъ на пользу общаго дѣла. На отвѣтственную должность завѣдывающаго хозяйствомъ командиромъ полка былъ назначенъ дѣльный и опытный капитанъ Гуминскій. Были еще и другія перемѣны въ хозяйственной и строевой части, много содѣйствовавшія поднятію какъ матеріальныхъ, такъ и боевыхъ качествъ полка. Къ тому же, въ серединѣ октября, прибыли на укомплектованіе, по назначенію командующаго арміей, два штабъ-офицера и четырнадцать оберъ-офицеровъ, большинство которыхъ своими способностями, энергіей и храбростью оказало полку цѣнныя услуги.

Въ періодъ стоянки баталіоновъ въ этой мѣстности со стороны китайцевъ, въ отвѣтъ на наше дружелюбіе и гуманность, наблюдались враждебныя от-

ношенія, выражавшіяся нерѣдко въ весьма грубой формѣ. Однажды, когда одинъ изъ баталіоновъ вышелъ на нѣсколько часовъ изъ занимаемой имъ деревни на саперныя работы и оставилъ безъ охраны оборудованныя нами для жилья фанзы, китайцы, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ баталіона, произвели въ помѣщеніяхъ полное разрушеніе: оконныя рамы и двери были унесены, нары поломаны, очаги уничтожены, словомъ, собственное китайцамъ варварство разыгралось во всю.

Послѣдствіемъ подобныхъ отношеній явилось массовое выселеніе китайцевъ изъ деревень. Эта мѣра была необходима еще и потому, что китайцы неоднократно перебѣгали къ японцамъ и шпионили.

15-го октября получило приказаніе начальника дивизіи о выступленіи 4-го баталіона въ деревню Чжаньцзяфань, на поддержку коннаго отряда генерала князя Орбеліани, расположеннаго у деревни Чжаньтань, на берегу р. Хуньхэ.

Баталіонъ, подъ начальствомъ капитана Барановскаго, выступилъ въ 7 часовъ утра, и на бивакѣ осталось всего два баталіона, 1-й и 2-й.

25-го октября, около 12 часовъ дня, по приказанію командира корпуса, 1-й и 2-й баталіоны были отправлены черезъ деревни Пендіанца, Ланьшаньпу, Сюендинодязя въ деревню Тачжуанхэ, гдѣ находились донскіе казаки 2-й сводной казачьей дивизіи, только что оттѣснившіе японцевъ. Казаки нуждались въ поддержкѣ пѣхоты, и потому баталіоны, придя въ деревню Тачжуанхэ, немедленно двинулись на указанную адъютантомъ штаба казачьей дивизіи позицію, но между деревнями Сумотдай и Уандуинца они были остановлены и возвращены въ деревню Тачжуанхэ,

въ виду того, что начальникъ 2-й сводной казачьей дивизіи передалъ, что въ пѣхотѣ не нуждается и что баталіоны свободны. Пришлось вернуться на старый бивакъ, сдѣлавъ безцѣльный переходъ въ 25 верстъ. Здѣсь баталіоны простояли только однѣ сутки, а затѣмъ перешли въ деревню Сентансы, въ отрядъ генерала Грекова.

ХП.

Дѣло штабсъ-капитана Андронникова.

4-й баталіонъ, ушедшій въ отрядъ князя Орбелиани, расположился бивакомъ въ деревнѣ Туаньпуза.

25-го октября, въ 7 часовъ утра, капитанъ Барановскій получилъ отъ начальника отряда приказаніе выслать отъ баталіона три роты для защиты брода у деревни Чжаньтань, такъ какъ заставы Оренбургскаго полка вытѣснены японской пѣхотой и кавалеріей съ лѣваго берега рѣки Хуньхэ, за деревней Чжаньтаньхинань. Согласно сего приказанія, 13-я, 14-я и 15-я роты, подъ общей командой штабсъ-капитана Андронникова, были высланы къ рѣкѣ Хуньхэ, при чемъ 14-я рота, подъ командой поручика Трофимова, осталась въ прикрытіи къ конной артиллеріи, а 13-я и 15-я роты заняли позицію на берегу рѣки, у брода, за песчаными буграми, поросшими мелкимъ кустарникомъ. Роты зарылись въ песокъ, выжидая переправы черезъ рѣку японцевъ, разѣзды которыхъ завязали уже перестрѣлку съ нашими казачьими постами.

Тусклый день, вѣтреный и холодный, застилался облаками пыли, носившейся въ воздухѣ. Около 12 часовъ дня у роуи деревни Чжаньтаньхинань стали

стягиваться значительныя пѣхотныя и кавалерійскія силы противника. Вскорѣ эскадронъ японской кавалеріи и около двухъ баталіоновъ пѣхоты повели цѣпами наступленіе къ берегу, при поддержкѣ ружейнымъ огнемъ изъ деревни Чжаньтаньхинань, гдѣ около роты японцевъ, взобравшись на крыши фанзъ, открыли пачечную стрѣльбу по нашимъ казачьимъ частямъ, находившимся правѣе 13-й и 15-й ротъ, у деревни Чжаньтань.

Штабсъ - капитанъ Андронниковъ, опредѣливъ удачно разстояніе, открылъ ротами залпы въ предѣлахъ 1,400—1,700 шаговъ, приказавъ одной полуротѣ обстрѣливать исключительно деревню Чжаньтаньхинань. Японцы отвѣчали также залпами, но ихъ огонь поражалъ наши казачьи части, роты же такъ хорошо себя замаскировали, что противникъ не могъ ихъ замѣтить. Мѣткій огонь 13-й и 15-й ротъ не допустилъ японцевъ къ рѣкѣ, и они скоро принуждены были отступить съ большими потерями. Тогда князь Орбелиани, по просьбѣ штабсъ-капитана Андронникова, приказалъ взводу конной артиллеріи подѣхать къ пѣхотной позиціи и обстрѣлять отступавшихъ японцевъ.

Когда японцы скрылись, Оренбургскій казачій и Терско-Кубанскій полки переправились на ту сторону рѣки и заняли безъ сопротивленія деревню Чжаньтаньхинань, а отъ ротъ были вызваны охотники для поджога семи мачтовыхъ японскихъ шаландъ, находившихся лѣвѣе брода и прикрываемыхъ ружейнымъ огнемъ противника, державшагося на лѣвой сторонѣ рѣки Хуньхэ, невдалекѣ отъ деревни Чжаньтаньхинань. Подъ командой подпоручика д'Андре, нижніе чины 13-й роты: старшій унтеръ-офицеръ Петръ

Уразовъ, младшіе унтеръ-офицеры Григорій Кондаковъ и Михаилъ Ковшаровъ и рядовые Прокофій Смирновъ, Григорій Ильичевъ, Федоръ Урядовъ, Иванъ Зиминъ, Иванъ Солдаткинъ и Андріанъ Дмитріевъ, перешли вбродъ рѣку и подожгли шаланды. Раздался сильный взрывъ, и облако огня и дыму вырвалось изъ двухъ шаландъ, нагруженныхъ, какъ оказалось, огнестрѣльными припасами. Японцы не сумѣли защитить своего имущества, до поздняго вечера пожиряемаго огнемъ. Охотники, отлично выполнивъ возложенную на нихъ задачу, благополучно возвратились къ ротамъ.

Въ 6 часовъ вечера, по приказанію начальника отряда, двѣ роты отошли на ночлегъ въ деревню Туаньпуза, а одной ротѣ было приказано остаться на позиціи и наблюдать за бродомъ.

За молодецкое дѣло, воспрепятствовавшее переправѣ на нашъ берегъ японцевъ и заставившее ихъ покинуть деревню Чжаньтаньхинанъ, князь Орбеліани благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и отличившихся представилъ къ наградамъ.

ХІІІ.

Въ отрядѣ генерала Грекова.

27-го октября, въ 11 часовъ утра, 1-й и 2-й баталіоны вмѣстѣ съ обозомъ 1-го разряда двинулись черезъ деревни Пейдіанцза—Сяосудяпу—Ланьшаньпу въ деревню Сентансы, на присоединеніе къ отряду генерала Грекова. Въ 5 часовъ вечера баталіоны прибыли къ мѣсту новой стоянки, сдѣлавъ переходъ въ 17 верстъ по хорошей дорогѣ и при теплой солнеч-

ной погодѣ. Люди расположились въ фанзахъ, пообедали и отдохнули.

Ночь прошла спокойно; даже сторожевого охраненія отъ полка не выставлялось, потому что впереди находились казачьи посты и разъѣзды.

Утромъ 28-го октября, по приказанію генерала Грекова, 1-й баталіонъ былъ выдвинутъ ближе къ передовой линіи противника и разбитъ по деревнямъ Сехантайцзы, Утяза и Цзеуэрпу. Роты выставили на окраинахъ деревень заставы и посты, связь между которыми держалась казачьими разъѣздами. Разстояніе между нашими и японскими деревнями было настолько невелико, что на ровной, открытой мѣстности простымъ глазомъ можно было ясно различать расположеніе противника.

Въ ночь съ 29-го на 30-е партія нашихъ развѣдчиковъ проникла черезъ японское сторожевое охраненіе къ деревнѣ Сандіоза, обнаружила нѣсколько орудій у деревень Хегоутаі и Вандіоза и скрытно, безъ выстрѣловъ, вернулась назадъ, а ночью 31-го была произведена развѣдка непріятельскихъ окоповъ, возведенныхъ западнѣе деревни Сяотантай, которая выяснила, что у противника имѣлись въ этомъ мѣстѣ форты сильной горизонтной профили.

Вообще, съ переходомъ въ отрядъ генерала Грекова и съ занятіемъ полкомъ передовыхъ позицій, добровольнымъ развѣдкамъ данъ былъ самый широкій просторъ, и онѣ производились почти ежедневно, по инициативѣ командира полка. Самая организація развѣдокъ, приносившихъ отряду несомнѣнную пользу, принадлежала, помимо командира полка, цѣлой группѣ молодыхъ, энергичныхъ офицеровъ, недавно прибывшихъ въ полкъ.

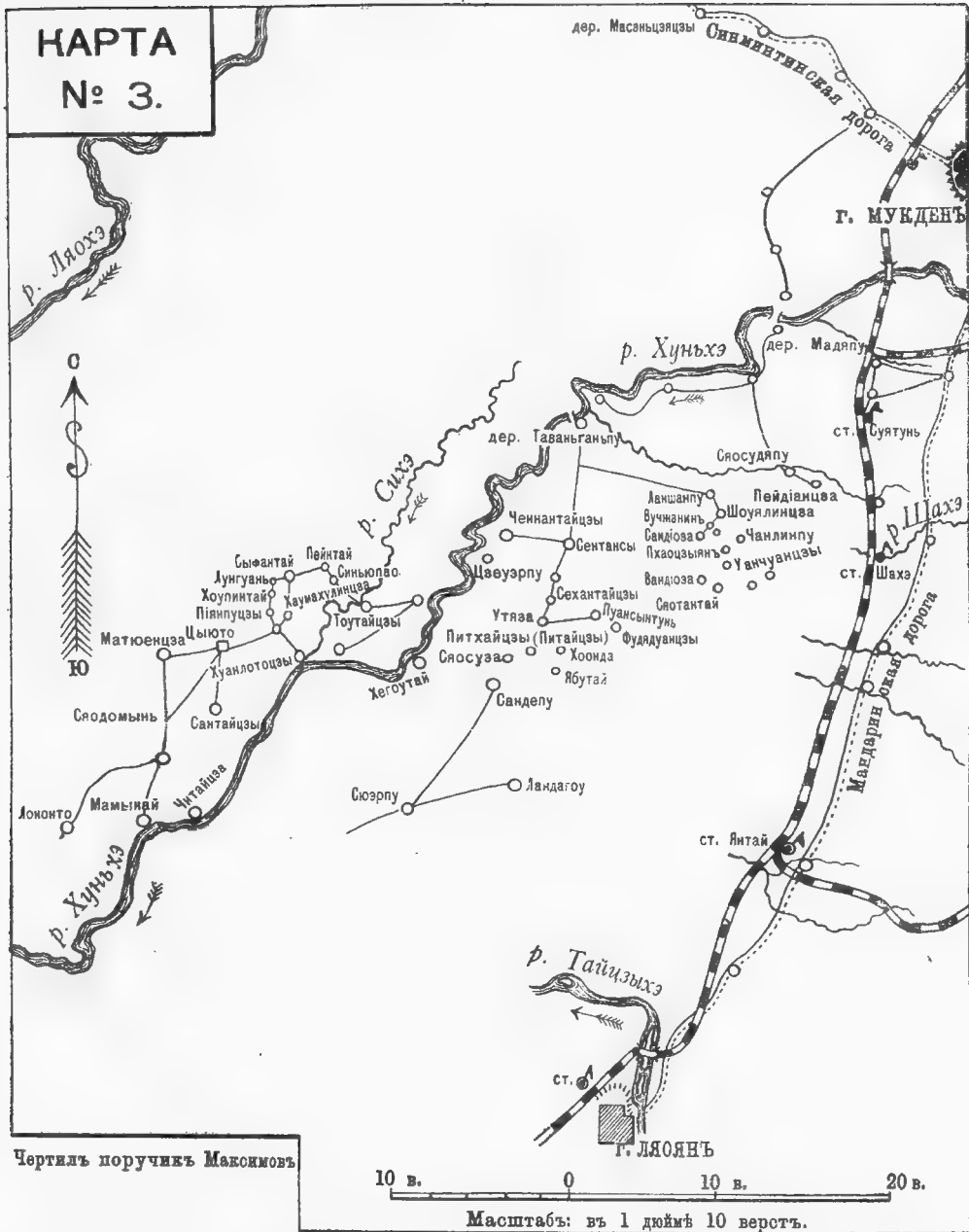
Среди этой группы слѣдуетъ отмѣтить имена подпоручиковъ Лебедева; Сазонова и прапорщика Розова. Смѣлые и предпріимчивые, съ честными, благородными порывами, они всецѣло и беззавѣтно отдались самому опасному дѣлу, отыскиали среди солдатъ способнѣйшихъ и храбрѣйшихъ людей и вмѣстѣ съ ними произвели цѣлый рядъ блестящихъ развѣдокъ, вызвавшихъ восторгъ всего отряда.

Объ этихъ развѣдкахъ поговорю ниже, а теперь вкратцѣ опишу предполагавшуюся атаку деревни Питхайцзы, занятую японской пѣхотой и кавалеріей.

Въ ночь съ 1-го на 2-е ноябрю командиръ полка, будучи начальникомъ авангарда (1-й баталіонъ и казаки), получилъ приказаніе отъ генерала Грекова произвести утромъ 2-го ноября поискъ непріятельскихъ деревень Питхайцзы, Хоонда, Тиньянтунъ и Фудядуанцзы. Лично командиру полка дана была задача атаковать 1-мъ баталіономъ и взять деревню Питхайцзы, предварительно подготовивъ атаку артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

2-го ноябрю, рано утромъ, командиръ полка передвинулъ двѣ роты, расположенныя въ деревнѣ Сантхайцзы, въ деревню Утяза, гдѣ въ то время находились 1-я рота полка, 4-я сотня 11-го и взводъ 5-й сотни 12-го Оренбургскихъ казачьихъ полковъ. По просьбѣ князя Амплахоръ, признававшего ввѣренный ему отрядъ очень слабымъ для успѣшнаго выполненія возложенной на него задачи, генераль Грековъ прислалъ въ подкрѣпленіе еще двѣ роты 2-го баталіона, 5-ю и 6-ю.

Въ 11 часовъ 45 минутъ утра 11-я конная батарея, подъ командой капитана Сварика, заняла позицію у восточной окраины деревни Утяза, открыла огонь

по деревнѣ Питхайцзы и подожгла двѣ непріятельскихъ фанзы.

Вслѣдъ за этимъ командиръ полка отдалъ отряду слѣдующее приказаніе:

„1. Непріятель находится въ деревнѣ Питхайцзы; ввѣренному мнѣ отряду приказано атаковать и взять эту деревню.

„2. 3-й, 5-й и 6-й ротамъ составить боевую часть, а 1-й и 4-й ротамъ—резервъ. Направляющая 6-я рота, направлѣніе на западную окраину деревни.

„3. 5-й ротѣ составить 1-й участокъ, подѣ командой штабсъ-капитана Барклая, 6-й ротѣ — 2-й участокъ, подѣ командой капитана Плевако, 3-й ротѣ — 3-й участокъ, подѣ командой штабсъ-капитана Ананьина. 4-й сотнѣ охранять правый флангъ, взводу 5-й сотни—лѣвый флангъ. 1-я и 4-я роты составляютъ резервъ, подѣ начальствомъ капитана Малахова.

„4. Патроннымъ двуколкамъ находиться при баталіонномъ резервѣ.

„5. Замѣстители: войсковой старшина Михайловъ и капитанъ Малаховъ.

„6. Перевязочный пунктъ въ деревнѣ Сехантайцзы.

„Подѣ видомъ выноса раненыхъ никому изъ строя не выходить“.

Роты въ боевомъ порядкѣ вышли изъ деревни и повели наступленіе, поддержанное огнемъ нашей батареи. Къ удивленію всѣхъ, ни одного выстрѣла со стороны японцевъ не послѣдовало. Въ 1,400 шагахъ отъ атакующей деревни роты остановились. Японцы попрежнему упорно молчали. Это побудило войскового старшину Михайлова выслать впередъ казачьи разъѣзды, которые дошли до деревни Питхайцзы и выяснили, что она оставлена японцами. Безъ боя и даже безъ выстрѣла вошли туда роты и казаки.

По уничтоженіи возведенныхъ японцами окоповъ и искусственныхъ препятствій, отрядъ, согласно полученнаго приказанія, вышелъ изъ деревни Питхайцзы съ тѣмъ, чтобы вернуться въ деревню Утяза. Но едва только 5-я и 6-я роты, составлявшія правый флангъ отряда, начали отступать, какъ японцы открыли по

нимъ пулеметный огонь изъ деревни Сандену. Роты, не отвѣчая на непріятельскій огонь, медленно, безъ потерь, отошли къ деревнѣ Утяза, подъ прикрытіемъ высланныхъ въ сторону противника дозоровъ.

Поискъ деревни Питхайцзы, носившій исключительно развѣдывательный характеръ и при томъ несколько не связанный съ общими операціями отряда, былъ предпринятъ, во-первыхъ, съ цѣлью встревожить непріятеля, во-вторыхъ, опредѣлить его боеспособность, силы и расположеніе въ данномъ мѣстѣ, а потому роты, не имѣя намѣренія оставаться въ занятой деревнѣ, немедленно отступили.

Ночью 7-го ноября десять человекъ охотниковъ, подъ командой унтеръ-офицера 5-й роты Самсона Щетинина, подкрались очень близко къ японскимъ деревнямъ и подняли тревогу. Японцы обстрѣляли охотниковъ, но тѣ успѣли убѣжать.

Въ ночь съ 8-го на 9-е ноября тотъ же унтеръ-офицеръ Щетининъ взялъ команду охотниковъ и пробрался съ нею въ тылъ сторожевого охраненія противника у деревни Ябутай. Самъ Щетининъ съ рядовымъ 5-й роты Матвѣемъ Симашко и съ однимъ еще казакомъ Оренбургскаго войска подкрались къ японскому посту и были готовы уже броситься на часового, но тотъ оглянулся и увидѣлъ охотниковъ. Тогда Щетининъ въ два прыжка очутился у часового и нанесъ ему ударъ штыкомъ. Японецъ закричалъ. Въ ту же минуту подоспѣлъ рядовой Симашко и нанесъ второй штыковой ударъ японцу, а казакъ выхватилъ у него ружье. Остальные люди японскаго поста, услышавъ шумъ, обстрѣляли нашихъ смѣльчаковъ, но охотники ловко скрылись, при чемъ Щетининъ, отличавшійся всегда поразительнымъ хладно-

кровіемъ и рѣдкой отвагой, измѣрилъ шагами разстояніе отъ нашихъ позицій до японской деревни. За молодецкую развѣдку всѣ три охотника были награждены знаками отличія военнаго ордена.

Къ 9-му ноября, по приказанію начальника западнаго отряда, въ деревню Сентансы пришелъ 3-й баталіонъ съ 588 запасными нижними чинами, присланными на укомплектованіе полка.

Съ этого дня три баталіона полка—1-й, 2-й и 3-й, дѣйствовали совмѣстно; 4-й же баталіонъ оставался сначала въ отрядѣ князя Орбеліани, а затѣмъ перешелъ въ отрядъ генерала Косаговскаго, куда впослѣдствіи былъ переведенъ весь полкъ.

9-го ноября генераль Грековъ приказалъ произвести вторично развѣдку деревни Питхайцзы, для чего было вызвано отъ полка 100 человекъ охотниковъ при двухъ офицерахъ, подпоручикѣ Лебедевѣ и прапорщикѣ Розовѣ.

Глубокой ночью, когда все спало и лишь одни посты да дозоры, наши и непріятельскіе, молчно оберегали покой своихъ частей, охотники безшумно выступили изъ деревни Утяза.

Бѣлая ночь, окутанная дымчатымъ туманомъ, была такъ тиха, что всякій шорохъ, всякій слабый звукъ явственно раздавались въ морозномъ воздухѣ.

Луна еще не скрылась. Блѣдный свѣтъ ея серебрилъ волны тумана и необъятую равнину съ разбросанными повсюду китайскими деревушками, темными силуэтами выплывавшими изъ тумана. Нужно было много опытности, вниманія и осторожности, чтобы въ такую ночь цѣлой сотнѣ людей скрытно пробраться къ противнику.

Охотники раздѣлились на три партіи. Десятокъ людей короткой цѣпью тронулся въ путь, за нимъ послѣдовала вторая партія, а сзади, въ три шеренги,—резервъ. Впереди всѣхъ шли подпоручикъ Лебедевъ, прапорщикъ Розовъ и неутомимый развѣдчикъ, унтеръ-офицеръ Щетининъ, держа направленіе. Двигались медленно, часто останавливались и прислушивались. Люди спотыкались о торчавшія въ бороздахъ острия колючки срѣзанныхъ стеблей гаоляна. Легкій трескъ сухихъ стеблей могъ обнаружить движеніе развѣдчиковъ, но, на наше счастье, японцы беззаботно спали. Да и кому придетъ въ голову, чтобы чья-либо дерзкая мысль рѣшилась въ такую ночь на серьезное предпріятіе. Но вотъ передъ охотниками вырастаетъ японская деревня, обрисовываются отдѣльныя фанзы, валы и стѣны.

Въ одной изъ фанзъ, черезъ бумажное, промасленное окно, свѣтится огонекъ.

До ближайшей стѣны осталось не болѣе 50-ти шаговъ.

Жутко.

Прапорщикъ Розовъ отдѣляетъ 70 человекъ и идетъ съ ними на лѣвый флангъ деревни, къ освѣщенной фанзѣ, а подпоручикъ Лебедевъ съ 30 охотниками отправляется на правый.

Кругомъ ненарушимая тишина.

Команда подпоручика Лебедева подкрадывается къ стѣнѣ.

Ворота открыты настежъ, за ними нѣсколько фанзъ, а тутъ, у стѣны, длинные сараи, наполненные лошадьми.

Что дѣлать? Войти ли во дворъ?

Быть можетъ, тамъ засада—и тогда все кончено.

Вдругъ вдали, на лѣвомъ флангѣ, грянулъ ружейный выстрѣлъ, потомъ другой, третій...

Прапорщикъ Розовъ вплотную столкнулся съ японскимъ дозоромъ, выходившимъ изъ фанзы. Сначала японцы приняли охотниковъ за своихъ и окликнули ихъ, но затѣмъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, бросились бѣжать.

Прапорщикъ Розовъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ и на мѣстѣ убилъ одного дозорнаго, другого тутъ же ранилъ, а третій былъ задержанъ охотниками и взятъ въ плѣнъ.

Выстрѣлы разбудили японцевъ.

Поднялась суматоха.

Японцы повыскакивали изъ фанзы, окруженной нашими охотниками.

Человѣкъ пять японцевъ, сраженныхъ нашими пулями, упали мертвыми, другіе въ паникѣ разбѣжались.

Забравъ одну лошадь, уцѣлѣвшую отъ выстрѣловъ, двѣ винтовки и плѣнныхъ, прапорщикъ Розовъ двинулся съ охотниками въ глубь деревни, но, услышавъ тамъ сильную перестрѣлку, часть команды расположилъ за стѣной, для обстрѣла выбѣжавшихъ изъ деревни японцевъ, съ частью же пошелъ на выстрѣлы.

Тѣмъ временемъ подпоручикъ Лебедевъ, пробираясь съ командой во дворъ, былъ встрѣченъ залпомъ японцевъ, стрѣлявшихъ изъ оконъ фанзъ. Охотники лихо ворвались въ импанъ. Встревоженный противникъ со всѣхъ сторонъ открылъ по нимъ беспорядочный ружейный огонь, а изъ-за стѣнъ полетѣли на команду камни, кирпичи, палки. Команда не растерялась, дала два-три дружныхъ залпа, выбившихъ японцевъ изъ импаня, и бросилась на нихъ въ штыки. Переколовъ часть метавшихся, какъ въ угарѣ, япон-

цевъ, охотники перебѣжали импань, обстрѣляли улицу, кишѣвшую обезумѣвшими толпами противника, и возвратились въ импань, но здѣсь японцы снова дали залпы, а изъ фанзы выбѣжалъ японскій офицеръ и хотѣлъ сѣсть на осѣдланную лошадь. Пуля, пущенная подпоручикомъ Лебедевымъ, убила его наповаль. Послѣ новыхъ мѣткихъ залповъ, совсѣмъ разстроившихъ японцевъ, охотники отвязали нѣсколько непріятельскихъ лошадей и начали отступать, преслѣдуемые ружейнымъ огнемъ. Немного погодя, подпоручикъ Лебедевъ, обезпокоенный судьбой прапорщика Розова, остановился. Чтобы дать знать о себѣ товарищу, онъ приказалъ командѣ запѣть пѣсню. Весело и дружно разнеслись по полю звонкіе голоса солдатъ. Японцы, думая, вѣроятно, что къ намъ прибыло подкрѣпленіе, прекратили стрѣльбу.

Прекрасно воспользовался находчивостью Лебедева прапорщикъ Розовъ и быстро присоединился къ нему со своими людьми.

Торжественно и счастливо, на японскихъ лошадяхъ и съ плѣнными, возвратились охотники въ деревню Утяза.

Князь Амлахори, не спавшій всю ночь и съ тревогой поджидавшій охотниковъ на окраинѣ деревни, не скрылъ своей сердечной радости, когда увидѣлъ всю команду здоровой и невредимой. Горячо благодарилъ онъ молодцовъ охотниковъ, улыбаясь и говоря:

— Ваше славное дѣло будетъ боевой памяткой нашего полка и подниметъ духъ нашего солдата. Мое старое сердце радуется при видѣ такихъ молодцовъ, храбрыхъ и надежныхъ. Спасибо, большое вамъ спасибо за все.

Въ числѣ трофеевъ охотники доставили двухъ плѣнныхъ японцевъ, 7 лошадей съ сѣдлами и вьюками, 4 винтовки, около 1000 патроновъ и много разныхъ писемъ и бумагъ.

Въ деревнѣ Питхайцзы насчитывалось до 150 человекъ японцевъ, изъ которыхъ 30 человекъ было ранено и убито. Кромѣ того, охотники перестрѣляли до 70-ти непріятельскихъ лошадей.

Въ ночь съ 11-го на 12-е ноября рота японцевъ напала на наши заставы, силою въ 60 человекъ, находившіяся въ деревнѣ Пуансынтунъ, подъ начальствомъ подпоручика Казанскаго. Заставы отразили нападеніе, но японцы залегли вблизи деревни и начали обстрѣливать ее. До самаго разсвѣта шла перестрѣлка между нами и японцами, которые всѣми силами стремились проникнуть въ деревню, однако, всякій разъ отбивались огнемъ заставъ. На разсвѣтѣ изъ сосѣдней деревни, по собственной инициативѣ, прискакала сотня донскихъ казаковъ и помогла подпоручику Казанскому разсѣять противника, безъ потерь съ нашей стороны.

Въ теченіе послѣдующей недѣли все обстояло спокойно. Ни мы, ни японцы не проявляли никакихъ активныхъ дѣйствій. Производились только почти каждую ночь полковоя развѣдки, выяснявшія постепенное усиленіе противъ насъ боевой линіи противника.

Главное и постоянное участіе въ развѣдкахъ принимали нижніе чины: старшіе унтеръ-офицеры: Самсонъ Щетининъ, Алексѣй Панковъ, Алексѣй Кулевъ, младшій унтеръ-офицеръ Федоръ Кузьминъ, ефрейторы: Алексѣй Разубаевъ, Денисъ Наумовъ, Леонтій Симашко и рядовые: Филиппъ Онопріенко, Трофимъ Скрипченко, Семень Рябовъ, Василій Мосѣйковъ и Петровъ.

Это были виртуозы-развѣдчики. Доставляемые ими свѣдѣнія отличались всегда правдивостью и точностью, и не было порученія, котораго они не выполняли бы великолепно.

Само собой разумѣется, что ревностная служба развѣдчиковъ не оставалась неознаграждаемой начальствомъ. Командиръ полка тѣмъ или инымъ способомъ выдѣлялъ хорошихъ, испытанныхъ солдатъ, назначая ихъ большею частью на отвѣтственные должности въ ротахъ, гдѣ они являлись дѣльными воспитателями неопытныхъ нижнихъ чиновъ, давая имъ настоящую боевую подготовку.

Въ отрядѣ генерала Грекова, какъ и въ отрядѣ генерала Столица, мѣстное китайское населеніе относилось къ намъ довольно враждебно. Бывали случаи вооруженнаго нападенія китайцевъ на одиночныхъ солдатъ. Поэтому и здѣсь приходилось прибѣгать къ выселенію китайцевъ и, вообще, принимать противъ нихъ различнаго рода репрессивныя мѣры.

Въ ночь съ 19-го на 20-е ноября изъ сторожевого охраненія, выставленнаго у деревни Утяза, было замѣчено, шагахъ въ 400 впереди постовъ, движеніе какой-то колонны. Секретъ, распознавъ въ темнотѣ крадущихся японцевъ, сплору не менѣ роты, далъ по нимъ залпъ и самъ отошелъ къ деревнѣ. Находившаяся въ охраненіи 8-я рота, подъ командой штабсъ-капитана Аслова, вышла изъ деревни навстрѣчу наступавшему противнику и открыла по немъ сильный ружейный огонь.

Съ крикомъ „банзай“ бросились японцы на роту, но та, отступивъ за деревню, залегла во рву и вновь открыла учащенный огонь. Японцы вбѣжали въ де-

ревню, засѣли за фанзами и оттуда продолжали обстрѣливать нашу роту.

Нѣсколько фанзъ, подожженныхъ противникомъ, освѣтили деревню.

Положеніе штабсъ-капитана Асилова сдѣлалось затруднительнымъ.

Огонь освѣтилъ роту, а японцы, скрытые за фанзами, съ остервенѣніемъ засыпали ее пулями. Къ счастью, въ эту минуту на помощь подоспѣла полурота 6-й роты, и японцы дружнымъ натискомъ были выгнаны изъ деревни и преслѣдовались нашимъ огнемъ.

Въ то же время такому же нападенію другой роты противника подверглась и деревня Цзеуэрпу, но тамъ японцевъ въ деревню не допустили, отбивъ ихъ атаки ружейнымъ огнемъ.

За эту ночь мы потеряли убитыми 2-хъ нижнихъ чиновъ и ранеными 4-хъ.

Итакъ, если развѣдка противника и увѣнчалась на половину успѣхомъ, то, во всякомъ случаѣ, она стоила ему очень дорого: японцы потеряли около 30-ти человекъ убитыми и ранеными.

Вечеромъ 20-го ноября была произведена конно-артиллерійская развѣдка деревень Питхайцзы, Сяосюза, Сандепу, подъ начальствомъ командира 11-й конной батареи, капитана Сварика, и при участіи подпоручика Лебедева, вольноопредѣляющагося Вольскаго и двадцати нижнихъ чиновъ полка.

Развѣдчики пробрались въ районъ японскихъ деревень и обнаружили мѣстонахожденіе артиллеріи въ деревнѣ Сандепу и расположеніе сторожевого охраненія противника.

Днемъ 23-го ноября подпоручики Лебедевъ, Сазоновъ и прапорщикъ Розовъ съ нижними чинами, стар-

шимъ унтеръ-офицеромъ Панковымъ и рядовымъ Оно-пріенко, приблизились къ занятой японцами деревнѣ Сяосуза и, подъ выстрѣлами противника, опредѣлили окопы и сторожевое охраненіе у деревни Сандепу, а вечеромъ тѣ же охотники, взявъ съ собой еще небольшую партію нижнихъ чиновъ, пробрались къ деревнѣ Сандепу, зажгли тамъ двѣ фанзы и запасы фуража и безъ потерь вернулись назадъ.

Въ ночь со 2-го на 3-е декабря сто человѣкъ охотниковъ, подъ начальствомъ подпоручика Богдановскаго и при участіи подпоручиковъ Лебедева, Сазонова и Любимова, пытались еще разъ развѣдать деревню Питхайцзы, но, когда они подошли къ неприятельской деревнѣ, оттуда былъ открытъ такой сильный огонь, что развѣдчикамъ пришлось поспѣшно отступить.

Въ ночь съ 6-го на 7-е декабря партія охотниковъ въ 60 человѣкъ, съ 6-ю казаками-саперами, подъ начальствомъ подпоручика Любимова, подкралась къ окопамъ японской деревни Тиньянтунъ и взорвала проксилиновыми шашками часть окоповъ. Японцы сильнымъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ, открытымъ съ трехъ сторонъ, принудили команду отступить. Въ этой развѣдкѣ были ранены: фельдфебель 5-й роты Иванъ Сиротинъ, оставшійся въ строю и награжденный знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени, и рядовой 3-й роты Имухаметдиновъ.

Съ утра 12-го декабря команда нашихъ фуражировъ отправилась за добычей чумизы, скірдами сложенной китайцами на полѣ между нашими и японскими деревнями. Противникъ обстрѣлялъ фуражировъ пулеметнымъ огнемъ, но, несмотря на это, фуражъ былъ доставленъ и потерь съ нашей стороны не было.

Вечеромъ японцы открыли орудійный огонь изъ деревни Сандепу по отряду генерала Косаговскаго, расположенному правѣ насъ, за рѣкой Хунхэ. Командиръ полка, какъ начальникъ авангарда, въ свою очередь, приказалъ 2-мъ орудіямъ артиллерійской батареи обстрѣлять деревню Сандепу. Вскорѣ перестрѣлка эта, не принеся намъ вреда, стихла.

Ночью мелкія партіи непріятельскихъ развѣдчиковъ подходили къ нашимъ передовымъ деревнямъ, но вездѣ были отбиты.

Въ періодъ пребыванія баталіоновъ въ отрядѣ генерала Грекова, происходило постепенное пополненіе полка запасными нижними чинами. Всего за ноябрь и декабрь мѣсяцы въ полкъ прибыло 2,683 нижнихъ чина. Почти всѣ они имѣли валенки, полушубки и папахи, слѣдовательно, были достаточно предохранены отъ наступившихъ уже морозовъ, которые по ночамъ въ декабрѣ доходили до 17 и даже до 20° R.

Не дремали и японцы. Подкрѣплялись и они отъ времени до времени свѣжими войсками, преимущественно резервными, вооруженными винтовками съ мѣдными пулями.

Но баталіонамъ недолго оставалось пробыть въ отрядѣ генерала Грекова.

По приказанію командующаго 2-й маньчжурской арміей, генерала Гриппенберга, полкъ перемѣщался на крайній правый флангъ боевого расположенія нашихъ войскъ, въ отрядъ генерала Косаговскаго.

17-го декабря, въ 10 часовъ утра, 1-й и 2-й баталіоны выступили изъ деревни Сентансы и направились въ деревню Туанту, оставивъ 3-й баталіонъ въ авангардѣ въ деревнѣ Тоутайцзы.

Послѣ 20-ти-верстнаго перехода, 1-й баталіонъ въ 7^{1/2} часовъ вечера расположился въ деревнѣ Пейнтай, а 2-й баталіонъ и штабъ полка—въ деревнѣ Туанту.

Къ 7 часамъ вечера, 18-го декабря, подошелъ и 3-й баталіонъ и занялъ сосѣдную деревню Синьюпао; 4-й же баталіонъ, еще ранѣе переведенный въ отрядъ генерала Косаговскаго, занималъ сторожевое охраненіе у деревни Хаумахулинца.

Всѣ четыре баталіона размѣстились въ просторныхъ фанзахъ, предоставленныхъ въ наше распоряженіе китайцами, которые встрѣтили насъ здѣсь очень дружелюбно и довѣрчиво.

XIV.

Полковья охотничьи команды въ дѣлахъ съ японцами.

По приказанію начальника 54-й пѣхотной дивизіи, пѣшая полковая охотничья команда, подѣ начальствомъ подпоручика Гогина, въ срединѣ октября была временно откомандирована отъ полка и заняла сперва деревню Сантайцзы, а потомъ деревню Шоуялинца, подчинившись начальнику штаба дивизіи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ команду принялъ поручикъ Сперанскій, а подпоручикъ Гогинъ былъ назначенъ начальникомъ сформированной къ тому времени конной охотничьей команды, занявшей деревню Вучжанинъ.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ пѣшая команда состояла при дивизіи и въ боевомъ отношеніи ничего общаго съ полкомъ не имѣла, конная же команда присоединилась къ полку 28-го декабря въ деревнѣ Хаумахулинца.

Находясь на передовыхъ позиціяхъ, команды несли сторожевую и развѣдочную службу, предпринимали рекогносцировки непріятельскихъ деревень и постоянно вели мелкія стычки и перестрѣлку съ передовыми непріятельскими частями, расположенными у деревень Чанлинпу, Уанчжуанцзы, Пхаоцзыянть, Малый Вучжанинъ и друг.

Серьезныхъ столкновѣній было мало.

Такъ, въ ночь съ 19-го на 20-е октября двѣ роты японцевъ атаковали сопку вблизи деревни Вучжанинъ, но были отбиты пѣшей командой.

Сильная ружейная перестрѣлка продолжалась болѣе часу, послѣ чего японцы, разстроенные огнемъ команды, скрылись.

Въ ночь съ 9-го на 10-е ноября пѣшая команда, совмѣстно съ командой Мокшанскаго полка, атаковала и выбила заставы японцевъ изъ деревни Пхаоцзыянть, захватила цѣнные непріятельскіе документы и сожгла деревню, потерявъ раненымъ одного нижняго чина, ефрейтора Дмитрія Голубева.

Въ ночь съ 20-го на 21-е декабря пѣшая команда, совмѣстно съ командой Мокшанскаго полка и саперами, атаковала деревню Малый Вучжанинъ, вытѣснила оттуда японцевъ и взорвала проксилиновыми шашками стѣны съ бойницами, блиндажи и фанзы, изъ-за которыхъ противникъ всегда обстрѣливалъ насъ ружейнымъ огнемъ.

За это дѣло команда удостоилась благодарности начальника дивизіи, объявленной въ приказѣ отъ 21-го декабря 1904 года за № 96:

„Въ ночь на 21-е сего декабря сводно-охотничья команда 214-го Мокшанскаго и 215-го Бузулукскаго

пѣхотныхъ полковъ произвела молодецкій захватъ Малаго Вучжанина, съ цѣлью разрушенія той части деревни, укрываясь за коей непріятель уже давно и назойливо стрѣляетъ по нашимъ позиціямъ, выводя изъ строя человѣка за человѣкомъ. Не кривя душою, скажу: и планъ нападенія отлично задуманъ, и выполненъ съ отвагой. Въ результатъ непріятель бѣжалъ; фанзы, блиндажи и стѣнки съ бойницами взорваны. Вернувшійся обратно японскій отрядъ напоролся въ деревнѣ на два фугаса. Наконецъ, этой развѣдкой мы убѣдились, что Малый Вучжанинъ съ юга не имѣетъ искусственныхъ загражденій.

„Горжусь столь удачнымъ дѣломъ нашихъ охотниковъ. Отъ лица службы благодарю подпоручика 214-го пѣхотнаго Мокшанскаго полка фонъ-Бонина, 4-го Заамурскаго сапернаго баталіона поручика Спидорина и 5-го Восточно-Сибирскаго сапернаго баталіона прапорщика Чиликина за проявленную инициативу и умѣлое руководство трудной задачей. Заурядъ-прапорщиковъ 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка Холодова и 214-го пѣхотнаго Мокшанскаго полка Шалимова сердечно благодарю за умѣлое и отважное исполненіе данныхъ имъ порученій; сердечное спасибо молодчикамъ охотникамъ, мокшанцамъ, бузулукцамъ и саперамъ, а во главѣ ихъ и фельдфебелю Цѣпилову за отвагу; желаю имъ и впредь такъ же лихо работать. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ.

Подлинный подписалъ командующій дивизіей,
генералъ-маіоръ Артамоновъ“

23-го декабря, въ 8 часовъ утра, нѣсколько охотниковъ конной команды отправились на фуражировку

вблизи деревни Вучжанинъ. Японцы, замѣтивъ охотниковъ, обстрѣляли ихъ, но потерь не нанесли.

По прекращеніи огня, рядовой Буяновъ вызвался добыть сложенную копнами чумизу въ 400 шагахъ впереди деревни Вучжанинъ, приблизительно на половинѣ разстоянія между нашими и непріятельскими позиціями. Когда онъ подошелъ къ окопамъ, то невдалекѣ увидѣлъ воткнутую въ землю палку съ бѣлымъ флажкомъ. Онъ сорвалъ его и оказалось, что это былъ большой плотный листъ бумаги, сложенный вчетверо и весь исписанный и разрисованный.

Свою находку Буяновъ представилъ начальнику команды.

На лицевой сторонѣ листа четко и ясно было отлитографировано русскимъ шрифтомъ воззваніе къ нашей арміи съ тремя рисунками внизу: на одномъ были изображены японцы и русскіе за общимъ столомъ, уставленнымъ яствами и пштіями, съ надписью внизу: „Ура!“; на другомъ—православный храмъ, съ надписью: „Съ новымъ годомъ“ и на третьемъ—горящая елка, окруженная парами русскихъ дамъ подъ-руку съ японскими офицерами и наоборотъ; сверху рисунка надпись: „Христосъ воскресъ!“, внизу: „На елкѣ!“.

Привожу текстъ воззванія съ сохраненіемъ его орѳографіи и стиля.

„Любезные друзья-солдаты русскіе.

„Мы уже съ годъ находимся съ вами, къ несчастью, во враждебномъ отношеніи, но такое положеніе дѣлать не зависить отъ насъ самихъ. Мы съ искреннимъ сердцемъ и глубокимъ сочувствіемъ къ вамъ поздравляемъ васъ съ предстоящимъ великимъ праздникомъ „Хри-

стось воскресъ“ и со слѣдующимъ затѣмъ торжествомъ. Поздравляемъ васъ съ новымъ годомъ и желаемъ вамъ новаго счастья. Мы думаемъ, вы всѣ въ эти праздничные дни съ глубочайшимъ смиреніемъ и спокойствіемъ сердца молитесь Бога за благополучіе и долготѣе свое и своего семейства. Мы относимся съ большимъ сочувствіемъ, поэтому-то, если вы, какъ настоящіе христіане человѣколюбивые, избѣгаєте напраснаго кровопролитія, чего Всевышній ненавидитъ, и желаете справлять эти праздники съ большимъ восторгомъ и спокойствіемъ, по-пусту не стрѣляя пзъ орудій и со ружей, то мы, честное слово, не будемъ стрѣлять. даемъ вамъ случай спокойно провести время внѣ всякихъ опасностей на чужбинѣ въ Маньчжуріи.

„Удобнѣйшіе случаи упомянутые праздники предстоятъ передъ вами, совѣтуемъ вамъ воспользоваться оными. Какъ праздники, такъ и сопряженная съ ними обстановка представляютъ вамъ большія удобства къ переходу къ намъ, къ добровольной сдачѣ нашей арміи. Мы всѣ встрѣтимъ васъ съ большимъ радушіемъ. Мы будемъ устранивать ради васъ елку и будемъ же вмѣстѣ обѣдать и слѣдующій новый годъ будемъ встрѣчать съ общимъ довольствомъ и съ пожеланіемъ благополучія на многія лѣта.

„Многіе пзъ вашихъ собратьевъ, любезные друзья, положили ружье, сдались намъ и съ довольствомъ и спокойствіемъ живутъ у насъ вмѣстѣ съ нашими братьями. Въ позднѣйшее время всѣ ваши товарищи по службѣ въ Портъ-Артуръ сдались и передали намъ портъ-артурскую крѣпость; они нынѣ приняты у насъ, какъ дорогіе гости. Мы, въ свою очередь, не желаемъ проливать съ вами бесполезной крови; пользуетесь вы этимъ удобнымъ случаемъ и безъ всякаго опасенія съ

нашей стороны переходите къ намъ. Богъ сохранить васъ невредимыми и благословить васъ.

Любящіе и уважающіе васъ

солдаты Великой Японской Арміи“.

Я остановился на этомъ воззваніи потому, что японцы въ ту пору распространяли его тысячами экземпляровъ по всему фронту армій и, видимо, надѣялись такимъ путемъ посѣять смуту въ рядахъ нашихъ войскъ, склонивъ ихъ въ свою пользу.

На самомъ же дѣлѣ, результаты такой, довольно пошлой съ военной точки зрѣнія, пропаганды получались весьма не завидные: солдаты трунили надъ соблазнами врага и торжественно уничтожали или же припрятывали распространяемые листки „на память“, не вдумываясь особенно въ ихъ содержаніе.

Самостоятельныя дѣйствія охотничьихъ командъ, вѣчныя развѣдки и рекогносцировки противника въ связи съ самымъ широкимъ проявленіемъ личной инициативы офицерами и нижними чинами воспитывали и закаляли послѣднихъ въ боевыхъ качествахъ и, выдвигая индивидуальныя способности cadaго, позволяли лучшему элементу занять видное мѣсто въ строю.

Изъ числа храбрыхъ и опытныхъ развѣдчиковъ выделялись: заурядъ-прапорщикъ Холодовъ, унтеръ-офицеры: Григорій Баулинъ, Григорій Герасимовъ, Петръ Бѣловъ, ефрейторъ Дмитрій Голубевъ, и рядовые: Тимофей Тишкинъ и Алексѣй Баевъ, безъ участія которыхъ не обходилось ни одно сколько-нибудь важное дѣло.

XV.

Въ Ляохейскомъ отрядѣ генерала Косаговскаго.

Ляохейскій отрядъ, сконцентрированный у деревни Сыфантай, состоялъ изъ 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка, двухъ баталіоновъ 241-го пѣхотнаго Орскаго полка, 12 сотенъ и 10 ротъ пограничной стражи, 3-го Амурскаго казачьяго полка, саперной роты 2-го Восточно-Сибирскаго сапернаго баталіона, 5-й батарей 28-й артиллерійской бригады, батареи 4-го Восточно-Сибирскаго коннаго дивизіона, стрѣлковой батарей пограничной стражи и ближайшей цѣлью своей имѣлъ охраненіе праваго фланга маньчжурскихъ арміи.

20-го декабря 2-й баталіонъ и штабъ полка изъ деревни Туанту перешли въ деревню Сыфантай. Отсюда отъ полка поочередно высылалось по одному баталіону въ сосѣднюю деревню Хаумахулинца для занятія линіи сторожевого охраненія отряда.

Стоянку у деревни Сыфантай слѣдуетъ признать во всѣхъ отношеніяхъ наилучшей за время походно-боевой жизни полка въ Маньчжуріи.

Здѣсь было много просторныхъ и удобныхъ фанзъ, въ которыхъ свободно помѣстились всѣ роты полка. Въ деревнѣ была устроена обширная полковая хлѣбопекарня, гдѣ, какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ, выпекался прекрасный хлѣбъ. Каждая рота имѣла свою отлично приспособленную баню. Китайскіе колодцы были вычищены и давали хорошую, чистую воду.

Солдатъ кормили безукоризненно. На обѣдъ и ужинъ выдавалась вкусная и обильная горячая пища и, кромѣ того, чай и сахаръ.

Весь декабрь и начало января погода стояла солнечная, сухая.

Изрѣдка выпадалъ снѣжокъ, но онъ быстро таялъ подъ теплыми лучами солнца. Бывали дни настолько теплые, что приходилось сбрасывать полушубокъ и ходить въ легкомъ пальто.

И только по ночамъ, особенно въ сторожевомъ охраненіи, гдѣ выставлялись посты и заставы, холодъ заставлялъ сильно себя чувствовать.

Наступали, впрочемъ, временами и ненастные, холодные дни, но ихъ было сравнительно очень мало.

Мѣстность, занимаемая Ляохейскимъ отрядомъ, и прилегающія къ ней окрестности представляли изъ себя волнообразную равнину, съ невысокими, мѣстами песчаными сопками, буграми и оврагами. Китайскія деревни съ небольшими берестовыми рощицами, единственной здѣсь лѣсной растительностью, встрѣчались весьма часто, почти черезъ каждыя три-четыре версты. Свободныя между деревнями пространства были вспаханы подъ гаоляновыя, чумизныя и т. п. поля, и на голой поверхности ихъ въ ту пору можно было всегда видѣть однѣ лишь тщательно сложенные скирды гаоляна да чумизы.

Деревня Хаумахулинца, у которой выставлялся въ сторожевое охраненіе очередной баталіонъ, лежала въ двухъ верстахъ впереди деревни Сыфантай. Противникъ занималъ рядъ деревень противъ Хаумахулинца, шагахъ въ 200-хъ отъ нея, такъ что три баталіона, свободныхъ отъ сторожевой службы, могли

спокойно отдыхать, не опасаясь внезапнаго нападенія японцевъ.

Рождественскіе праздники прошли мирно, при болѣе или менѣе торжественной, насколько позволяла боевая жизнь, обстановкѣ.

Японцы насъ не тревожили.

24-го декабря въ походной церкви-палаткѣ полковымъ священникомъ о. Іоанномъ Сергіевскимъ была отслужена божественная литургія, на которой присутствовалъ весь полкъ.

На разсвѣтъ 29-го декабря подпоручикъ Ишковъ съ 14 нижними чинами произвелъ изъ деревни Хаумахулинца первую въ этомъ отрядѣ развѣдку противника. Развѣдчики пробрались къ непріятельской деревнѣ Хуанлотоцзы, вошли въ нее и осмотрѣли возведенные тамъ окопы. Деревня казалась необитаемой. Охотники заключили, что она брошена японцами и, высмотрѣвъ все, что нужно, вышли изъ деревни и направились обратно по канавѣ, шедшей вдоль стѣны.

Когда охотники достигли канавой угла деревни, изъ-за стѣны, надъ ихъ головами, раздались вдругъ ружейные выстрѣлы. Японцы допустили въ деревню нашихъ развѣдчиковъ съ предумышленной цѣлью отрѣзать имъ путь отступленія.

Подпоручикъ Ишковъ и фельдфебель 1-й роты Иванъ Лукашъ были ранены. Команда, захвативъ съ собой пострадавшихъ, успѣла скрыться невредимой и скоро вернулась въ полкъ.

Слѣдующую развѣдку предприняли три мелкихъ партій нижнихъ чиновъ въ ночь съ 30-го на 31-е декабря. Охотники подкрались къ непріятельскимъ окопамъ, опредѣлили ихъ величину и характеръ, не вызвавъ на себя огня противника.

Вечеромъ 30-го декабря, согласно распоряженію по Ляхейскому отряду, 4-й баталіонъ и двѣ роты 2-го баталіона были переведены изъ деревни Сыфантай въ деревню Хаумахулинца; штабъ полка и око-лодокъ остались въ деревнѣ Сыфантай.

Заканчивая обзоръ военно-походной жизни полка за 1904 годъ, приведу краткія статистическія данныя о заболѣваемости, смертности и потеряхъ въ бояхъ наличнаго состава офицерскихъ и нижнихъ чиновъ полка со дня мобилизаціи по 1-е января 1905 года.

Общая заболѣваемость выразилась слѣдующими цифрами: офицеровъ заболѣло 13 человекъ, изъ нихъ отправлено въ лечебныя заведенія 9 человекъ (сюда включены два случая брюшного тифа, оба съ благополучнымъ исходомъ); нижнихъ чиновъ заболѣло 2,866, изъ нихъ отправлено въ лечебныя заведенія 400 человекъ; среди нижнихъ чиновъ былъ 21 случай брюшно-тифозныхъ заболѣваній, съ однимъ смертельнымъ исходомъ, 7 случаевъ дизентеріи, изъ нихъ всѣ были отправлены въ госпиталь, 1,022 случая поносовъ, изъ нихъ отправлено въ лечебныя заведенія 65 человекъ, 381 случай перемежной лихорадки, изъ нихъ отправлено въ лечебныя заведенія 47 человекъ, 50 случаевъ сифилитическихъ и 56 венерическихъ закоренѣлыхъ болѣзней, причемъ всѣ больные отправлены въ лечебныя заведенія, и 28 случаевъ острыхъ заболѣваній органовъ дыханія.

Среднее суточное состояніе больныхъ офицеровъ при части 0,21; нижнихъ чиновъ 42,81.

Общія потери полка за время боевъ и мелкихъ стычекъ съ противникомъ выразились слѣдующими цифрами:

- 1) убито офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 55;
- 2) ранено офицеровъ 20, нижнихъ чиновъ 590;
- 3) безъ вѣсти пропало офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 237.

Вернулось изъ лечебныхъ заведеній раненыхъ офицеровъ 3 человекъ, нижнихъ чиновъ раненыхъ 282 человекъ, больныхъ 164 человекъ.

Раненія были большею частью пулевья, локализация всевозможная.

Перевозка раненыхъ совершалась на лазаретныхъ двуколкахъ. Приспособленія Яковлева, за неимѣніемъ чего-либо лучшаго, можно считать, по мнѣнію врачей, удовлетворительными.

Относительно помощи въ бою летучихъ отрядовъ Краснаго Креста, заключавшейся въ накладываніи повязокъ, замѣчу, что она была не вполне достаточна, въ виду отсутствія у этихъ отрядовъ въ большинствѣ случаевъ перевозочныхъ средствъ, безъ которыхъ транспортированіе больныхъ крайне затруднялось, чѣмъ объясняется преждевременная смерть раненыхъ и именно такихъ, которые при лучшей постановкѣ санитарнаго дѣла въ дѣйствующей арміи безусловно выздоровѣли бы.

Къ 1-му января 1905 года больныхъ въ лечебныхъ заведеніяхъ состояло: офицеровъ 8 человекъ, нижнихъ чиновъ 226 человекъ; раненыхъ: офицеровъ 13 человекъ, нижнихъ чиновъ 305 человекъ.

Санитарный персоналъ полка былъ полный. Каждый баталіонъ имѣлъ одного врача, четырехъ ротныхъ фельдшеровъ и одного медицинскаго фельдшера.

Къ 1-му января 5 человекъ фельдшеровъ числилось больными въ лечебныхъ заведеніяхъ, изъ нихъ трое было ранено: одинъ, Григорій Чихеревъ, въ

бою 20-го августа, другой, Максимъ Алексѣевъ, въ бою 3-го октября, третій—по собственной оплошности, при разряженіи пироксилиноваго патрона, 15-го ноября. Въ декабрѣ было прикомандировано къ полку 2 фельдшера отъ другихъ частей и 1 прибылъ вмѣстѣ съ партіей запасныхъ, назначенныхъ на укомплектованіе полка.

Должность старшаго врача въ полку занималъ коллежскій ассесоръ Вячеславъ Петровичъ Кочкинъ.

1-го января, въ 10 часовъ утра, въ церкви-палаткѣ, разбитой въ деревнѣ Хаумахулинца, была отслужена полковымъ священникомъ новогодняя обѣдня.

Офицеры и солдаты, построившись на площади у китайской кумирни, съ обнаженными головами слушали богослуженіе, сопровождаемое стройнымъ пѣніемъ хора солдатъ.

Ясное голубое небо, тихое и теплое, почти весеннее утро, мирная въ эту минуту деревенская обстановка—располагали къ молитвѣ, ласкали изстрадавшуюся душу, отгоняя ужасы войны.

Толпа мужчинъ-китайцевъ, жителей деревни, съ любопытствомъ собралась у своей кумирни, возлѣ которой, какъ ни странно, благоговѣйно раздавались божественныя слова Христа, и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась и къ голосу священника, и къ плавному пѣнію хора.

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, на опушкѣ деревни, мирная картина какъ-то обрывалась суровой боевой дѣйствительностью: тамъ наши заставы и посты несли свою тяжелую службу, бдительно наблюдая за противникомъ.

Но японцы въ этотъ день такъ же мирно и спокойно сидѣли въ своихъ деревняхъ, точно не желая нарушать праздничнаго покоя своего врага.

По окончаніи богослуженія, солдаты разошлись по фанзамъ, а офицеры собрались въ одной общей фанзѣ, чтобы чѣмъ Богъ послалъ встрѣтить новый годъ.

Туда вскорѣ явилась китайская депутація изъ пяти человѣкъ, принесшая съ собой новогодніе подарки русскимъ.

Мы были въ недоумѣніи.

Мы не ждали такого вниманія со стороны китайцевъ.

— Бери, бери, капитанъ... большой капитанъ... шанго (хорошій) капитанъ. Моя капитана шибко (очень) любить... моя русскій любить, — коверкалъ русскія фразы одинъ изъ членовъ депутаціи, раскладывая на столѣ фисташки, коробки сардинъ, яйца, груши.

Офицеры, поблагодаривъ китайцевъ, отказались отъ принятія подарковъ. Это смутило и даже обидѣло депутацію. Китайцы замаялись, но потомъ вдругъ всё сразу опустились на колѣни и стали настойчиво упрашивать насъ взять принесенное.

— Русскіе принимаютъ подарки только за деньги, — объяснилъ китайцамъ одинъ изъ офицеровъ, предлагая депутаціи пятирублевую бумажку.

— О-о!.. моя деньги не нада... моя не хочетъ деньги, — загорланила депутація, дѣлая всевозможныя жесты и кривляясь.

— Ну, тогда моя подарковъ не хочетъ, — передразнилъ офицеръ.

— Корошо, — согласился, наконецъ, китайцы: — твоя бери кушъ-кушъ (ѣда, пища), моя пятьсотъ копѣекъ дай... пять рубли много. О-о, много!..

— Не хочешь, забирай подарки и уходи.

— Нѣтъ, нѣтъ. Кушъ-кушъ твоя. Китайца бери деньги — пять рублей... Тауси (благодарю), капитанъ. Много, много шанго капитанъ!..

Съ чувствомъ глубокой признательности китайцы еще разъ опустились на колѣни и затѣмъ удалились.

Подкупающее съ наружнаго вида добродушіе желтолицыхъ сплошь и рядомъ скрывало самое гнусное коварство къ русскимъ. Неоднократно преданные намъ, какъ казалось, китайцы незамѣтно исчезали изъ деревень, дезертировали къ японцамъ и шпионили.

Подобные случаи были и въ отрядѣ генерала Косаговскаго, но о нихъ скажу ниже.

Первые три дня января не внесли никакихъ перемѣнъ въ спокойную жизнь полка.

Въ ночь съ 3-го на 4-е двѣ партіи нашихъ охотниковъ, одна въ 16 человѣкъ, подъ начальствомъ подполковника Козлова, другая въ 110 человѣкъ, подъ начальствомъ подпоручика Сазонова, произвели развѣдки непріятельскихъ деревень Ченнантайцзы и Хуанлотоцзы. Партія подполковника Козлова проникла въ деревню Ченнантайцзы, подожгла 13 скирдъ гаоляна, забрала сажень дровъ, лошадь и осла и благополучно возвратилась назадъ. Видимо, противникъ вышелъ на время изъ этой деревни, ибо охотники осмотрѣли всѣ фанзы совершенно безпрепятственно, не встрѣтивъ ни одного японца.

Партія подпоручика Сазонова развѣдала деревню Хуанлотоцзы, гдѣ оказались японскія заставы, не причинившія, однако, вреда нашимъ развѣдчикамъ.

5-го января, въ 9 часовъ утра, я былъ назначенъ съ полуротой въ охрану двухъ поршневыхъ орудій, поставленныхъ лѣвѣе деревни Хаумахулинца, за песчанымъ бугромъ. Когда я прибылъ къ орудіямъ, артиллерійскіе офицеры и солдаты разсматривали съ бугра въ подзорную трубу японскія позиціи. Туда же пріѣхалъ командиръ полка, подполковникъ князь Ами-

лахори. Взошелъ и я на бугоръ. Мы о чемъ-то говорили, вытянувшись во весь ростъ и представляя изъ себя великолѣпную мишень для противника. Но японцы обыкновенно не стрѣляли по деревнѣ и приучили насъ смѣло и открыто появляться на видныхъ мѣстахъ. Да и ружейной пулей, за дальностью разстоянія, трудно было попасть въ одиночныхъ людей, а артиллеріи у противника въ передовыхъ деревняхъ не было. Вдругъ невдалекѣ что-то грохнуло и зажуужжало съ такимъ шумомъ, что мы инстинктивно бросились внизъ съ бугра и моментально скрылись за его гребнемъ. Страшный взрывъ раздался позади нашихъ орудій, и черное, какъ грозовая туча, облако пыли и дыму поднялось со взрытой шимозой земли.

Я мигомъ очутился у своей полуроты и разсыпалъ ее за невысокимъ землянымъ валикомъ. Вслѣдъ за первой шимозой полетѣла вторая и разорвалась тутъ же. Японцы болѣе или менѣе правильно опредѣлили мѣстонахождение нашей артиллеріи и посылали сюда гранату за гранатой. Въ теченіе двухъ часовъ они обстрѣляли громадную площадь изъ двухъ орудій, нащупывая нашу артиллерію, но, благодаря отчасти искусному руководству князя Амхлахори, передвигавшему по мѣрѣ надобности нижнихъ чиновъ въ безопасныя мѣста, отчасти благодаря простой случайности, ни орудія, ни люди не пострадали. Только артиллерійскія лошади были слегка оцарапаны осколками одной шимозы. Выпустивъ до 80 снарядовъ, японцы перенесли огонь на самую деревню, гдѣ каждая фанза была набита людьми. Однако, и тамъ имъ не повезло: снаряды падали именно туда, гдѣ людей не было. Чтобы не открывать себя, наша артиллерія умышленно молчала, но, когда японцы обстрѣляли деревню, ору-

дія дали нѣсколько мѣткихъ залповъ, принудившихъ непріятельскую артиллерію сняться и прекратить стрѣльбу, которая больше не возобновлялась.

Подъ шумокъ, такъ сказать, въ разгаръ артиллерійской стрѣльбы противника, изъ среды нашихъ друзей-китайцевъ мужчина и двѣ женщины сдѣлали попытку перебѣжать къ японцамъ. Китайянки достигли бы своей цѣли, если бы пущенныя вдогонку нашей заставой пули не свалили ихъ какъ разъ на полпути между деревней Хаумахулинца и непріятельскими позиціями.

Китайца-перебѣжчика нагналъ нашъ дозоръ и захватилъ его живымъ.

Безъ сомнѣнія, были еще тайныя ночныя перебѣжки, усмотрѣть и предупредить которыя не было возможности.

Въ шпионствѣ китайцевъ виноваты, конечно, ни кто иной, какъ мы сами. Мы мирились съ тѣмъ, что они живутъ вмѣстѣ съ нами на передовыхъ позиціяхъ, все видятъ и все знаютъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгали къ выселенію ихъ.

Японцы же поступали иначе.

Во-первыхъ, какъ говорятъ, жительство китайцевъ въ передовыхъ деревняхъ вовсе не допускалось; что же касается остальныхъ деревень, то если въ нихъ и оставлялись полезные и надежные китайцы, за ними учреждался строжайшій надзоръ и за проступокъ каждаго китайца, помимо личной отвѣтственности, отвѣчалъ головой староста деревни.

Вообще, японцы не церемонились съ китайцами; мы же долгое время простодушно считали ихъ дружественной націей, очень поздно взвѣсивъ и оцѣнивъ приносимое ими зло.

6-го января, съ утра, два нашихъ орудія обстрѣляли партіи японскихъ рабочихъ, вышедшихъ на постройку окоповъ у деревни Хуанлотоцзы. Орудія выпустили до 20 снарядовъ,—и противникъ прекратилъ работы.

Пользуясь хорошей погодой, укрѣплялись и мы. Отъ полка ежедневно наряджалось нѣсколько ротъ для устройства окоповъ, редутовъ, засѣкъ и волчьихъ ямъ съ юга, юго-востока и юго-запада деревни Сыфантай. Работа, руководимая саперами, шла очень успѣшно; песчаная почва, слабо промерзшая, легко поддавалась нажиму лопаты. На засѣки рубились деревья китайскихъ рощъ. Складки мѣстности укрывали наши работы отъ взоровъ противника, который ни разу не обстрѣлялъ укрѣпляемые позиціи.

Въ ночь съ 8-го на 9-е января къ постамъ, выставленнымъ у деревни Хаумахулинцза, подкрались непріятельскіе развѣдчики. Несмотря на темноту и густой туманъ, противникъ былъ замѣченъ съ поста № 4, состоявшаго изъ младшаго унтеръ-офицера Савелія Зеленаго и рядовыхъ Аластіона Слободенюка, Герасима Трутака, Тимофея Фролина и Бугара. Постъ, ни на шагъ не отступивъ, открылъ по приближавшемуся цѣпью противнику частый ружейный огонь, поддержанный другими постами. Японцы отошли немного назадъ и отвѣтили на нашъ огонь. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся около часу, послѣ чего противникъ, не нанеся намъ потерь, удалился.

11-го января полку было приказано перейти на 16 верстъ юго-западнѣе деревни Хаумахулинцза. Утромъ баталіоны двинулись черезъ деревни Піянпуцзы, Цыюто въ деревню Матюенцза, при чемъ 1-й баталіонъ направился еще южнѣе, въ деревню Сяодомынь.

Погода рѣзко измѣнилась.

Небо заволоклось свинцовыми тучами.

Поднялся холодный, свирѣпый вѣтеръ, сбивавшій людей съ ногъ и заносившій все пылью.

Морозъ усилился.

Около 3-хъ часовъ пополудни, 12-го января, тремъ баталіонамъ полка, переночевавшимъ въ деревнѣ Матюенца, было приказано продвинуться вмѣстѣ съ 2-й конной батареей и баталіономъ 241-го пѣхотнаго Орскаго полка въ деревню Сяодомынь.

Этимъ маневромъ полкъ приблизился къ занятой значительными силами противника и превосходно укрѣпленной деревнѣ Мамыкай, которая лежала на три версты южнѣе деревни Сяодомынь.

По прибытіи въ эту деревню, 2-я конная батарея, подъ командой капитана Сварика, при содѣйствіи подошедшей сюда донской казачьей батареи, открыла по деревнѣ Мамыкай рѣдкій огонь.

Японцы не отвѣчали.

Двумя—тремя часами ранѣе ту же деревню, но съ другой стороны—сѣверо-западной, начала обстрѣливать артиллерія коннаго отряда генераль-адъютанта Мищенко, дѣйствовавшаго правѣе насъ верстъ на шесть.

Съ наступленіемъ сумерекъ батареи замолкли.

Около 5-ти часовъ вечера въ деревню Сяодомынь пріѣхалъ генераль Косаговскій и словесно приказалъ командиру полка немедленно атаковать и взять деревню Мамыкай, съ цѣлью обезпеченія атаки генераль-адъютанта Мищенко съ фланга, на деревню Локонто.

— Молодцы!—воодушевленно сказалъ князь Амилахори, обращаясь къ полку:—сейчасъ намъ придется дѣйствовать. Надѣюсь, что вы оправдаете довѣріе и

желаніе Царя и отечества, которые съ нетерпѣніемъ ждуть отъ своихъ дорогихъ дѣтей радостной вѣсти о побѣдѣ. Порадуемте нашего Царя-батюшку и нашихъ отцовъ и матерей побѣдой, которая, помните, дается при одномъ упованіи побѣдить или умереть. Я вѣрю въ васъ!..

Эти простыя, сердечныя слова обожаемаго начальника покрылись единодушнымъ взрывомъ энтузіазма: — Постараемся, ваше сіятельство!..

4-й баталіонъ, подъ командой подполковника Цесарскаго, и 5-я рота, подъ командой штабсъ-капитана Янышева, были оставлены въ деревнѣ Сяодомынѣ, въ прикрытіе къ артиллеріи, а 1-й, 2-й и 3-й баталіоны, съ баталіономъ Орскаго полка въ резервѣ, повели наступленіе.

XVI.

Атака деревни Мамыкай 12-го января.

Черная, безспросвѣтная мгла.

Воетъ и свищетъ вѣтеръ на просторѣ пустынныхъ полей, и подъ его леденящими порывами притаилась, замерла всякая жизнь.

Морозный воздухъ насыщенъ пылью.

Глазъ не открыть, дышать нечѣмъ.

Двѣ враждебныя другъ другу деревни—Сяодомынѣ и Мамыкай, раздѣленныя трехверстнымъ разстояніемъ, слились съ окружающимъ мракомъ, затянулись туманомъ, и, какъ ни напрягай зрѣнія, съ двухъ шаговъ не увидишь ни той, ни другой.

Въ Мамыкаѣ расположено нѣсколько баталіоновъ японской пѣхоты.

Люди забились въ теплыя фанзы и коротають тамъ время, а выставленные на окраинахъ деревни посты и заставы ежятся отъ холода.

Жестока, опасна и отвѣтственна ихъ служба въ ненастную пору.

Того и гляди, что налетитъ невзначай вмѣстѣ съ бурнымъ вихремъ вражескій разѣздъ, либо подползетъ сумасбродная партія развѣдчиковъ и сотретъ одинокій постъ, не позволивъ ему даже пикнуть.

Посты на-сторожѣ, но невыносимый холодъ и вѣтеръ притупляютъ бдительность, парализуютъ зрѣніе и слухъ.

Люди кутаются въ шинели и жмутся къ стѣнамъ деревни, къ скирдамъ гаюляна, забираются въ канавы, лишь бы сколько-нибудь защититъ себя отъ непогоды.

Изъ деревни Сяодомынь баталіонъ за баталіономъ выступаетъ Бузулукскій полкъ. Звукъ шаговъ на мерзлой землѣ заглушается шумомъ и воемъ вѣтра.

Справа двигается 2-й баталіонъ, подъ командой подполковника Святицкаго, слѣва—1-й баталіонъ, подъ командой подполковника Козлова. 3-й баталіонъ, подъ командой капитана Малахова, слѣдуетъ непосредственно за 2-мъ баталіономъ, составляя съ баталіономъ Орскаго полка, подъ командой подполковника Лукинскаго, и командой саперовъ, подъ начальствомъ подпоручика Малаховскаго, идущими за 1-мъ баталіономъ, общій резервъ. Конная охотничья команда полка, подъ начальствомъ подпоручика Гогина, охраняетъ правый флангъ отряда, поддерживая связь съ отрядомъ генераль-адъютанта Мищенки; лѣвый флангъ охраняетъ пѣшая охотничья команда, подъ начальствомъ заурядъ-прапорщика Самсона Щетинина, двигаясь впереди полка.

Солдаты идутъ бодро; у всѣхъ приподнятое настроеніе, у всѣхъ осмысленная надежда на успѣхъ, внушенная княземъ Амилахори, который лично ведетъ свой полкъ въ атаку.

Непроницаемая тьма замедляетъ движеніе. Баталіоны часто останавливаются, чтобы опредѣлить правильность направленія, повѣрить связь.

На половинѣ пути полкъ переходитъ по льду небольшую рѣчку съ обрывистыми берегами, притокъ рѣки Хунхэ.

Японцы близко.

Дозоры уже крадутся къ валу Мамыкая.

— Цѣпь, стой! тихо командуетъ князь Амилахори.

— Выслать охотниковъ впередъ!

— Цѣпь, стой! шопотомъ передается приказаніе командира.

Люди останавливаются и пригибаются къ мерзлой землѣ.

Пѣшая охотничья команда отдѣляется отъ полка и исчезаетъ во мракѣ.

Длинный, выжидательный моментъ.

До вала непріятельской деревни не болѣе 300 шаговъ.

Команда неслышно подходитъ къ деревнѣ, ложится шагахъ въ тридцати, не доходя вала, и высылаетъ впередъ трехъ смѣльчаковъ для развѣдки окоповъ.

Ефрейторъ Артемій Недовѣсовъ и рядовые Федоръ Павлиновъ и Гавріилъ Потаповъ подползаютъ къ валу, осматриваютъ окопы и затѣмъ докладываютъ Щетинину, что японцевъ не видно.

Правѣе, въ углу окоповъ, свѣтится въ окнѣ фанзы огонекъ.

Щетининъ беретъ взводъ и направляется съ нимъ къ противоположному углу, прочіе взводы остаются на мѣстѣ.

Зайдя во флангъ и расположившись въ непріятельскомъ окопѣ, начальникъ команды высылаетъ въ тылъ той фанзы, гдѣ свѣтится огонекъ, и которая одиноко стоитъ на окраинѣ деревни, охотниковъ: старшаго унтеръ-офицера Демьяна Бѣлаго и рядовыхъ Александра Веселова, Петра Тищенко, Леонтія Швеца, Егора Коломейцева и Афанасія Коваленко для того, чтобы тѣ осмотрѣли эту фанзу.

Охотники прокрадываются къ огню.

Въ фанзѣ окно выбито; внутри ея пылаетъ костеръ, а вокругъ него преспокойно грѣются японцы. Ихъ двѣнадцать человѣкъ. Это люди ближайшаго къ намъ поста противника.

Одинъ изъ охотниковъ прицѣливается прямо въ окно.

Грянулъ выстрѣлъ.

Въ безумной паникѣ, бросивъ ружья, выбѣжали японцы изъ фанзы и наравлись на нашихъ охотниковъ, которые безпощадно перебили весь застигнутый врасплохъ постъ.

Объ этомъ немедленно доносится командиру полка. Послѣдній отдаетъ приказаніе поджечь одну изъ фанзъ и тѣмъ освѣтить мѣстность.

Щетининъ высылаетъ вторую партію охотниковъ изъ старшаго унтеръ-офицера Василя Чеботкова, ефрейтора Анисима Сильдюгаева и рядовыхъ Федора Павлинова и Герасима Астафьева, направляющихся къ двумъ фанзамъ, стоящимъ отдѣльно и находящимся позади уничтоженнаго поста.

Охотники въ точности исполняютъ возложенное на нихъ порученіе.

Фанзы осмотрѣны, въ нихъ никого нѣтъ.

За этими фанзами начинается уже самая деревня, обнесенная высокой глинобитной стѣной.

Смѣльчаки подходятъ къ открытымъ воротамъ.

Ефрейторъ Анисимъ Сильдюгаевъ перебѣгаетъ улицу и бросается во дворъ первой попавшейся фанзы. Съ разбѣга онъ налетаетъ на только что вышедшаго изъ фанзы японца. Однимъ ударомъ штыка японецъ убитъ.

Тѣмъ временемъ старшій унтеръ-офицеръ Василій Чеботковъ и рядовой Федоръ Павлиновъ закладываютъ подъ стропила фанзы пучки соломы, зажигаютъ ихъ, и галяновая крыша моментально вспыхиваетъ.

Вотъ когда почувалъ противникъ грозящую ему опасность.

Японцы съ криками повыскакивали изъ сосѣднихъ фанзъ: одни кинулись тушить пожаръ, другіе открыли сильный ружейный огонь по нашимъ молодцамъ, но тѣ успѣли отойти безъ потерь ко взводу Щетинина, притаившемуся въ окопѣ.

Въ отвѣтъ на стрѣльбу противника взводы охотничьей команды съ двухъ сторонъ даютъ дружные залпы.

Съ воплемъ и проклятіями падаютъ первыя жертвы. По пятамъ ихъ перебѣгаютъ цѣпи новыхъ бойцовъ и торопливо занимаютъ окопы, стѣны деревни, фанзы, валы.

Стрѣльба усиливается, а пожаръ все болѣе и болѣе разростается и широкими взмахами пламени ярко освѣщаетъ сѣверо-восточную окраину деревни.

Японцы, не предугадывая, вѣроятно, наступленія цѣлаго полка, обходятъ охотничью команду съ фланга и осыпаютъ ее пулями съ того угла, гдѣ передъ тѣмъ былъ перебитъ ихъ постъ.

Полкъ, надъ которымъ свищутъ уже пули, приближается къ валу и попадаетъ въ полосу, освѣщенную огнемъ пожара.

Непріятельскія цѣпи встрѣчаютъ наступающіе баталіоны учащеннымъ огнемъ.

Отлично уяснивъ себѣ обстановку, требовавшую возможно быстрой и рѣшительной атаки, и во избѣжаніе излишнихъ потерь въ людяхъ отъ направленнаго въ освѣщенную полосу ружейнаго огня противника, командиръ полка крикнулъ: „Впередъ! Ура!“

— Уррра!—изо всей силы подхватили солдаты, и баталіоны хлынули къ валу: 1-й баталіонъ слѣва, во главѣ съ подполковникомъ Козловымъ, 2-й—справа во главѣ съ подполковникомъ Святицкимъ; 3-й баталіонъ, руководимый капитаномъ Малаховымъ, принялъ правѣе 2-го баталіона и наткнулся на заложенные въ этомъ мѣстѣ засѣки и проволочныя загражденія. Мгновенное замѣшательство—и люди сверхчеловѣческими усилиями преодолеваютъ искусственныя препятствія, вливаются въ боевую часть, и полкъ дружнымъ натискомъ выбрасываетъ противника изъ-за перваго вала.

Въ страшномъ безпорядкѣ бѣгутъ японцы къ деревнѣ и укрываются за вторымъ валомъ и глинобитной стѣной.

Снова учащенный огонь обдастъ баталіоны свинцовымъ дождемъ.

Овладевъ валомъ, солдаты безъ командъ, безъ приказаній открываютъ по японцамъ пачки.

Наши роты рѣдѣютъ. Среди офицеровъ тяжело ранены: командующій 3-мъ баталіономъ, капитанъ Малаховъ, въ руку, командиръ 4-й роты, штабсъ-капитанъ Лозовой, въ ногу и легко—штабсъ-капитанъ Ананьинъ, командиръ 3-й роты. У командира 9-й роты, штабсъ-капитана Лоди, пробиты пулями обѣ ноги, но этотъ доблестный офицеръ не покидаетъ строя; подполковникъ Святицкій контуженъ въ голову, но тоже остается въ строю.

Стоны и крики раненыхъ, рѣзкія команды офицеровъ, ружейная трескотня и остервенѣлый вой бури дикимъ гуломъ разносятся въ морозномъ воздухѣ.

Нельзя понять, гдѣ сосредоточены главные силы противника, съ фронта ли, или съ фланговъ.

Съ трудомъ командиръ полка пріостанавливаетъ стрѣльбу и, обстоятельно ориентировавшись, приказываетъ пѣшей охотничьей командѣ, подъ начальствомъ заурядъ-прапорщика Щетинина, 1-й ротѣ, подъ начальствомъ поручика Багриновскаго, и 7-й ротѣ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Тренина, охватить правый уголъ деревни и атаковать второй валъ.

Команда и роты дружно бросаются впередъ, выбиваютъ противника изъ-за второго вала и гонятъ его, послѣ чего японцы частью скрываются, частью же занимаютъ юго-западную окраину деревни и производятъ одиночные выстрѣлы изъ-за стѣнъ дворовъ и изъ фанзъ, поражая насъ продольнымъ огнемъ.

Тогда командиръ полка оставляетъ въ резервѣ у перваго вала 4-ю роту и двѣ роты Орскаго полка, а 9-ю роту, подъ командой штабсъ-капитана Лоди, и полуроту 10-й роты, подъ командой поручика Колосовскаго, направляетъ съ праваго фланга въ глубь деревни, чтобы выбить противника изъ фанзъ. Подъ

энергичнымъ натискомъ ротъ японцы покидаютъ позиціи и бѣгутъ.

Послѣ этого, въ деревню постепенно вводятся и остальные роты, имѣя каждая свой боевой участокъ.

Къ 1-му часу ночи полкъ занялъ деревню, но одиночные выстрѣлы японцевъ, не успѣвшихъ убѣжать и запрятавшихся въ фанзахъ, рвахъ, канавахъ, погребамъ, всю ночь тревожили утомленныхъ переходами и боемъ и окоченѣвшихъ отъ стужи людей.

Отъ ротъ были назначены особыя команды и патрули, которыя до разсвѣта тщательно осматривали и обыскивали фанзы, забирая въ плѣнъ или убивая упрямыхъ японцевъ, яростно сопротивлявшихся.

Передъ разсвѣтомъ къ полку присоединился 4-й баталіонъ, пришедшій изъ деревни Сяодомынь.

Вокругъ деревни было выставлено сторожевое охраненіе, продвинувшееся съ южной стороны за рѣку Хунхэ, протекавшую у самой деревни, и, кромѣ того, для освѣщенія впереди лежащей мѣстности, была выслана партія пѣшихъ охотниковъ и два казачьихъ разъѣзда.

Въ 1 часъ 45 минутъ ночи подполковникъ Святицкій доносилъ командиру полка:

„Провѣрилъ расположеніе ротъ въ передовой линіи. Отъ юго-восточнаго угла деревни разсыпана вдоль вала 10-я рота Бузулукскаго полка, здѣсь же находится въ резервѣ 2-я рота полка; далѣе, на южной окраинѣ, разсыпаны 4-я рота Орскаго полка и 6-я, 7-я, 8-я, 11-я, 12-я и 9-я роты Бузулукскаго полка, въ резервѣ два взвода 8-й роты. Сзади насъ никого нѣтъ, только у сѣвернаго вала деревни Мамыкай стоятъ двѣ или три роты Орскаго полка, но онѣ очень удалены отъ боевой линіи. Въ деревнѣ кое-гдѣ спрятались оди-

ночные японцы, сейчасъ двухъ поймали, когда они пробѣгали изъ фанзы къ рѣкѣ Хуньхэ, при этомъ они сдѣлали два выстрѣла.

„Вдоль южной окраины деревни идетъ р. Хуньхэ. Впередъ высланы секреты отъ каждой роты, а также послана засада отъ охотничьей команды нашего полка. Я нахожусь у южной окраины деревни, въ центрѣ расположенія ротъ“.

Къ утру слѣдующаго дня полкъ окончательно выбилъ противника и завладѣлъ громадною деревней, плѣнными и многочисленнымъ имуществомъ, брошеннымъ японцами.

Трофеи, взятые полкомъ, заключались въ слѣдующемъ:

		Количество.
1) Плѣнныхъ	офицеровъ	1
	нижнихъ чиновъ	22
2) Лошадей		35
3) Муловъ		57
4) Ружей		50
5) Пашка		1
6) Патроновъ	запечатанныхъ	7 ящиковъ
	разрозненныхъ	2790 шт.
7) Полушубковъ		26
8) Шинелей		207
9) Башлыковъ		22
10) Ботинокъ		38 паръ
11) Шароваръ		3 пары
12) Фуражекъ		10
13) Погонъ		21 пара
14) Бѣлья		108 паръ
15) Чулокъ		11 паръ

	Количество.
16) Рукавицъ	30 паръ
17) Одѣялъ	131
18) Палаточныхъ полотницъ	34
19) Ранцевъ	127
20) Котелковъ	14
21) Флягъ	8
22) Чайниковъ	4
23) Рожковъ сигнальныхъ	3
24) Топоровъ	6
25) Пилъ	5
26) Кирокъ	15
27) Лопатъ	34
28) Фильтровъ	2
29) Проволоки	9 связокъ
30) Съдель въючныхъ	3
31) Арбъ	12
32) Носилки	1
33) Зерна { ячменнаго	80 пудовъ
{ рисоваго и пшеничнаго	62 мѣшка
34) Свиныхъ тушъ	10
35) Угля	17 кулей
36) Керосину	4 банки
37) Мѣшковъ пустыхъ	1 тюкъ

Кромѣ того, были захвачены медали и орденскіе знаки, планы Владивостока и Портъ-Артура, много различныхъ цѣнныхъ документовъ, бумагъ, писемъ, дневниковъ, картъ и схемъ Маньчжуріи, уставовъ, медицинскихъ и перевязочныхъ средствъ. Въ приведенную опись не входитъ значительное количество всевозможной японской одежды, разобранной низшими чинами, преимущественно казаками, пришедшими утромъ 13-го января.

Путь отступленія противника былъ обильно устланъ тѣми или иными предметами вооруженія, аммуниціи, снаряженія, продовольственными припасами и проч. Повсюду валялись ружья, ранцы, мѣшки, шинели, башлыки, кучи рису, пшеницы, ячменя, коробки съ консервами. На льду рѣки Хунхэ осталась невывезенной арба, нагруженная зерномъ, прекрасно свидѣтельствовавшая о поспѣшномъ, безпорядочномъ бѣгствѣ японцевъ.

Полку пришлось похоронить 26 японскихъ труповъ, брошенныхъ въ деревнѣ.

По найденнымъ въ фанзахъ деревни патронамъ неодинаковаго калибра, а также по погонамъ и петлицамъ, большая половина которыхъ была пронумерована цифрою 35, меньшая же цифрою 5, можно заключить, что деревню Мамыкай обороняли разныя непріятельскія части и, вѣроятно, 5-го и 35-го резервныхъ полковъ.

Колоссальный успѣхъ атаки обязанъ, прежде всего, распорядительности, боевому опыту и отвагѣ командира полка, подполковника князя Амилахори, и выдающейся доблести славныхъ его помощниковъ: подполковниковъ Козлова и Святцкаго, капитана Малахова, поручика Багриновскаго, штабсъ-капитановъ Асплова и Лоди, изъ которыхъ послѣдній, будучи раненъ пулями въ обѣ ноги, оставался все время при ротѣ и только 13-го числа, по настоянію командира полка, отправился на перевязочный пунктъ, и заурядъ-прапорщика Самсона Щетинина съ его лихой охотничьей командой.

Немалую услугу оказали въ этомъ дѣлѣ начальникъ штаба Ляхейскаго отряда, подполковникъ Слесаревъ, который незадолго до атаки высказалъ въ част-

номъ разговорѣ князю Амилахори, что правый флангъ непріятеля, расположеннаго въ деревнѣ Мамыкай, менѣе силенъ, чѣмъ лѣвый, что и послужило руководствомъ для выбора мѣста атаки.

Дѣйствительно, исключая правый флангъ, деревня Мамыкай была окружена непроходимыми засѣками, волчьими ямами и сѣтью проволочныхъ загражденій, на которыя, какъ сказано выше, наткнулся 3-й баталіонъ. За искусственными препятствіями находились основательные окопы и высокія глинобитныя стѣны.

Очевидно, японцы предполагали наступленіе русскихъ съ сѣверо-западной стороны, обстрѣленной наканунѣ артиллеріей генерала Мищенко, такъ какъ здѣсь были возведены сильнѣйшія укрѣпленія.

Бой этотъ, какъ знаетъ уже читатель, замѣчательенъ геройствомъ не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ.

За именами Щетинина и его охотниковъ идетъ цѣлый рядъ сѣрыхъ героевъ, подвигами которыхъ можетъ гордиться полкъ.

Фельдфебеля: Василій Лукьяновъ, Федотъ Крыловъ, Илья Сусликовъ, Василій Трухинъ; старшіе унтеръ-офицеры: Григорій Павловъ, Михаилъ Запорожукъ, Илларионъ Кисельниковъ, Федоръ Карташевъ, Василій Фроловъ, Василій Владимировъ, Дмитрій Харченко, Наумъ Калягинъ, Иванъ Суслинъ, Федоръ Чебаненко, Иванъ Чарыковъ, Кузьма Спиридонычевъ, Андрей Калемалкинъ, Иванъ Купряшевъ, Родіонъ Крючковъ, Александръ Пирожанскій, Миронъ Еремѣевъ, и младшіе унтеръ-офицеры: Яковъ Савельевъ и Василій Мельниковъ первыми вбѣжали на непріятельскій валъ и примѣромъ неустрашимости увлекли за собой подчиненныхъ.

Ефрейторъ 12-й роты Алексѣй Мѣщанчиковъ и рядовой той же роты Мптрофанъ Андреевъ ворвались первыми въ занятую непріятельской заставой фанзу, бросились на растерявшихся японцевъ въ штыки и, поддержанные затѣмъ другими нижними чинами, часть заставы перекололи, часть взяли въ плѣнъ, а остальныхъ людей разогнали.

Старшій унтеръ-офицеръ 3-й роты Петръ Аггѣевъ, по выбитіи изъ строя командира роты, штабсъ-капитана Ананьина, собралъ около себя полуроту, бросился съ нею въ атаку на врага, ворвался въ деревню и всю ночь выгонялъ японцевъ изъ фанзъ.

Старшій унтеръ-офицеръ 7-й роты Василий Вотяковъ, замѣстивъ выбывшаго изъ строя фельдфебеля, проявилъ выдающееся мужество и распорядительность, лично забралъ нѣсколько плѣнныхъ и подъ огнемъ противника овладѣлъ складомъ японскихъ вещей.

Рядовые 6-й роты Поликарпъ Сусловъ, Генетулла Фектуловъ и рядовой 7-й роты Григорій Сычевъ всю ночь, подъ выстрѣлами, разыскивали скрывавшихся въ фанзахъ японцевъ, обезоруживали ихъ и забирали въ плѣнъ.

Младшій медицинскій фельдшеръ 1-й роты Федоръ Вершининъ въ передовой линіи во время атаки, подъ сильнымъ огнемъ противника, перевязывалъ раненыхъ, а когда деревня была взята и рота въ его помощи больше не нуждалась, увелъ послѣдняго раненаго нижняго чина на перевязочный пунктъ.

Изъ участвовавшихъ въ бою 25 офицеровъ ранено 4, контуженъ 1; нижнихъ чиновъ убито 23, ранено 88.

Патроновъ выпущено 8,000.

Всѣ раненные къ утру 13-го января были доставлены на полковой перевязочный пунктъ, открытый въ деревнѣ Сяодомынъ. Въ виду отдаленности мѣста сраженія (до желѣзнодорожной вѣтки, соединенной со станціей Мукденъ, было болѣе 45 верстъ), раненные транспортировались въ теченіе 3-хъ дней и при томъ исключительно средствами полкового санитарнаго обоза. Первый транспортъ былъ привезенъ въ деревню Сыфантай, гдѣ находился полковой околодокъ.

Накормивъ и обогрѣвъ раненныхъ, старшій врачъ хотѣлъ сопровождать транспортъ дальше, но наплывъ массы раненныхъ различныхъ частей, дѣйствовавшихъ подъ деревней Сандепу, задержалъ его въ деревнѣ Сыфантай.

Ему одному пришлось принять въ этой деревнѣ свыше 300 человекъ нашихъ раненныхъ и около 100 человекъ плѣнныхъ японцевъ.

Когда всѣ раненные были уже осмотрѣны, размѣщены въ фазахъ, напоены чаемъ и накормлены, въ деревню прибылъ 1-й подвижной госпиталь, главный врачъ котораго обратился къ старшему врачу полка съ обычной просьбой снабдить госпиталь перевозочными средствами.

Въ средствахъ этихъ не менѣе, чѣмъ подвижной госпиталь, нуждалась и санитарная часть полка.

Послѣ хлопотъ и пререканій, полковой врачъ, на собственный рискъ, распорядился употребить на перевозку раненныхъ нѣсколько четырехъ-колесныхъ фургоновъ, имѣвшихся при полковой хлѣбопекарнѣ, и нѣсколько полковыхъ хозяйственныхъ двуколокъ, но онѣ все-таки не могли вполне удовлетворить ощущавшейся нуждѣ.

Дѣло окончательно наладилось лишь тогда, когда пришелъ на помощь арбяной транспортъ.

Раненыхъ уложили въ арбы и повозки и увезли къ желѣзной дорогѣ для передачи въ санитарные поѣзда.

13-го января полкъ въ полномъ составѣ оставался въ деревнѣ Мамыкай, выставляя сторожевое охраненіе въ сторону противника.

14-го января, по распоряженію генерала Косаговскаго, 2-й баталіонъ перешелъ въ деревню Сяодомынь, а 3-й баталіонъ въ деревню Сантайцзы.

Вся добыча, взятая у японцевъ, была отвезена въ обозъ 2-го разряда, находившійся у деревни Ляндяпу.

Счастливые дни полка совпали съ днемъ производства подполковника князя Амилохори въ чинъ полковника. Высочайшій приказъ состоялся 14-го января, о чемъ главнокомандующій увѣдомилъ князя Амилахори телеграммой:

„По ходатайству моему послѣдовало Высочайшее соизволеніе на производство васъ въ полковники. Сердечно поздравляю.

Генераль-адъютантъ Куропаткинъ“.

По поводу славнаго мамыкайскаго дѣла, командующій 2-й арміей, генераль-адъютантъ Гриппенбергъ, передалъ начальнику отряда по телеграфу, что о столь блестящемъ дѣлѣ Бузулукскаго полка имъ донесено на Высочайшее имя.

Отъ командующаго 54-й пѣхотной дивизіей, генераль-маіора Артамонова, смѣнившаго генераль-маіора Столица, командиръ полка получилъ такой отзывъ:

„Съ искреннимъ удовольствіемъ прочелъ я вашу реляцію о боѣ 12-го января у деревни Мамыкай. Прошу васъ принять отъ имени службы мою искреннюю признательность за отличное руководство полкомъ въ бою. Передайте мою сердечную благодарность всѣмъ гг. баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ и младшимъ офицерамъ. Сердечно благодарю заурядъ-прапорщика Щетинина за молодецкую службу. Всѣмъ дорогимъ мнѣ молодчикамъ-бузулукамъ сердечное спасибо“.

Не безынтересно, между прочимъ, официальное письмо командира своднаго кавалерійскаго корпуса, генераль-адъютанта Мищенки, отъ 11-го сентября 1905 года за № 3254, адресованное на имя командующаго дивизіей, генерала Артамонова, и характеризующее мамыкайскій бой и его значеніе:

„Ваше превосходительство,

Леонидъ Константиновичъ!

„12-го января настоящаго года, по диспозиціи, данной командующимъ 2-й арміей, я долженъ былъ въблизи деревень Мамыкай и Читайза перейти черезъ рѣку Хуньхэ, дабы движеніемъ на деревни Сюэрпу и Ландагоу облегчить операціи 1-го Сибирскаго корпуса, дѣйствовавшаго у деревни Хегоутай, къ югу отъ Сандепу.

„Деревни Мамыкай и Читайза, сильно укрѣпленные, были заняты гарнизонами японцевъ, и переправа могла быть выполнена лишь по взятіи этихъ деревень. Вслѣдствіе этого, вечеромъ 12-го января я обратился къ генераль-маіору Косаговскому, предлагая утромъ совместно атаковать Мамыкай и Читайза. Отвѣта я не получилъ, но къ утру 13-го числа узналъ,

что ночной атакой деревня Мамыкай взята Бузулукским полкомъ, подъ начальствомъ полковника князя Амилахори, а деревня Читайза—Орскимъ полкомъ.

„Такимъ образомъ, ввѣренный мнѣ отрядъ получилъ свободный доступъ на лѣвый берегъ рѣки Хунхэ къ выполнению дальнѣйшей задачи.

„Слѣдуя затѣмъ мимо Мамыкай, я лично видѣлъ сильную позицію деревни, укрѣпленную окопами и искусственными препятствіями (волчьи ямы, засѣки и проволочныя загражденія). Здѣсь же для меня выяснилась доблестная атака бузулукцевъ, рѣшительно безъ выстрѣла бросившихся на эти укрѣпленія, чѣмъ и обезпечился успѣхъ атаки съ небольшими потерями для полка и съ тяжкимъ урономъ для японцевъ, трупы которыхъ я видѣлъ сложенными рядами вдоль укрѣпленій. Объ этой заслугѣ полковника князя Амилахори и его доблестнаго полка считаю долгомъ свидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ.

„Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и преданности

Павелъ Мищенко“.

Занятіе деревни Мамыкай, тѣсно связанное съ начавшимся въ то время общимъ наступленіемъ частей 2-й арміи, являлось дѣломъ первостепенной важности; оно открывало свободный доступъ для операцій за рѣкой Хунхэ, съ лѣваго фланга и съ тыла японскихъ армій, но неудачный для насъ бой у деревни Сандену совершенно измѣнилъ наши стратегическіе планы.

Полкъ оказался выдвинутымъ слишкомъ далеко на юго-западъ и ему угрожала опасность быть рано или поздно отрѣзаннымъ.

На этомъ основаніи полку надлежало покинуть деревню Мамыкай и постепенно отходить на прежнія позиціи у деревни Сыфантай.

Ночью, 14-го января, отъ генерала Косаговскаго было получено приказаніе:

„Командующій 2-й арміей приказалъ нѣшія части въ селеніяхъ Мамыкай и Читайза смѣнить конными частями, почему завтра утромъ одному баталіону ввѣреннаго вамъ полка выступить въ селеніе Сантайцзы, а другой баталіонъ оставить авангардомъ въ Мамыкай съ находящейся тамъ сотней. Оставшіеся затѣмъ баталіонъ будетъ смѣненъ 24-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ и 4 конными орудіями.

Начальникъ отряда,

генераль-маіоръ Косаговскій“.

По дополнительному приказанію начальника отряда, 1-й и 4-й баталіоны перешли 15-го января изъ деревни Мамыкай въ деревню Сантайцзы, откуда, послѣ ночлега, раннимъ утромъ 16-го числа выступили вмѣстѣ со всѣмъ отрядомъ по направленію къ деревнѣ Сыфантай, на поддержку 1-го армейскаго корпуса.

На пути къ полку присоединились 2-й и 3-й баталіоны.

Изъ деревни Цююто полкъ былъ направленъ въ деревню Хоупинтай, гдѣ временно размѣстились штабъ полка и 1-й, 2-й и 3-й баталіоны, а 4-й баталіонъ, за недостаткомъ мѣста, перешелъ въ деревню Лунгуань.

Штабъ Ляохейскаго отряда расположился въ деревнѣ Сыфантай.

XVII.

Наканунѣ мукденскихъ боевъ.

Съ возвращеніемъ Ляохейскаго отряда въ деревню Сыфантай, баталіоны полка заняли деревни Сыфантай, Хаумахулинцза, Матюенцза, Ченмахулинцза, Чандіона.

Оставленная нами деревня Мамыкай снова была занята японцами, передовыя части которыхъ продвинулись нѣсколько впередъ и вошли въ соприкосновеніе съ передовыми частями Ляохейскаго отряда.

Между нами и противникомъ днемъ и ночью происходила ружейная перестрѣлка и нерѣдко бывали мелкія стычки.

Бурный вѣтеръ и морозы свирѣпствовали непрерывно до 20-го января. Потомъ погода улучшилась, вѣтеръ стихъ и морозы уменьшились до 10° R.

Настроеніе офицеровъ и солдатъ было превосходное. Успѣхъ мамыкайскаго боя очень благотворно отразился на всѣхъ. Полкъ, пополненный еще въ отрядѣ генерала Грекова запасными, состоялъ теперь преимущественно изъ солдатъ-хохловъ, честныхъ, самолюбивыхъ и храбрыхъ, съ прямою, неиспорченной душой.

Установившіяся гуманныя, сердечныя отношенія между офицерами и солдатами какъ-то незамѣтно сблизили тѣхъ и другихъ, образовавъ одну общую, хорошую семью.

На бивакѣ было всегда весело и оживленно. Играла духовая музыка, слышалось хоровое малороссійское пѣніе.

Бывало, соберется хоръ человѣкъ въ сто и затянетъ такую стройную, мелодичную пѣсню, что слушалъ бы ее долго, долго, безъ конца, наслаждаясь сердечной грустью или веселіемъ ея мотива, плавно выливавшегося изъ грубой груди солдатъ.

Съ удовольствіемъ вспоминаешь этотъ періодъ боевой жизни полка, когда все, какъ одинъ, были одухотворены самыми чистыми, благородными побужденіями, когда невзгоды и угрожавшія отовсюду опасности были такъ ничтожны, что о нихъ совсѣмъ забывали подъ наплывомъ болѣе высшихъ чувствъ и потребностей, подъ пробудившимся сознаніемъ какъ можно лучше и честнѣе выполнить святой долгъ передъ родиной.

22-го января, около 10-ти часовъ утра, 11-я, 12-я и 15-я роты вытѣснили изъ деревни Сантайцзы расположившіяся въ ней японскія заставы и заняли деревню. Японцы отступили къ впереди лежавшей солкѣ, но и оттуда были прогнаны артиллерійскимъ огнемъ.

Передъ наступленіемъ ротъ, ефрейторъ Алексѣй Крѣпакъ съ тремя товарищами добылъ точныя и цѣнныя свѣдѣнія о силахъ и укрѣпленіяхъ деревни Сантайцзы, сбиль непріятельскій постъ, захватилъ японскую винтовку и вынесъ съ товарищами изъ-подъ огня противника четырехъ раненыхъ казаковъ, участвовавшихъ въ развѣдкѣ.

Тогда же 10-я рота, вмѣстѣ съ охотничьей командой, заняла деревню Сяодомынь, гдѣ находился непріятельскій развѣздъ.

Какъ той, такъ и другой деревнями роты овладѣли безъ потерь.

Послѣ этого, 8-я рота размѣстилась въ деревнѣ Цыюто, 3-я рота—въ деревнѣ Матюенца, 10-я рота и

охотничья команда—въ деревнѣ Сяодомынѣ, а 11-я и 12-я роты—въ деревнѣ Сантайцзы.

28-го января партія охотниковъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Акима Якимчука, атаковала сопку, находившуюся къ юго-востоку отъ деревни Сяодомынѣ и служившую наблюдательнымъ пунктомъ японцамъ.

Японцы бѣжали, потерявъ трехъ человекъ ранеными. Охотники захватили двѣ непріятельскихъ фуражки и ранецъ съ письмами.

По занятіи сопки, на ней былъ выставленъ казачій постъ.

Съ 1-го по 9-е февраля японцы неоднократно производили ночныя нападенія на деревню Сяодомынѣ и Сантайцзы, но всякій разъ отбивались нашими ротами.

Въ началѣ февраля среди нижнихъ чиновъ было обнаружено три случая заболѣваній сыпнымъ тифомъ, появившихся одновременно съ такими же заболѣваніями въ Орскомъ полку и среди мѣстныхъ китайцевъ. Въ виду этого, въ деревню Сыфантай былъ приглашенъ изъ штаба 5-го корпуса врачебный отрядъ, который дезинфецировалъ фанзы,—и заболѣванія прекратились.

10-го февраля въ командованіе Ляохейскимъ отрядомъ вступилъ, вмѣсто заболѣвшаго генерала Косоговскаго, генералъ-маіоръ Толмачевъ.

11-го числа новымъ начальникомъ отряда, въ присутствіи командировъ отдѣльныхъ частей, были осмотрѣны позиціи у деревень Ченмахулинца, Хаумахулинца, Чандіопа и Сыфантай и намѣчены мѣста для возведенія новыхъ укрѣпленій. Но къ постройкѣ этихъ укрѣпленій приступлено не было, такъ какъ 12-го

февраля Ляхейскій отрядъ былъ расформированъ, а въ 3 часа 30 минутъ пополудни командиръ полка получилъ отъ начальника отряда слѣдующее приказаніе:

„№ 487. 1905 года, 12 февраля, 3 часа 30 минутъ дня, деревня Сыфантай.

„Командиру 215-го Бузулукскаго полка.

„Согласно телеграммы начальника штаба 2-й маньчжурской арміи № 1066, предлагаю вамъ, съ полученіемъ сего, выступить изъ селенія Сыфантай въ селеніе Шуанго (Шуансудо), гдѣ долженъ полкъ расположиться съ 5-й батареей 28-й артиллерійской бригады. Дежурная рота останется въ Сыфантаѣ и, по смѣнѣ ея кавалеріей, догонитъ васъ.

Начальникъ отряда,

генералъ-маіоръ Толмачевъ“.

Въ 5 часовъ вечера командиры отдѣльных частей были приглашены къ начальнику отряда, и послѣдній отдалъ имъ словесное распоряженіе:

„По приказанію командующаго 2-й арміей, сегодня, 12-го февраля, съ наступленіемъ темноты, 215-й и 241-й полки и 5-я батарея 28-й артиллерійской бригады, по возможности скрытно, должны выступить по маршруту: деревни Шуанго—Таванъганьпу—Лидяпу—Сантапу—Айдяпу—Сухудяпу. Теперь же выслать квартирьеровъ для расквартированія частей, при чемъ, въ Шуанго долженъ быть расположенъ весь 215-й Бузулукскій полкъ съ 5-й батареей. Названныя части войдутъ въ составъ общаго резерва арміи. 215-му полку идти на деревни Туэрто и Сяосиньминтурль“.

За выбитіемъ изъ строя командира полка, полковника князя Амилахори, страдавшаго тяжкимъ, закор-

нѣлымъ недугомъ и подавшаго еще 8-го февраля рапортъ о болѣзни, полкъ и 5-я батарея, подъ командой подполковника Святицкаго, выступили въ 11 часовъ вечера изъ деревни Сыфантай и направились песчаной дорогой къ мѣсту назначенія.

Ночь была темная, холодная.

Дулъ встрѣчный вѣтеръ, осыпавшій людей пылью.

Шли медленно, вяло, съ трудомъ переставляя ноги, которыя вязли въ глубокомъ песку.

Пройдя версты три, солдаты уже устали. Ихъ душило тяжелое снаряженіе, навьюченное на человѣка, какъ на животное, и при томъ громоздкое, неуклюжее и плохо приспособленное, нестерпимо сдавливающее и грудь, и шею и спину, и животъ, словомъ, всѣ тѣ части тѣла, чрезмѣрное стѣсненіе которыхъ ведетъ къ полнѣйшему обезсилению.

Сдѣлали привалъ.

Солдаты, какъ шли, такъ и повалились прямо на-земь, въ волны сыпучаго песку. Но отдыхъ продолжался недолго; черезъ нѣсколько минутъ двинулись дальше.

И чѣмъ дальше шли, тѣмъ больше движеніе замедлялось, люди качались изъ стороны въ сторону, какъ пьяные, отставали, привалы дѣлались продолжительнѣе. Многихъ одолѣвала жажда, но напиться было негдѣ.

Въ 6 часовъ утра 13-го февраля измученный 22-хъ верстнымъ ночнымъ переходомъ полкъ прибылъ въ деревню Шуанго и размѣстился квартирно-бивачнымъ порядкомъ въ фанзахъ.

Въ 10 часовъ утра командующій полкомъ, подполковникъ Святицкій, явился въ штабъ 2-й арміи, въ деревню Матуранъ, и получилъ отъ начальника штаба, генераль-лейтенанта Рузскаго, словесное приказаніе:

„Полку и 5-й батареѣ оставаться въ деревнѣ Шуанго. О томъ, подъ чье начальство войдетъ общій резервъ 2-й арміи, будетъ сообщено, а до назначенія начальника резерва доносить обо всемъ въ штабъ арміи“.

Три дня простоялъ полкъ въ деревнѣ Шуанго.

Солдаты подкрѣпились отдыхомъ и пищей, привели себя въ порядокъ и выглядѣли молодцами.

За 14-е февраля на имя командующаго полкомъ было прислано два письменныхъ приказанія, одно—въ 9 часовъ утра, другое—въ 11 часовъ утра.

1-е приказаніе. „1905 года, 14-го февраля. 8 часовъ 20 минутъ утра (безъ №). Деревня Матурань. Полкъ, диспозиціей № 7, назначенъ въ составъ общаго резерва 2-й арміи и долженъ теперь же сосредоточиться въ деревнѣ Шуанго. Прошу сообщить, гдѣ въ настоящее время полкъ и когда прибудетъ въ Шуанго. Выслать мнѣ отъ полка ординарца, коннаго офицера или нижняго чина: Матурань, фанза № 18. Сообщите 5-й батареѣ 28-й артиллерійской бригады, что она назначена въ общій резервъ и должна прибыть въ деревню Таваньганьпу, выславъ ко мнѣ одного ординарца нижняго чина.“

Начальникъ общаго резерва,

генераль-маіоръ Сидоринъ“.

2-е приказаніе: „1905 года, 14-го февраля, 10 часовъ 10 минутъ дня, № 1. Деревня Матурань. Если обозъ 2-го разряда противъ Эльтхайцзы, то пусть тамъ и останется. По диспозиціи, обозы 2-го и 3-го разрядовъ сосредоточиваются между Сухудяпу и Эль-

тхайцзы. 1-й разрядъ долженъ быть, по общему положенію, съ частью.

Начальникъ общаго резерва 2-й арміи,
генераль-маіоръ Сидоринъ“.

Около 7 часовъ вечера 15-го февраля было передано ординарцемъ приказаніе командующаго 2-й арміей:

„Бузулукскому полку немедленно выступить изъ деревни Шуанго и итти въ деревню Питайцзы, на присоединеніе къ сводному стрѣлковому корпусу“.

Въ 9 часовъ вечера полкъ покинулъ деревню Шуанго и къ 11 часамъ вечера подошелъ къ деревнѣ Сяоляпуца. Здѣсь офицеръ-ординарецъ передалъ приказаніе командира своднаго стрѣлковаго корпуса: безостановочно двигаться на деревню Питайцзы.

При приближеніи къ этой деревнѣ, было получено словесное приказаніе отъ начальника штаба корпуса, генераль-маіора Рихтера:

„Полку продолжать движеніе на деревню Чжаньтань, гдѣ поступить въ распоряженіе начальника 1-й стрѣлковой бригады“.

Къ 1-му часу ночи полкъ прибылъ въ Чжаньтань и занялъ юго-восточную окраину деревни.

Вблизи, на позиціяхъ, слышалась сильная ружейная перестрѣлка.

Всѣ фанзы деревни были биткомъ набиты солдатами-стрѣлками. Объ отдыхѣ и думать было нечего.

Нашихъ солдатъ ввели въ полуразрушенные дворы фанзъ и поставили подъ открытымъ небомъ.

Близость непріятеля лишала возможности зажечь костры.

Люди, не смыкая глазъ, дрогли на холодѣ до утра, когда полкъ изъ деревни Чжаньтань выступилъ на

деревню Сыфантай, на ту самую деревню, которую занималъ раньше отрядъ генерала Косаговскаго и откуда полкъ вывели четыре дня тому назадъ.

Приказаніе о движеніи командующій полкомъ получилъ около 3¹/₂ часовъ ночи.

Оно было слѣдующаго содержанія:

„№ 108—р. Командиру Бузулукскаго полка. $\frac{3 \text{ ч. } 15 \text{ м. } \text{у.}}{16\text{-го февраля.}}$

„По приказанію командующаго арміей, командиръ корпуса предписываетъ вамъ съ полкомъ теперь же, немедленно, выступить въ Сыфантай, взявъ съ собою одну батарею 5-го стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона. Независимо сего, теперь же выступить въ Сыфантай двумя батареямъ стрѣлковымъ и одной батарее 5-го стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона.

„Сообщаю для свѣдѣнія. О времени выступленія немедленно донесите. Два пограничныхъ солдата должны быть у васъ проводниками.

Генераль-маіоръ Рихтеръ“.

Въ виду запозданія назначенныхъ батарей, полкъ тронулся въ путь въ 5 часовъ утра, придерживаясь прямой и ближайшей дороги на деревню Сыфантай.

Всходило солнце.

Пробуждалось тихое, безоблачное утро, слегка туманное, слегка морозное, залитое блескомъ ослѣпительныхъ лучей.

Какъ грозвые раскаты грома, доносились отовсюду орудійные выстрѣлы, одинокіе и рѣдкіе, производимые нашей артиллеріей, а въ промежуткахъ между ними надѣдно тараторила ружейная трескотня.

Непріятельская артиллерія молчала.

КАРТА
№ 4.

М

Кто-то изъ артиллерійскихъ офицеровъ сказалъ, что японцы раннимъ утромъ завтракаютъ и поэтому не стрѣляютъ.

Полкъ шелъ гладкимъ полемъ въ колоннѣ, растянувшейся не менѣе, чѣмъ на версту, подъ угломъ къ синѣвшимъ слѣва, на горизонтѣ, верстахъ въ трехъ и далѣе, сопкамъ, за которыми находился противникъ.

Небольше, какъ черезъ полчаса, японцы позавтракали.

Сотни орудій, нашихъ и непріятельскихъ, подняли по всему фронту ошеломляющій грохотъ, чудовищнымъ гуломъ и воемъ потрясшій окрестности.

Земля вздрагивала, точно рушилась.

Солдаты инстинктивно прижимались другъ къ другу, набожно крестились, бормоча молитвы.

Многіе оборачивались назадъ и видѣли, какъ тамъ и сямъ вспыхивали молніей блѣдные огоньки, и бѣлыя облачка дыму плавно вздымались въ высь, таяли и снова появлялись.

Это рвались непріятельскіе снаряды у деревни Чжаньтань, и смерть витала въ воздухѣ, съ жадностью пожирая невинныя жертвы войны.

За часъ ходьбы наша колонна, удаленная вначалѣ отъ сферы артиллерійскаго огня, поровнялась съ деревней Синьюпао.

Вдали показались сыфантайскіе холмы.

Въ этотъ моментъ японцы изъ деревни Хаумахулинцза обстрѣляли насъ бѣглымъ артиллерійскимъ огнемъ. До сорока шрапнелей лопнуло высоко вверху надъ серединою колонны, не принеся намъ вреда.

Полкъ безъ задержки продолжалъ движеніе и въ 7 часовъ утра прибылъ въ деревню Сыфантай.

Волею судебъ, у стѣнъ этой деревни было положено начало кровавому пути вынужденныхъ отсту-

плений на сѣверѣ, пути, на которомъ разыгрался не одинъ актъ знаменитой мукденской трагедіи съ плачевнымъ эпилогомъ для нашихъ армій и съ изумительнымъ героизмомъ для полка.

XVIII.

Бой у деревни Сыфантай, 16-го февраля.

Радостно улыбается мягкое февральское утро.

Солнце слѣпитъ глаза, плавить застывшій въ холоду воздухъ, играетъ на глади желтыхъ, полосатыхъ полей, однообразныхъ и необозримыхъ.

Дышится легко и свободно, утомленность исчезаетъ, уступая мѣсто нервному возбужденію, подъему духа.

У деревни Сыфантай необычайное оживленіе.

Изъ конца въ конецъ на взмыленныхъ коняхъ скачутъ всадники, лихо, съ шумомъ и трескомъ, переѣзжаетъ съ позиціи на позицію артиллерія, стройными рядами проходитъ пѣхота и расползается у стѣнъ, валовъ и окоповъ.

Всѣ куда-то торопятся, чего-то ищутъ, суетятся.

Съ холмовъ и съ сопокъ группы офицеровъ, вооруженныхъ биноклями, что-то высматриваютъ, выслѣживаютъ.

Невдалекѣ рѣдкая ружейная перестрѣлка, и видно, какъ впереди, на равнинѣ, отходятъ отстрѣливаясь наши разъѣзды, тѣснимые наступающими съ сѣверо-запада передовыми частями противника.

Отрядъ генераль-маіора Эйхгольца, занявшій сыфантайскія позиціи, приготовился къ оборонѣ.

Въ 7¹/₂ часовъ утра Бузулукскій полкъ, по распоряженію начальника сыфантайскаго отряда, былъ введенъ въ деревню Сыфантай и составилъ общій резервъ отряда.

Къ полку присоединилась пѣшая охотничья команда (2-я), подѣ начальствомъ заурядъ-прапорщика Щетинина, выйдѣвшая вмѣстѣ съ 8-й ротой, подѣ командой заурядъ-прапорщика Панкова, 13-го, 14-го и 15-го февраля въ деревнѣ Хаумахулинца, подѣ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ противника, и отбившая яростныя его атаки на эту деревню.

Полкъ занялъ юго-западную окраину деревни, укрывшись за холмами.

Наши батареи расположились приблизительно съ западной, сѣверной и восточной сторонъ деревни.

Около 9 часовъ утра завязался жестокой и упорный артиллерійскій бой между небольшимъ отрядомъ генерала Эйхгольца и громадными силами японцевъ, массивной дугой обложившими деревню Сыфантай съ юга, юго-запада и даже впоследствии съ сѣверо-запада.

Тучи шимозъ и шрапнелей разряжались надъ деревней градомъ пуль и осколковъ, разрушали крыши фанзъ, глинобитныя стѣны, бороздили промерзшую землю и сметали съ лица ея все, что не могло противостоять имъ.

Ружейная стрѣльба разгоралась своимъ чередомъ.

Несмѣтныя, густыя цѣпи японцевъ усыяли окрестности деревни.

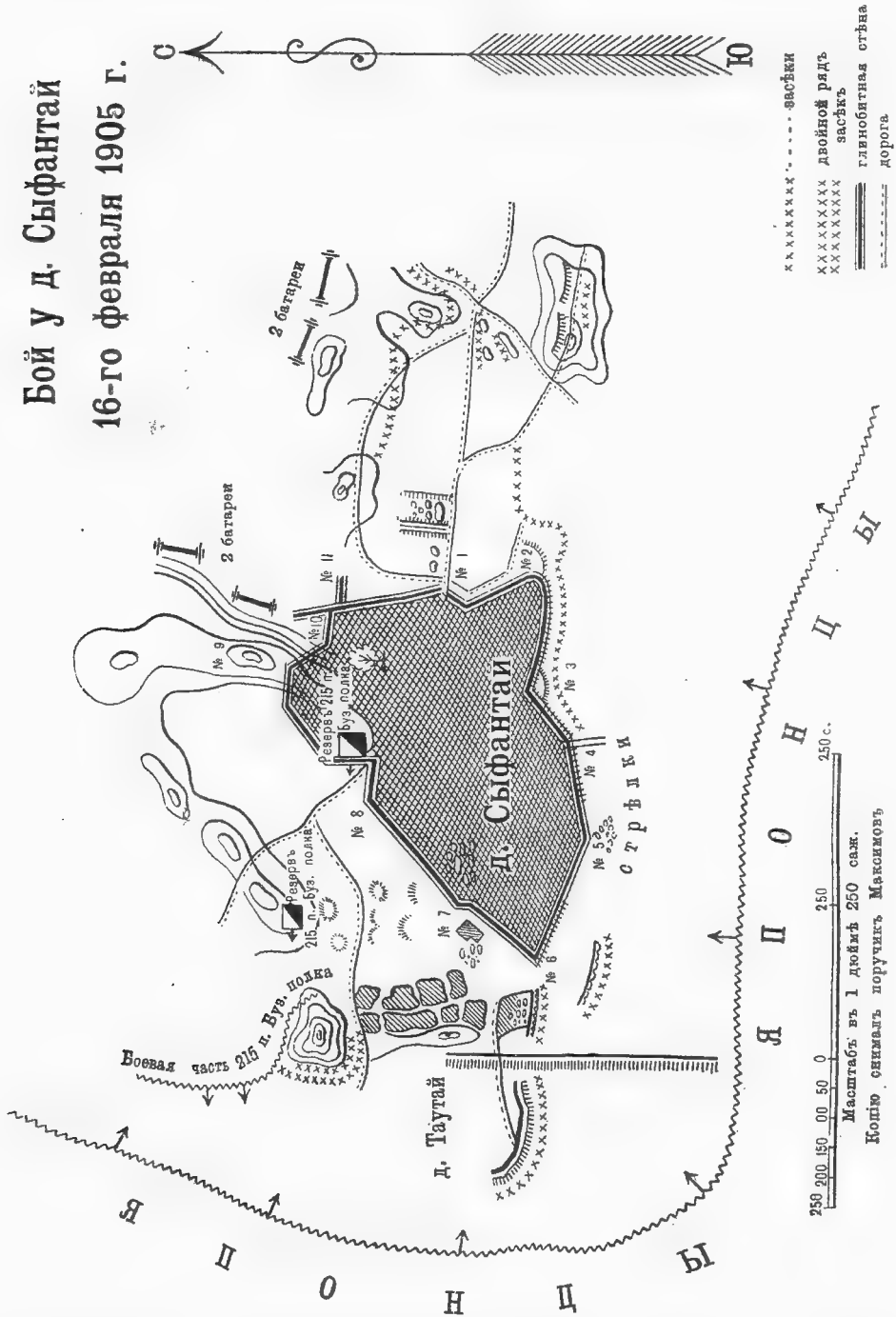
Непріятельская артиллерія громилъ насъ съ юга, изъ деревни Хаумахулинца, и съ юго-запада.

Наши батареи отвѣчали опустошительнымъ встрѣчнымъ огнемъ, при чемъ, одна изъ батарей, кажется,

казахъ, обстрѣливала бѣглымъ огнемъ главнымъ образомъ японскія цѣпи, буквально уничтожая ихъ.

Бой у д. Сыфантай

16-го февраля 1905 г.

Картина, которую мы наблюдали, была достойна кисти художника.

Посмотрѣли бы вы, какъ спокойно и систематически велъ наступленіе противникъ, какъ на грудяхъ павшихъ и изуродованныхъ воиновъ выростали живыя и стройныя линіи, гибли онѣ, а ужъ вслѣдъ за ними непоколебимо шли очередные герои, чтобы такъ же пасть или побѣдить.

Батарея наша намѣтила себѣ черту, за которую ни одна японская цѣпь не проникала.

Черта эта все яснѣе и яснѣе обрисовывалась возрастающимъ валомъ тѣлъ, и японцы пользовались имъ, какъ закрытіемъ.

Около 1 часу дня непріятельскія цѣпи начали замѣтно усиливаться противъ праваго фланга отряда, угрожая обходомъ.

Въ виду этого, генераль Эйхгольцъ приказалъ полку обезпечить правый флангъ.

Тотчасъ же 2-й баталіонъ, подъ командой штабсъ-капитана Родзевича, и 4-й баталіонъ, подъ командой капитана Рукевича, выдвинулись впередъ и заняли оборонительную позицію съ юга и юго-запада деревни, а 3-й баталіонъ разсыпался за холмами, съ западной стороны деревни, имѣя въ резервѣ 12-ю роту; лѣвѣе его лежали цѣпями 1-я и 2-я роты, съ 7-й и 8-й ротами въ резервѣ.

3-я и 4-я роты, назначенныя въ общій полковой резервъ, расположились за западной стѣнной деревни.

Полкъ, понесшій уже потери отъ артиллерійскаго огня, страдалъ теперь, кромѣ того, и отъ ружейнаго, но это нисколько не коробило солдатъ, быстро свыкшихся съ обстановкой.

Роты дѣйствовали въ высшей степени энергично, и огонь нашъ разстраивалъ противника.

До 3-хъ часовъ дня японскія цѣпи держались на разстояніи 600—700 шаговъ отъ боевой линіи полка, не подпускаемыя ближе мѣткимъ, непрерывнымъ огнемъ ротъ и батарей, а затѣмъ, сосредоточивъ въ одномъ мѣстѣ огромныя силы, бросились въ атаку на занимаемый полкомъ позиціи, но разбились о залпы нашихъ ротъ и въ безпорядкѣ отступили, потерявъ нѣсколько сотенъ убитыми и ранеными.

Подкрѣпившись свѣжими силами, противникъ съ прежнихъ позицій продолжалъ убійственный пачечный огонь до 5-ти часовъ вечера, когда снова бросился въ атаку, завершившуюся еще большей неудачей, чѣмъ прежде.

Стойкость нашихъ ротъ была поразительна.

Бѣшеные натиски японцевъ, адская артиллерійская бомбардировка и ружейная стрѣльба пачками ни на шагъ не сдвинули боевой части, отстаивавшей порученный для обороны участокъ.

Всѣ безъ исключенія офицеры и нижніе чины являли рѣдкіе примѣры мужества. Изъ нижнихъ чиновъ въ особенности отличались: старшій унтеръ-офицеръ 1-й роты Павелъ Петровъ, слѣдившій весь день съ сопки за паденіемъ нашихъ пуль и за движеніемъ противника; сопка засыпалась снарядами, но Петровъ неподвижно стоялъ на мѣстѣ, прекрасно исполняя свое дѣло; младшій медицинскій фельдшеръ той же роты Федоръ Вершининъ, ефрейторъ 2-й роты Филать Бугровъ и рядовой 9-й роты Иванъ Подви-соцкій спокойно и безотлучно перевязывали раненыхъ на передовой позиціи, гдѣ имъ угрожала явная опасность быть убитыми; рядовые 4-й роты Степанъ Козубовъ, Кирилль Полонецкій, старшій унтеръ-офицеръ 8-й роты Маркъ Барановскій и ефрейторъ той

же роты Сергѣй Карасевъ подносили изъ резерва, по открытому, сильно обстрѣливаемому пространству, патроны въ цѣпь. Было еще много другихъ молодцовъ нижнихъ чиновъ, честно и беззавѣтно служившихъ родинѣ, но всѣхъ ихъ не перечислить.

Въ 5^{1/2} часовъ вечера, во время новыхъ атакъ японцевъ, блестяще отбитыхъ нами, командующій полкомъ, подполковникъ Святицкій, получилъ отъ начальника отряда письменное приказаніе:

„Въ 6 часовъ вечера начнетъ отходить отъ Сыфантая артиллерія, Орскій полкъ и стрѣлковые полки. 215-му Бузулукскому полку оставаться на позиціи до 7-ми часовъ вечера и только тогда незамѣтно и тихо начать отходить, задерживаясь на позиціяхъ.

Генераль-маіоръ Эйхгольцъ“.

Въ 6 часовъ вечера отрядъ генерала Эйхгольца, уложивъ за этотъ день на сыфантайскихъ поляхъ болѣе тысячи японцевъ, выступилъ изъ деревни Сыфантай, а Бузулукскій полкъ остался одинъ, окруженный съ трехъ сторонъ противникомъ.

Въ дополненіе къ приказанію начальника отряда, получились двѣ записки:

Первая: „Командующему Бузулукскимъ полкомъ.

„1905 года, 16-го февраля (часъ, номеръ и мѣсто отправленія не обозначены). Немедленно выслать двѣ роты деревней для прикрытія отступающихъ батарей на деревню Туэрто.

Командиръ 1-го стрѣлковаго полка,

полковникъ (фамилія неразборчива)“.

Вторая: „Командующему Бузулукскимъ полкомъ.

„1905 года, 16 февраля, № 139 (часъ и мѣсто отправленія не обозначены). Карта 2 вер. въ дюймъ.

„Съ полученіемъ сего, ввѣренному вамъ полку медленно отходить назадъ цѣпями, незамѣтно, при чемъ по возможности безъ шума, задерживаясь на позиціяхъ. По отступленіи, полку направиться въ районъ расположенія 10-го корпуса.

Командиръ 1-го стрѣлковаго полка,

полковникъ

(фамилія неразборчива)“.

Согласно этихъ приказаній, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны стянулись у сѣверной окраины деревни.

Послѣднимъ покинулъ позицію 3-й баталіонъ, прикрывавшій своимъ огнемъ отходъ первыхъ трехъ баталіоновъ.

Одновременно съ этимъ полковой перевязочный пунктъ, работавшій съ утра въ деревнѣ Туэрто, въ 2^{1/2} верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Сыфантая, прекратилъ свою дѣятельность и, забравъ всѣхъ раненыхъ, двинулся на деревню Шуанго.

По пятамъ за перевязочнымъ пунктомъ обходныя части японцевъ вошли въ деревню Туэрто.

Около 8-ми часовъ вечера выступилъ къ деревнѣ Шуанго и полкъ по хорошо знакомой песчаной дорогѣ.

Наша колонна двигалась въ близкомъ соприкосновеніи съ авангардными колоннами обходной арміи генерала Ноги, шедшей нѣсколько сѣвернѣ насъ на Мукденъ.

Развѣзды то и дѣло доносили, что японцы близко, но мы, голодные и усталые, не придавали этому ровно никакого значенія.

Всю дорогу солдаты, обращаясь къ офицерамъ, задавали одинъ и тотъ же мучительный для всѣхъ вопросъ:

— Ваше благородіе, зачѣмъ мы отступаемъ? Такъ всю Маньчжурію отдадимъ... Вѣдь мы ихъ побили!..

Но что же мы, офицеры, могли отвѣтить бѣднымъ солдатамъ, когда сами не знали, зачѣмъ, зачѣмъ мы отступаемъ.

— Такъ приказано, братцы...

1-й, 2-й и 4-й баталіоны полка шли вмѣстѣ, а 3-й баталіонъ, давъ возможность намъ отступить, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нами, сбился въ темнотѣ съ пути и принялъ влѣво, на деревню Туэрто, которую заняли японцы.

У этой деревни баталіонъ подвергся сильному ружейному обстрѣлу и потерялъ около 30 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Баталіонъ спасся отъ гибели только благодаря тому, что быстро свернулъ на востокъ, и присоединился къ полку утромъ 17-го февраля, въ деревнѣ Шуанго.

Не прошелъ полкъ и пяти верстъ, какъ позади запылалъ грандіозный багровый костеръ.

То горѣла деревня Сыфантай, подожженная казачами.

Боже мой, какой болѣзненной тоской сжались наши сердца!

Помню, какъ многіе останавливались, устремляли скорбный взоръ на пожарище и навзрыдъ плакали, посылая послѣднее „прости“ сроднившейся съ нами деревнѣ...

Въ бою 16-го февраля полкъ понесъ слѣдующія потери: изъ 29 бывшихъ налицо офицеровъ контужены осколками снарядовъ штабсъ-капитанъ Родзевичъ и подпоручики Гогинъ и Казанскій, нижнихъ чиновъ убито 7, ранено 54.

Патроновъ выпущено 38 тысячъ.

XIX.

Бой у деревни Цаеньза (Чаничань), 17-го февраля.

Послѣ изнурительнаго ночного перехода изъ деревни Сыфантай, послѣ двухъ бессонныхъ ночей и голодовки, полкъ въ 8 часовъ утра, 17-го февраля, остановился въ деревнѣ Шуанго (Шуансудо) и по распоряженію командующаго 2-й арміей, поступилъ въ отрядъ генераль-маіора Голембатовскаго, состоявшій изъ Минскаго, Замосцкаго и Орскаго пѣхотныхъ полковъ и 5-й батареи 28-й артиллерійской бригады.

За часъ до сформированія отряда генераль Голембатовскій былъ вызванъ въ штабъ 2-й арміи, гдѣ въ 8 часовъ 30 минутъ утра получилъ письменное приказаніе (№ 53), подписанное начальникомъ штаба:

„Командующій арміей поручаетъ вамъ принять начальство надъ отрядомъ изъ Минскаго, Замосцкаго, Бузулукскаго и Орскаго полковъ, собираемыхъ въ деревнѣ Шуанго, и съ означеннымъ отрядомъ, немедленно, по сборѣ его, выступить и прослѣдовать въ деревню Салнпу, куда, согласно диспозиціи № 7, направляются и остальные войска 8-го корпуса. Передвиженіе совершить съ принятіемъ всѣхъ мѣръ охраненія, имѣя въ виду возможность появленія противника съ запада“.

Части отряда генерала Голембатовскаго были расположены:

215-й пѣхотный Бузулукскій полкъ	} въ деревнѣ Шуанго;
241-й пѣхотный Орскій полкъ	
5-я батарея 28-й артиллерійской бригады	

54-й пѣхотный Минскій полкъ—въ деревнѣ Матурань;

60-й пѣхотный Замосцкій полкъ—въ деревнѣ Сатхайза.

Къ 11-ти часамъ утра всѣ четыре полка собрались въ деревнѣ Шуанго, куда къ тому времени прибылъ и генераль Голембатовскій и отдалъ распоряженіе о движеніи отряда на деревню Салинпу.

Но такъ какъ положеніе дѣлъ быстро измѣнилось, и японцы, двигаясь по обоимъ берегамъ рѣки Хуньхэ, съ 9^{1/2} часовъ утра потѣснили расположеніе арміи какъ съ фронта, такъ и съ праваго фланга, командующимъ 2-й арміей было отдано, въ 1 часъ 20 минутъ пополудни, новое приказаніе генералу Голембатовскому:

„Тѣмъ частямъ войскъ, которыя еще не выступили изъ деревни Шуанго на сѣверъ или сѣверо-востокъ, остаться на мѣстѣ, впредь до особаго приказанія, и занять позицію на правомъ берегу Хуньхэ, дабы остановить наступленіе противника съ юга, вдоль этого праваго берега. Правый флангъ 8-го корпуса занимаетъ Теутайцзы. Главныя силы моего резерва на сѣверѣ, у деревни Салинпу“.

По полученіи этого приказанія, генераль Голембатовскій распорядился:

„60-му пѣхотному Замосцкому полку занять южную окраину деревни Шуанго; 215-му пѣхотному Бузулукскому полку занять западную и сѣверо-западную окраины деревни Шуанго; 54-му пѣхотному Минскому полку оставаться до выясненія обстановки въ деревнѣ Шуанго; 241-му пѣхотному Орскому полку: одному баталіону занять промежутокъ между Замосцкимъ полкомъ и рѣкою Хуньхэ, двумъ баталіонамъ составить

общій резервъ, которому стать за сѣверо-восточной окраиной деревни Шуанго“.

Полки заняли указанные имъ позиціи на окраинахъ деревни.

Задержанный артиллерійскимъ огнемъ противникъ не рѣшился двигаться дальше и сталъ накапливать и группировать свои силы у деревень Чаничанъ, Сан-тайцзы, Пейтхоцзы, лежащихъ противъ деревни Шуанго, на ровномъ и гладкомъ полѣ.

Вскорѣ непріятельская артиллерія открыла довольно сильный, но не мѣткій огонь по деревнѣ Шуанго, постепенно усиливавшійся.

Подъ напоромъ громадныхъ силъ противника съ фронта и съ фланговъ, изъ деревни Чжаньтанъ отступали разрозненные части стрѣлковыхъ полковъ, понесшихъ наканунѣ большія потери.

Отовсюду длинными веренищами плелись раненые, и видъ ихъ былъ ужасенъ. Тѣхъ, кто не могъ идти, тащили на носилкахъ, на ружьяхъ, на рукахъ, на палкахъ, на чемъ попало. Большинство раненыхъ шли сами кучками, въ-разбродъ и въ-одиночку.

Толпы здоровыхъ и больныхъ людей путались и смѣшивались въ одну общую массу съ обозными повозками, выючными транспортами, съ артиллерійскими орудіями и зарядными ящиками и т. п., и все это тянулось въ деревню Шуанго, подъ защиту отряда генерала Голембатовскаго.

— Ваше благородіе, гдѣ перевязочный пунктъ?.. Братцы, перевязочный пунктъ гдѣ?—надорваннымъ голосомъ выкрикивали раненые, впиваясь мутнымъ взглядомъ то въ офицеровъ, то въ солдатъ, сидѣвшихъ въ окопахъ.

— Не можемъ знать, валите дальше! — отвѣчали солдаты.

И несчастные ковыляли дальше, одни сжимая обѣими руками окровавленную голову, другіе прихрамывая, третьи, опустивъ какъ плети раздробленныя руки, четвертые, согнувшись въ три погибели отъ боли въ пробитомъ животѣ, груди.

Сурово и безучастно смотрѣли мы на измѣнявшіяся передъ нами, какъ въ калейдоскопѣ, страшныя сцены погрома и, собственно, ничего не понимали, что творится вокругъ, — настолько велика была физическая и нравственная усталость, притупившая все живое въ человѣкѣ.

Около 3-хъ часовъ пополудни генераль баронъ Каульбарсъ передалъ командованіе 2-й арміей генералу фонъ-деръ-Лауницу, а самъ поѣхалъ къ войскамъ, сосредоточеннымъ къ западу отъ Мукдена, чтобы лично руководить ими.

Генераль Лауницъ, получивъ свѣдѣнія, что 8-й корпусъ, будучи тѣснимъ японцами съ фронта и съ праваго фланга, находится въ большой опасности, рѣшилъ помочь ему и въ 3 часа 35 минутъ пополудни послалъ генералу Голембатовскому приказаніе за № 62:

„Полкамъ ввѣреннаго вамъ отряда, имѣя въ резервѣ два стрѣлковыхъ полка, занять позицію Цаеньза—Пейтхоцза, фронтомъ на юго-западъ, и выставивъ на позицію всю артиллерію“.

На основаніи этого, генераль Голембатовскій въ 4^{1/2} часа пополудни отдалъ словесное приказаніе:

„Орскому и Замосцкому полкамъ атаковать деревню Пейтхоцза, Бузулукскому—деревню Цаеньза (она же Чаничанъ); Замосцкому полку двигаться правѣе Орскаго и лѣвѣе Бузулукскаго, уступомъ назадъ, и обез-

печить охватъ фланговъ этихъ полковъ; Минскому полку двигаться впередъ на западъ, занять деревню, что къ сѣверу отъ деревни Цаеньза, и тѣмъ способствовать атакѣ послѣдней Бузулукскимъ полкомъ“.

Командующій полкомъ, подполковникъ Святицкій, собралъ около себя всѣхъ офицеровъ полка, ознакомилъ вкратцѣ съ задачей и приказалъ выводить баталіоны изъ деревни, снявъ предварительно снаряженіе.

Въ 5 часовъ вечера полкъ красиво развернулся въ боевой порядокъ и стройными, густыми цѣпами, со знаменемъ въ центрѣ, началъ наступленіе, имѣя справа 1-й баталіонъ, подъ командой подполковника Козлова, слѣва 4-й баталіонъ, подъ командой капитана Рукевича, и въ общемъ резервѣ, продвигавшемся непосредственно за боевою частью, 2-й баталіонъ, подъ командой капитана Плевако, и 3-й баталіонъ, подъ командой подполковника Лисичкина.

Быстрымъ и твердымъ шагомъ, держа равненіе и даже дистанціи, точно парадируя, безостановочно двигались баталіоны, со своими офицерами во главѣ, по открытому полю на виднѣвшуюся впереди, на разстояніи 2-хъ верстъ, непріятельскую деревню.

День былъ какой-то неопредѣленный. Солнце освѣщало насъ справа, въ то время, какъ надъ японцами повисла черная грозовая туча, обѣщавшая либо снѣгъ, либо дождь.

Съ 2,000 шаговъ противникъ обдалъ насъ лавой свинца изъ 8-ми пулеметовъ, 24-хъ скорострѣльныхъ орудій и изъ ружей нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, расположившихся на окраинахъ деревни Чанчанъ, справа, слѣва и впереди ея, за буграми.

Въ первыя минуты не вѣрилось, что полкъ выдержитъ этотъ адскій, стихійный огонь, охватившій

все пространство между нами и атакуемой деревней, но баталіоны шли такъ же красиво и твердо, съ ружьями на плечо, и только ряды судорожно падавшихъ, какъ скошенная трава, солдатъ рѣдили и укорачивали цѣпи.

Дальнѣйшее наступленіе шагомъ было невысказуемо, и офицеры, взмахнувъ шашками, крикнули:

— Впередъ! Бѣгомъ!

Цѣпи перебѣжали рѣчку и очутились въ 300 шагахъ отъ противника.

— Ложись!—раздалась команда.

Баталіоны остановились, упали на землю и открыли пачки.

Однако, наша стрѣльба была мало дѣйствительна, между тѣмъ японцы въ этомъ мѣстѣ наносили намъ жестокия потери.

Представлялось два исхода: бѣжать впередъ или же поворачивать назадъ.

Въ одно мгновеніе поднялись 1-й, 2-й и 4-й баталіоны, люди сплотились по-ротно и съ крикомъ „ура“ устремились на деревню.

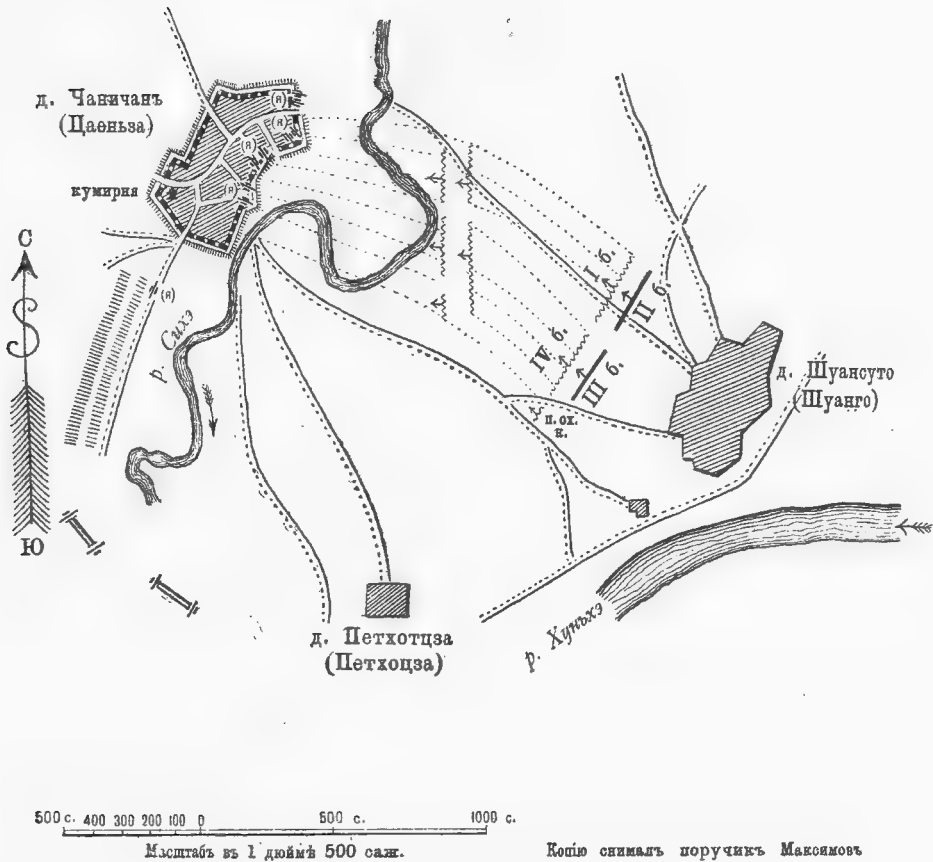
Тутъ ничего не могло сдержать бѣшеной атаки разъяреннаго полка.

— Бей ихъ, братцы!—гаркнулъ подполковникъ Святицкій.

— Бей ихъ!.. бей!..—съ пѣной у рта заорали солдаты и бросились на глинобитныя стѣны сѣверо-восточнаго угла деревни.

Подполковники Святицкій и Козловъ, капитанъ Ружевицъ, штабсъ-капитаны Янышевъ и Андронниковъ, поручики Багриновскій, Шиманскій и Филиповскій и подпоручики Ананьевъ и Сазоновъ, цвѣтъ и

**Атака д. Чаничанъ
17 февраля 1905 г.
215-мъ пѣх. Бузулукскимъ полкомъ.**

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

	...баталіонъ въ дѣли		насыпь
	-- баталіонъ въ развернутомъ строю оъ разомкнутыми рядами		глубокій ровъ
	«а» японскіе пулеметы		глинибитная стѣна
	японскія батареи, стрѣлявшія во флагъ		дорога

гордость полка, первыми вскочили на непріятельскій валъ и увлекли за собой нижнихъ чиновъ.

Солдаты карабкались на стѣны, перепрыгивали черезъ канавы и валы, гнали, колосли, топтали расте-

равшагося врага, обрывки котораго отбѣгали ко второму валу и обстрѣливали насъ оттуда пачками.

Роты приостановились за первымъ валомъ и, минутою передохнувъ, вторично бросились въ штыки и обратили врага въ безпорядочное бѣгство.

Изъ 8-ми пулеметовъ японцамъ удалось увести только два, остальные же и замокъ отъ седьмого пулемета были настигнуты и захвачены, какъ трофеи, 1-й, 5-й, 13-й и 15-й ротами, подъ командой поручика Багриновскаго, капитана Янышева, поручика Шиманскаго и штабсъ-капитана Андронникова, въ то время, когда противникъ пытался увести ихъ, при чемъ наводчики и прислуга были частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ.

— Ура Бузулукскому полку!—въ экстазѣ прокричали командующій полкомъ и уцѣлѣвшіе офицеры.

И это „ура“, неистово подхваченное солдатами, разнеслось далеко по полю и возвѣстило всему отряду генерала Голембатовскаго о славной побѣдѣ Бузулукскаго полка.

Все же горячее дѣло этимъ не кончилось.

Массы обалдѣвшихъ японцевъ забились въ фанзы, канавы, притаились за стѣнами, скирдами гаоляна и пр.

Роты съ боемъ проходили деревню, атакуя, чуть ли ни каждую фанзу и расчищая себѣ путь штыками и прикладами.

Груды тѣлъ убитыхъ и раненыхъ японцевъ нагромождались по обѣимъ сторонамъ улицъ, напоенныхъ ручьями крови.

Громя и уничтожая все на своемъ пути, роты вышли на южную, юго-западную и юго-восточную окраины деревни и заняли здѣсь позицію за стѣнами и валами.

Правый флангъ нашего расположенія былъ прикрытъ сотнею 2-го Дагестанскаго полка и охотничьей командой Минскаго пѣхотнаго полка; лѣвый флангъ охранялся двумя ротами 3-го баталіона.

Затихшая было стрѣльба возобновилась съ наступленіемъ темноты.

Изгнанный изъ деревни, противникъ подкрѣпился свѣжими частями, засѣлъ въ канавахъ, въ 800 шагахъ отъ нашихъ позицій, и всю ночь обстрѣливалъ насъ непрерывнымъ пачечнымъ огнемъ.

Часто непріятельскія цѣпи приближались вплотную къ стѣнамъ деревни, бросались въ энергичныя контръ-атаки, но всякій разъ отбивались дружными залпами ротъ.

— Бузулукцы, не стрѣляйте въ своихъ!—слышались иногда гортанные возгласы у самыхъ стѣнъ.

— Какая рота?—спрашивали наши, недоумѣвая, кто говорить, японцы или свои.

— Вторая!—выкрикивался отвѣтъ.

— Какъ фамилія ротнаго командира?

Вмѣсто отвѣта, послѣ небольшой паузы, посылалась вдругъ брань: „Ахъ вы, оборванцы!“ сопровождаемая ружейными пачками.

Ни одинъ бой, кажется, не обходился безъ подобнаго надувательства со стороны японцевъ. Они всегда были прекрасно освѣдомлены о томъ, кто противъ нихъ дѣйствуетъ.

Около 9 часовъ вечера, когда забранные полкомъ трофеи не были еще приведены въ извѣстность, подполковникъ Святицкій доносилъ генералу Голембатовскому:

„Начальнику отряда.

„Въ деревню Шуанго изъ деревни Чаничанъ.

„Съ ординарцемъ.

„1905 года, 17-го февраля, 9 часовъ 20 минутъ вечера, № 25. Деревня взята нами вся. Японцы бѣжали, часть переколота и взята въ плѣнъ. Взято два пулемета. Часть японцевъ заперлась въ одной фанзѣ; утромъ надѣюсь взять ихъ. Японцы продолжаютъ стоять противъ деревни и стрѣляютъ по насъ; мы отбиваемся залпами. Прошу прислать какой-либо резервъ.

Временно-командующій полкомъ,

подполковникъ Святицкій“.

Позже, на имя командующаго полкомъ отъ Минскаго полка были присланы два письма, не лишеныя интереса.

1) „Подполковнику А. И. Святицкому.

„№ 36.

„Сердечно поздравляю героя сегодняшняго дня. Атака бузулукцевъ неописуема. Это былъ ураганъ, передъ которымъ никто не могъ устоять. Затворъ отъ пулемета, представленный мнѣ рядовымъ 5-й роты Демьяномъ Помощниковымъ, представленъ мною генералу Голембатовскому.

Полковникъ Зубковскій.

(Командиръ Минскаго полка)“.

2) „Командиру Бузулукскаго полка.

„Немедленно сдѣлать распоряженіе выслать всѣ носилки подобрать вашихъ раненыхъ и убитыхъ. Гор-

жусь, что такому храброму полку оказалъ услугу своей пѣшей командой. За вами слѣдитъ весь Минскій полкъ, впереди я съ 1—2 баталіонами. Всѣ въ восторгѣ отъ вашей блестящей атаки.

Подполковникъ

(фамилія неразборчива)“.

Итакъ, полкъ подвизался у деревни Чаничанъ, вполнѣ обезпечивъ стремительной атакой правый флангъ 8-го корпуса, которому, въ виду этого, было приказано безъ особаго распоряженія позицій не очищать, а въ тылу, у деревень Шуанго и Лидяпу, кипѣла иного рода дѣятельность, болѣе скромная, чѣмъ боевая, но зато трудная, отвѣтственная и высокогуманная.

Я говорю о дѣятельности перевязочныхъ пунктовъ нашего и Минскаго полковъ.

Наши врачи, Кочкинъ и Просвирнинъ, работали въ деревнѣ Лидяпу, въ четырехъ верстахъ сѣверо-восточнѣе деревни Шуанго, а въ послѣдней — врачи Минскаго полка.

Оба перевязочные пункта или, вѣрнѣе, обѣ деревни, были завалены ранеными всего отряда генерала Голембатовскаго, и не только въ фанзахъ, но на дворахъ и на улицахъ не было уголка, гдѣ бы не сидѣли, не стояли, не лежали солдаты и офицеры, изъ которыхъ многіе тутъ же умирали.

Можно имѣть понятіе о непосильномъ трудѣ врачей Кочкина и Просвирнина, если они вдвоємъ принимали за ночь свыше 400 раненыхъ.

Столько же, если не больше, было принято и перевязочнымъ пунктомъ Минскаго полка.

Дѣло осложнялось тѣмъ, что ни госпиталей, ни лазаретовъ, ни летучихъ отрядовъ, ни санитарныхъ транспортовъ по близости не было, такъ что вся тягота по перевязкѣ, пропитанію, размѣщенію, уборкѣ съ поля сраженія и транспортированію раненыхъ къ желѣзной дорогѣ легла на полковыхъ врачей и ихъ помощниковъ: фельдшеровъ и санитаровъ.

Санитары, напримѣръ, выносили раненыхъ изъ самыхъ опасныхъ, сильно обстрѣливаемыхъ мѣстъ и не одинъ разъ, а въ теченіе всего боя, безъ передышки путешествуя съ носилками отъ перевязочнаго пункта до позиціи и обратно.

Съ такимъ самоотверженіемъ относились къ дѣлу служенія ближнимъ санитары: Ефимъ Данильченко, Иванъ Фроловъ, Андрей Матюхинъ, Дмитрій Лаптинъ, Прокофій Степановъ, Николай Осиповъ, Петръ Вахрѣевъ, Яковъ Кривоносъ, Яковъ Абросимовъ, Андрей Рыбалка, Андрей Потаповъ, Андрей Дубининъ, Николай Спалкинъ, Николай Ватрушкинъ, Алексѣй Амархановъ, Федоръ Демидовъ, Иванъ Макаровъ, Михайлъ Тепликовъ, Яковъ Портянко, Иванъ Комендантъ, Никифоръ Кириченко, Василій Кургановъ и Петръ Ерошкинъ.

Три офицера, поручикъ Вилинскій, прапорщикъ Чесскій и Чернышевъ, и до 300 нижнихъ чиновъ были изъ строя ранеными, не доходя деревни. Убрать ихъ всѣхъ своевременно, несмотря на старанія врачей и санитаровъ, не было возможности, такъ какъ уборка производилась ночью, и раненые лежали не въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а были разбросаны по всему полю.

Выпавшій вечеромъ небольшой снѣжокъ усугубилъ положеніе несчастныхъ и, хотя случаевъ обморожи-

ванія не было, но тѣмъ не менѣе многіе простудились.

Прапорщика Ческаго, истекшаго кровью, вынесъ съ поля изъ-подъ убійственного ружейнаго огня и доставилъ на перевязочный пунктъ старшій унтеръ-офицеръ Михаилъ Дегтярь черезъ 8 часовъ послѣ пораненія.

Изъ деревни, которую занялъ полкъ, раненые выносились скорѣе, потому что ихъ было легче замѣтить, да и потери въ нижнихъ чинахъ здѣсь были гораздо меньше.

Изъ офицеровъ въ деревнѣ были тяжело ранены: подполковникъ Козловъ, поручикъ Шиманскій и Филиповскій и убитъ подпоручикъ Сазоновъ.

Пораженный тремя пулями—въ руку, ногу и бедро, съ переломомъ кости, подполковникъ Козловъ, лежа на землѣ, не переставалъ командовать баталіономъ до тѣхъ поръ, пока не сдалъ его поручику Багриновскому.

Младшій унтеръ-офицеръ Иванъ Демахинъ съ двумя другими нижними чинами перевязалъ подъ огнемъ противника раны героя-мученика и унесъ его на перевязочный пунктъ...

За нѣсколько часовъ ожесточеннаго боя, разыгравшагося во всѣхъ направленіяхъ, взаимное положеніе нашихъ и японскихъ армій приняло иной характеръ, въ виду чего главнокомандующій около 9 часовъ вечера приказалъ по телефону генералу фонъ-дерб-Лауницу:

„2-й арміи принять болѣе сосредоточенное расположеніе, занявъ линію деревень Тусанпу — Туэльпу, съ резервомъ у Сухудяпу и съ авангардомъ у Таванъганьпу“.

На основаніи распоряженія главнокомандующаго, генераль Лауницъ въ 2 часа 40 минутъ ночи послалъ генералу Голембатовскому приказаніе о немедленномъ отходѣ отряда на деревню Тусанпу.

Генераль Голембатовскій, въ свою очередь, отправилъ письменное приказаніе подполковнику Святицкому въ деревню Цаеньза:

„Бузулукскому и Орскому полкамъ, подъ моимъ начальствомъ, приказано слѣдовать на деревни Шуанго, Лидяпу и Тусанпу, для чего двумъ баталіонамъ Бузулукскаго полка отойти съ занимаемыхъ позицій къ деревнѣ Туанто, на правый флангъ, вслѣдъ за отходомъ съ позиціи Минскаго полка. Два остальныхъ баталіона составятъ боковой авангардъ и слѣдуютъ на ту деревню, которую занималъ сегодня Минскій полкъ, и далѣе—параллельно движенію колонны главныхъ силъ. Боковому авангарду выступить въ 4^{1/2} часа ночи. При отходѣ полка, подобрать всѣхъ раненыхъ на рукахъ или двуколкахъ. Завтра прошу доставить свѣдѣнія объ убитыхъ и раненыхъ“.

На это подполковникъ Святицкій, запиской за № 26, отвѣтилъ:

„Доношу, что отходить изъ занятой деревни придется подъ выстрѣлами, а потому прошу разрѣшенія отойти всему полку прямо на деревню Шуанго ¹⁾ полкъ все время подвергается сильному обстрѣливанію, и японцы нѣсколько разъ переходили въ контръ-атаку“

Вслѣдъ за запиской № 26 командующій полкомъ послалъ записку за № 27, слѣдующаго содержанія:

¹⁾ На нѣкоторыхъ подлинныхъ запискахъ текстъ, написанный карандашомъ, мѣстами стерся и въ настоящемъ очеркѣ обозначенъ пунктиромъ.

„Въ дополненіе къ запискѣ моей № 26, доношу, что всѣ вещевые мѣшки, теплыя валенки и одѣяла оставлены мною въ деревнѣ Шуанго, на той позиціи, какую мы занимали передъ атакой для обороны. Что прикажете дѣлать съ ними? Жду указаній.

„Въ дополненіе записки моей за № 25, доношу, что въ Шуанго мною отправлены еще четыре пулемета и 15 ружей, всего нами взято 6 пулеметовъ ¹⁾, 75 ружей и 68 плѣнныхъ. У насъ потери приблизительно до 450 человекъ“.

Записка эта была возвращена начальникомъ отряда обратно съ надписью на ней карандашомъ:

„Мѣшки забрать съ собой и отходить безъ потерь.

Генераль Голембатовскій“.

Все это приказывалось и доносилось во время усиленныхъ контръ-атакъ противника, и естественно, что при отходѣ потери были и много раненыхъ осталось незабранными, такъ какъ свободныхъ двуколокъ близко не имѣлось, а переноска всѣхъ раненыхъ на рукахъ строевыми нижними чинами задержала бы отступление полка.

Въ 4^{1/2} часа утра 18-го февраля подполковникъ Святницкій приказалъ выводить постепенно роты изъ деревни Цаеньза, чередуя четные номера съ нечетными; дабы не ослаблять сразу огонь на какомъ-либо участкѣ.

Последними вышли 6-я рота и пѣшая охотничья команда (2-я), прикрывавшія отходъ полка и удержи-

¹⁾ Когда посыпалось это донесеніе, не было еще извѣстно, что затворъ отъ седьмого пулемета сданъ рядовымъ Помощниковымъ командиру Минскаго полка.

вавшія противника, который открылъ по дорогѣ сильный перекрестный ружейный огонь.

Разумно задуманный и мастерски выполненный планъ отступленія предохранилъ полкъ отъ перехода противника въ наступленіе.

Въ 5^{1/2} часовъ утра полкъ въ полномъ составѣ прибылъ въ деревню Шуанго, откуда въ 6 часовъ утра весь отрядъ генерала Голембатовскаго направился на деревню Тусанпу.

Полковому перевязочному пункту, находившемуся въ деревнѣ Лидяпу, было приказано немедленно сниматься и двигаться за отрядомъ.

За недостаткомъ санитарныхъ перевозочныхъ средствъ, раненыхъ укладывали на патронныя двуколки, на вьючныя носилки, садили на верховыхъ лошадей; многіе раненые были взяты на носилки санитарями, многіе пошли пѣшкомъ, однако, человекъ двадцать тяжело раненыхъ, вмѣстѣ съ 7—10 человекъ плѣнныхъ раненыхъ японцевъ, было оставлено въ деревнѣ.

Длинный транспортъ, нагруженный несчастными, потянулся по берегу рѣки Хуньхэ къ желѣзнодорожной станціи Сухудяпу.

Легко раненые шли толпами по сторонамъ дороги, слясь поспѣть за ѣдущими.

Сотня дагестанцевъ и взводъ нашего полка, подъ командой поручика Максимова, прикрывали движеніе.

Японцы наступали по пятамъ, подгоняя многочисленную печальную процессію.

Раненые пѣшеходы, выбившіеся изъ силъ отъ предыдущихъ голодовокъ, бессонныхъ дней и ночей, отъ потери крови и едва переводившіе духъ, часто останавливались и спрашивали:

— А далеко ли до станціи?

— Кто его знаетъ, верстъ десять, а то и больше,— слышался неопредѣленный отвѣтъ.

Другой раненый идетъ, идетъ да прямо на дорогѣ и ляжетъ.

— Замаялся?

— Х-ху!.. Тяжело, братцы. Ноги, какъ колоды,— не поднимешь...

— Чтò ноги! Иди! Не то къ япошкамъ угодишь.

И бѣдняга, запуганный „япошками“, судорожно поднимается и какъ-то странно, неестественно представляетъ ноги, шатается и снова падаетъ.

— Ребята. Бога вы не боитесь! Видите, человѣкъ идти не можетъ. Помогите!—укоризненно скажетъ сердобольная душа.

Раненаго берутъ подъ руки и тащатъ.

Счаѣтливая, благодарная улыбка свѣтитъ на его блѣдномъ, вспотѣломъ лицѣ, и онъ съ удвоенной энергіей болтаетъ одеревенѣвшими ногами.

А вотъ два солдатика, обнявшись какъ дѣвѣнцы, опережаютъ раненаго офицера. У одного изъ нихъ подмышкой большущій каравай хлѣба. У офицера глаза разгораются. Съ какимъ аппетитомъ съѣлъ бы онъ кусочекъ чернаго хлѣба!

— Братцы, дайте мнѣ корочку, ѣсть хочется!— обращается онъ къ солдатамъ.

Тѣ впиваются въ него мутнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ.

— Ваше благородіе, съ полнымъ бы нашимъ удовольствіемъ, да ножа нѣтъ, отрѣзать нечѣмъ! Мы вотъ тоже голодаемъ и ничего подѣлать не можемъ, потому, ножа нѣтъ. И тащить-то эту штуку, хлѣбъ, тяжело.

— Отломите!..

Нужно было видѣть ту ребяческую радость, какая охватила солдатъ, когда офицеръ сказалъ: „отломите!“ Они съ жадностью набросились на хлѣбъ, мигомъ разорвали его на части и стали ѣсть.

— Ваше благородіе, покорнѣйше благодаримъ васъ... Отломите!.. И впрямь отломить, а мы не сообразили... Э-эхъ, обалдѣли мы, совсѣмъ обалдѣли!..

И сколько такихъ примѣровъ обалдѣнія приходилось наблюдать на войнѣ!

Изматается человѣкъ—и Богъ знаетъ, чего только съ нимъ не творится.

Съ горемъ да съ бѣдой добрались, наконецъ, раненые до станціи Сухудяшу и безъ особыхъ хлопотъ были приняты въ санитарный поѣздъ, увезшій всѣхъ ихъ въ Мукденъ.

Въ бою 17-го февраля полкъ понесъ потери: изъ 25 участвовавшихъ офицеровъ ранено 6, убитъ 1; нижнихъ чиновъ ранено 370, убито 49 и безъ вѣсти пропало 58.

Патроновъ выпущено 78 тысячъ.

Изъ состава офицеровъ выбыли лучшія силы.

Съ глубокимъ соболѣзнованіемъ оплакивалъ полкъ славную смерть подпоручика Сазонова, пораженнаго непріятельской пулей въ високъ.

Этотъ юноша окончилъ въ 1904 году курсъ московскаго военнаго училища и въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ назначенъ въ Бузулукскій полкъ. Чистою душою своей отдался онъ опасному дѣлу и, въ концѣ концовъ, ради этого дѣла, пожертвовалъ своею жизнью.

Сверстникъ его по лѣтамъ и двойникъ по душѣ, подпоручикъ Лебедевъ, посвятилъ памяти незабвеннаго юноши простое, но искреннее стихотвореніе, вы-

ражающее тѣ чувства, которыя питали мы къ погибшему товарищу.

Вотъ оно:

«Ты пріѣхалъ въ нашъ полкъ, точно счастье
И веселье, и юность принесъ,
Заронивъ въ наше царство ненастья
Искры милыхъ, плѣнительныхъ грезъ.
Мы всѣ такъ истомились душою,
Состарѣлись въ тяжелыхъ бояхъ,
Что казалась намъ дерзкой мечтою
Юность въ этихъ ужасныхъ краяхъ.
Вѣчный бой, крики, стоны, страданье,
Ходимъ сутками точно въ чаду,
Лишь одно только чести сознанье
Не терялося въ этомъ аду.
И какъ вдругъ лучезарной звѣздой
Межъ измученныхъ боемъ людей
Ты пришелъ, ободряя простою,
Дѣтски чистой душою своей.
Къ намъ какъ будто бы вновь заглянула
На минутку шалунья весна
И, какъ въ старые годы, вдохнула
Вѣру въ счастье и юность она.
При твоёмъ появленіи первомъ,
Веселѣй стали лица у всѣхъ,
И на отдыхъ истрепаннымъ нервамъ
Беззаботный полился твой смѣхъ.
Но въ бою за стѣной Чаничана,
Въ томъ бою, гдѣ геройскій нашъ полкъ
Проявилъ мощь и волю титана,
Юный голосъ навѣки умолкъ.
Спи, товарищъ, спи, милый ребенокъ,
Между нами живетъ образъ твой:
Такъ же чистъ, такъ же милъ, такъ же кротокъ,
Такъ же манитъ впередъ за собой!»

Какъ ни велико было численное ослабленіе полка послѣ чаничанскаго боя, какъ ни дороги были принесенныя этому дѣлу человѣческія жертвы, духовная мощь полка сохранилась въ прежней силѣ.

Въ строю остались цѣлыми и невредимыми герои Чаничана: командующій полкомъ, подполковникъ Свѣ-

тицкій, капитаны: Рукевичъ, Янышевъ, штабсъ-капитанъ Андронниковъ, поручикъ Багриновскій, подпоручикъ Ананьевъ и другіе, а также много нижнихъ чиновъ; на горбу своемъ безропотно вынесшихъ всю тяжесть боя.

Назову имена ихъ:

Заурядъ-прапорщики: Спротинъ, Федосіенко, Панковъ, Чеботковъ; старшій унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Александръ Головинъ; фельдфебеля: Алексѣй Зуйковъ, Иванъ Кругловъ, Иванъ Семенычевъ, Андрей Петровъ; старшіе унтеръ-офицеры: Степанъ Демидовъ, Петръ Агѣевъ, Федоръ Игнатьевъ, Иванъ Кузнецовъ, Емельянъ Фомичевъ, Филимонъ Трошинъ, Михаилъ Васильевъ, Алексѣй Ивановъ, Федоръ Бураковъ, Михаилъ Гусаровъ, Петръ Полярушъ, Никонъ Енченко, Иванъ Ашмаринъ, Гавріилъ Чихиревъ, Федотъ Багрицовъ, Михаилъ Дегтярь, Иванъ Пономаренко, Маркъ Барановскій, Федоръ Федоровъ, Евдокимъ Горбачовъ, Алексѣй Масловъ, Иванъ Озерновъ, Акакій Букинъ, Василій Лукьяновъ, Иванъ Дадинъ, Иванъ Фоменко, Иванъ Борисовъ, Герасимъ Ефремовъ; младшіе унтеръ-офицеры: Яковъ Савельевъ, Михаилъ Синицынъ, Семень Десятчинковъ, Павелъ Ждановъ, Яковъ Понежа, Иванъ Колевъ, Иванъ Каргаловъ, Артемій Колесниковъ, Евтихій Бреусъ, Павелъ Ищенко, Тимофей Шелихмановъ и Алексѣй Ходыревъ при атакѣ деревни шли во главѣ своихъ взводовъ и отдѣленій. въ числѣ первыхъ ворвались въ деревню, отлично распоряжались въ бою, служба примѣромъ храбрости для подчиненныхъ.

Ефрейтора: Петръ Кондратьевъ, Алексѣй Шашковъ, Иванъ Храмцовъ, Моисей Лиссеръ, Яковъ Матеровъ, Константинъ Платоновъ, Петръ Обмоинъ, Иванъ Воронцовъ, Федоръ Остриковъ, Митрофанъ

Лаптевъ, Степанъ Иваненко, Трофимъ Ильченко. Ивашъ Ворожцовъ, Василій Меркушовъ, Иванъ Бугровъ, Илларіонъ Ильинъ, Ефимъ Плѣшановъ, Илья Пошковъ, Григорій Фрыснъ; рядовые: Прокофій Чиновъ, Григорій Симоновъ, Павелъ Оногеновъ, Иванъ Ивановъ, Василій Смолинъ, Кузьма Лифровъ, Василій Рогожинъ, Андрей Ларіоновъ, Сергѣй Кузоваткинъ, Иванъ Сладковъ, Михаилъ Архиповъ, Семень Чесноковъ, Иванъ Роченко, Осипъ Сидѣнко, Пейся Школьникъ, Степанъ Козубовъ, Левъ Хитрый, Яковъ Озоловъ, Яковъ Мурзасвъ, Анисимъ Голнъ, Федоръ Озоловъ, Салаатдинъ Шагоутдиновъ, Владиміръ Поповъ, Егоръ Корсаковъ, Анисимъ Сыркинъ, Иванъ Григорьевъ, Артемій Козловъ, Иванъ Имахинъ, Федоръ Мѣщаниновъ, Иванъ Точеновъ, Алексѣй Осіенко, Василій Воробьевъ, Федоръ Айдинаеръ, Иванъ Григорьевъ, Иванъ Зиновьевъ, Илларіонъ Прохоровъ, Никифоръ Москаленко, Василій Горбачевъ, Василій Зотовъ, Иванъ Пбауръ и Романъ Березнякъ впереди другихъ вѣбжали въ атакуемую деревню, сбили противника съ позиціи и, когда подосѣли остальные нижніе чины, выгнали его изъ деревни.

Старшіе унтеръ-офицеры: Михаилъ Гусаровъ, Каленикъ Запорожець, Петръ Шапочниковъ, Василій Владиміровъ, Степанъ Земляновъ; младшіе унтеръ-офицеры: Михаилъ Черкасовъ, Евдокимъ Ханинъ; ефрейтора: Семень Доронинъ, Федоръ Волковъ; рядовые: Сергѣй Евдокимовъ, Данилъ Помощниковъ, Семень Музилевъ. Оленки и Михаилъ Малендо вырвали изъ рукъ японцевъ увозимые ими пулеметы, при этомъ часть прислуги перекололи, часть взяли въ плѣнъ.

Почти всѣ изъ поименованныхъ нижнихъ чиновъ награждены знаками отличія военнаго ордена различныхъ степеней.

XX.

18-е февраля.

Въ 9 часовъ утра 18-го февраля отрядъ генерала Голембатовскаго подошелъ къ деревнѣ Тусанпу и сдѣлалъ здѣсь привалъ.

Около 8-ми часовъ утра передъ деревней Тусанпу, со стороны деревень Лидяпу и Цаодяпу, появились передовыя части противника.

Генераль Голембатовскій словесно приказалъ:

„Орскому полку занять позицію къ востоку отъ деревни Тусанпу, фронтомъ на югъ. Бузулукскому полку занять юго-западную окраину деревни Тусанпу и далѣе до роши, сѣвернѣе ея, фронтомъ на западъ“.

Позиціи были немедленно заняты.

Въ 11 часовъ утра начальникъ отряда получилъ изъ штаба 2-й арміи письменное приказаніе:

„Временно-командующій арміей возлагаетъ на васъ задачу прикрытія Сухудяпу съ сѣвера и сѣверо-запада, занявъ для этого позицію на правомъ берегу Хуньхэ. Прошу обрекогносцировать позицію и освѣдомить штабъ о предполагаемомъ занятіи ея. Поддерживайте связь налѣво съ генералъ-лейтенантомъ Ивановымъ и сообразуйте свои дѣйствія съ нимъ во время его нахождения на лѣвомъ берегу Хуньхэ, у Сухудяпу“.

Въ 12 часовъ дня японская артиллерія открыла сильный огонь по деревнѣ Тусанпу.

Двѣ наши батареи быстро выѣхали на позицію и отвѣтили бѣглымъ огнемъ, настолько мѣткимъ и раз-

рушительнымъ, что японцы пріостановили наступленіе и даже отошли нѣсколько назадъ, а батареи ихъ, сбитыя нашимъ артиллерійскимъ огнемъ, принуждены были сняться съ позицій—и прекратили стрѣльбу.

Въ то же время, къ сѣверу отъ деревни Сухудяпу, было замѣчено движеніе небольшихъ частей противника, угрожавшихъ обходомъ фланга отряда, вслѣдствіе чего генералу Голембатовскому въ 2 часа пополудни было дано изъ штаба 2-й арміи новое приказаніе:

„Благоволите принять немедленные мѣры для исполненія распоряженія временно-командующаго арміей относительно обезпеченія Сухудяпу съ сѣвера и сѣверо-запада. По свѣдѣніямъ конницы, къ сѣверу отъ Сухудяпу уже появились части противника, открывшія артиллерійскій огонь, не долетавшій до Сухудяпу всего только на одну версту“.

По полученіи сего, генераль Голембатовскій распорядился:

„241-му пѣхотному Орскому полку отойти на деревню Айдяпу, которую и занять для обороны; 215-му пѣхотному Бузулукскому полку отойти на деревни Хлады—Далинцу; артиллеріи прикрывать отходъ и затѣмъ занять позицію къ югу отъ деревни Хлады“.

Какъ только отрядъ занялъ указанные позиціи, японцы открыли по деревнѣ Айдяпу сильный артиллерійскій огонь, на который наши батареи удачно отвѣчали.

Въ 4 часа пополудни, для обезпеченія Сухудяпу съ сѣвера и сѣверо-запада, временно-командующій арміей приказалъ генералу Голембатовскому отвести отрядъ на высоту деревни Тунхайца (къ сѣверо-западу отъ Сухудяпу).

Начальникъ отряда сдѣлалъ распоряженіе:

„Орскому полку отойти и занять Южную Тунхайцза, а Бузулукскому, съ 5-й батареей 28-й артиллерійской бригады и 4-й Забайкальской казачьей батареей—сѣверную Тунхайцза. Я буду находиться при 215-мъ полку“.

Полки и батареи отошли въ сумеркахъ, а около 9-ти часовъ вечера заняли деревни.

Вечеромъ наши разъѣзды, высланные къ деревнѣ Сухудяпу, донесли, что эта деревня оставлена нашими войсками и занята противникомъ.

Генераль Голембатовскій, предполагая, что утромъ японцы могутъ перейти значительными силами въ наступленіе и припереть отрядъ къ рѣкѣ, изъ-за опасенія за участь артиллеріи, рѣшилъ отвести ее ночью же на лѣвый берегъ Хуньхэ, откуда и прикрыть ее огнемъ отходъ пѣхоты отряда, если противникъ атакуетъ его.

Ночью 5-я батарея 28-й артиллерійской бригады и 4-я Забайкальская казачья батарея, съ однимъ баталіономъ полка, переправились на лѣвый берегъ Хуньхэ между деревнями Сухудяпу и Эльтхайцзы и заняли позицію между послѣдней деревней и Худяпу (противъ деревни Ляндяпу).

Три баталіона полка расположились по фанзамъ деревни Сѣверная Тунхайцза, а одинъ баталіонъ былъ выставленъ въ сторожевое охраненіе бивака.

XXI.

Бой у деревни Тунхайца, 19-го февраля.

Около 2-хъ часовъ утра 19-го февраля разъѣзды 2-го Дагестанскаго полка, всю ночь слѣдившіе за противникомъ, сообщили о движеніи большихъ непріятельскихъ колоннъ къ рѣкѣ Хуньхэ, по направленію къ деревнѣ Сухудяпу.

Генераль Голембатовскій, получивъ эти свѣдѣнія, словесно распорядился:

„Артиллеріи немедленно, подъ прикрытіемъ одного баталіона Бузулукскаго полка, отходить на деревню Мадяпу; остальнымъ баталіонамъ полка оставаться въ деревнѣ Сѣверная Тунхайца. Я буду при артиллеріи“.

Во исполненіе сего приказанія, артиллерія и 1-й баталіонъ полка тотчасъ же выступили на деревню Мадяпу.

Около 4-хъ часовъ утра, со стороны деревни Сюодяпу, густыя непріятельскія цѣпи повели наступленіе на занимаемую полкомъ деревню, а со стороны деревни Айдяпу (съ сѣверо-запада) показалась японская кавалерія.

По приказанію подполковника Святицкаго, 2-й и 4-й баталіоны заняли боевымъ порядкомъ западную и сѣверную окраины деревни, а 3-й баталіонъ составилъ резервъ и расположился непосредственно за боевой частью.

Въ 6 часовъ утра двѣ батареи непріятельской артиллеріи встали между деревнями Сюодяпу и Айдяпу

и открыли по деревнѣ Сѣверной Тунхайцза сильнѣйшій перекрестный огонь.

Деревня заволоклась чернымъ, удушливымъ дымомъ лопавшихся шимозъ и шрапнелей, и не было мѣстечка, которое не засыпалось бы осколками снарядовъ и шрапнельными пулями.

Невысокія, полуразрушенныя глинобитныя стѣны деревни плохо защищали полкъ отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи, а такъ какъ у насъ ни одного орудія не было, то японцы совершенно безпрепятственно развили артиллерійскій огонь до крайней степени мѣткости, силы и скорострѣльности.

Въ то же время около дивизіи японской пѣхоты съ пулеметами и нѣсколько эскадроновъ кавалеріи обложили деревню Сѣверную Тунхайцза съ западной, сѣверо-западной и южной сторонъ и открыли пачечный ружейный и пулеметный огонь.

Полкъ отвѣчалъ непрерывными мѣткими залпами, приостановившими наступленіе противника.

Между тѣмъ Орскій полкъ, занимавшій деревню Южную Тунхайцза и понесшій за это утро ничтожный уронъ, неожиданно покинулъ деревню и началъ быстро отходить на востокъ.

Узнавъ объ этомъ, командующій полкомъ приказалъ прикрыть отступленіе орцевъ ружейными пачками, принудившими японскія цѣпи поспѣшно отойти назадъ.

Съ отходомъ Орскаго полка, наши баталіоны остались одни лицомъ къ лицу съ превосходными силами противника, который вскорѣ сильными колоннами, подъ прикрытіемъ густыхъ цѣпей, перешелъ въ наступленіе на деревню Сѣверную Тунхайцза изъ-за деревень Сяодяпу и Айдяпу, при чемъ боковыя непріа-

тельскія части, пѣхотныя и кавалерійскія, постепенно охватывали насъ съ фланговъ, съ намѣреніемъ отрѣзать путь отступленія.

Въ 8 часовъ 20 минутъ утра командующій полкомъ отправилъ черезъ ординарца донесеніе генералу Голембатовскому:

„Съ юга наступаетъ на деревню Большую Тунхайцза до двухъ полковъ пѣхоты. Съ запада, отъ Сяодяпу, видны густыя цѣпи и оттуда стрѣляютъ японская артиллерія и пулеметы. Деревня Тунхайцза сильно обстрѣливается ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Командиръ Орскаго полка прислалъ съ офицеромъ сказать мнѣ, что онъ отходитъ назадъ“.

Посланный съ этою запиской казакъ 2-го Дагестанскаго полка начальника отряда не нашелъ и возвратилъ записку командующему полкомъ.

Въ теченіе трехъ часовъ баталіоны отбивались залпами и пачками отъ энергичныхъ натисковъ противника, и замѣчательно, что японцы, несмотря на громадный перевѣсъ въ войскахъ разнаго рода оружія, не могли совладать съ горстью брошенныхъ на произволь судьбы голодныхъ и переутомленныхъ людей.

Въ 10¹/₂ часовъ утра подполковникъ Святицкій, не получая никакихъ распоряженій отъ начальника отряда и не имѣя ни съ кѣмъ никакой связи, рѣшилъ, въ виду критическаго положенія полка, окруженнаго съ трехъ сторонъ непріятельскою пѣхотой, артиллеріей и кавалеріей, очистить деревню Сѣверную Тунхайцза.

Едва только наши роты стали отходить на сѣверо-востокъ, какъ японцы заняли покинутую нами деревню и преслѣдовали насъ бѣглымъ артиллерій-

скимъ огнемъ съ близкихъ разстояній, а также сильнымъ пачечнымъ ружейнымъ огнемъ продвигавшихся впередъ пѣхотныхъ частей.

Полку угрожала опасность быть настигнутымъ и раздавленнымъ врагомъ.

Поэтому, подполковникъ Святицкій остановилъ полкъ, не доходя деревни Мадяпу, и приказалъ занять находившійся у дороги подковообразный валъ.

Приказаніе было мгновенно исполнено, и баталіоны встрѣтили цѣпи преслѣдовавшаго насъ противника убійственными пачками.

Такой внезапный для японцевъ сюрпризъ повернулъ ихъ обратно въ деревню Тунхайцза.

Тогда полкъ снова началъ отходить, но у деревни Таюшену подвергся фланговому нападенію трехъ эскадроновъ непріятельской кавалеріи.

Эскадроны бросились на насъ въ атаку, но своевременно произведенными ружейными залпами были быстро разсѣяны, послѣ чего баталіоны переправились у строившагося деревяннаго моста черезъ р. Хуньхэ и въ 12^{1/2} часовъ дня подошли къ деревнѣ Мадяпу.

Здѣсь на имя командующаго полкомъ получилаcя записка:

„№ 70 (годъ, число, мѣсяць и мѣсто отправленія не проставлены). Командующій арміею приказалъ отвести ввѣренный вамъ полкъ въ общій резервъ 2-й арміи, въ деревню Сатхоза.

Полковникъ

(фамилія неразборчива)“.

Согласно этой записки, полкъ безостановочно продолжалъ путь и вскорѣ прибылъ въ деревню Сатхоза,

гдѣ отъ генераль-лейтенанта Рузскаго было получено приказаніе такого содержанія:

„Командиру 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка.

„1905 года, 19/II, 4 час. 20 мин. дня (безъ номера).

Временно-командующій арміей приказалъ: отходящимъ частямъ ввѣреннаго вамъ полка войти въ составъ общаго резерва арміи, находящагося подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Ганненфельда“.

Полкъ остановился на ночевку въ полѣ, у деревни Сатхоза.

Солдаты составили ружья и зажгли костры.

Около 7 часовъ вечера, по приказанію генерала Ганненфельда, двѣ роты, 9-я и 10-я, были назначены въ прикрытіе къ стоявшей невдалекѣ 5-й Сибирской поршневой батарее.

Въ бою 19-го февраля полкъ понесъ потери: изъ участвовавшихъ 18 офицеровъ ранены: подполковникъ Лисичкинъ и поручикъ Богдановскій и забрапы въ плѣнъ ранеными: штабсъ-капитанъ Тетеринъ и поручики Колосовскій и Трофимовъ; нижнихъ чиновъ убито 20, ранено 132, безъ вѣсти пропало 59.

Патроновъ выпущено 50 тысячъ.

Большинство раненыхъ осталось на полѣ сраженія, нѣкоторые же были подобраны полковыми врачами Кочкинымъ и Просвиринымъ, при помощи санитаровъ: Дмитрія Лисина, Кузьмы Балабашина, Семена Семдянова, Артемія Иванова, Ивана Коменданта, Никифора Кириченко, Ефима Иванова, Андрея Модина и другихъ.

Изъ нижнихъ чиновъ въ этомъ бою отличилсь выдающейся храбростью, находчивостью и распорядительностью старшіе унтеръ-офицеры: Иванъ Фоменко, Василій Красновъ, Тихонъ Гусевъ, Михаилъ Безру-

ковъ, Никифоръ Тупиковъ, Трофимъ Бурдейный, Александръ Карповъ; младшіе унтеръ-офицеры: Артемій Каленикъ, Іосифъ Даниленко, Григорій Карташевъ, Иванъ Евстюшкинъ, Василій Мельниковъ, Алексѣй Іоновъ, и рядовые: Григорій Петровнинъ, Исакъ Русанъ и Андрей Ларіоновъ.

XXI.

Бой у деревни Янсынтунъ, 21-го февраля.

Ночь съ 19-го на 20-е полкъ провелъ безъ сна у зажженныхъ въ полѣ костровъ.

Начиная съ 16-го февраля офицеры и солдаты не видѣли горячей пищи, не знали ни сна, ни отдыха.

Запасъ сухарей тоже истощился. По пути въ деревню Сатхоза удалось достать у проходившихъ частей немного мясныхъ консервовъ, но ими едва ли удовлетворилась даже меньшая половина полка.

Единственно, чѣмъ поддерживали свои истощенныя силы солдаты, такъ это чаемъ, приготовленнымъ въ эту ночь на кострахъ.

Не поддаются описанію тѣ ужасы и лишения, которые претерпѣлъ полкъ за время съ 16-го по 20-е февраля.

Оборванные и грязные, съ желтыми, исхудалыми лицами, съ воспаленными глазами, блестящими, какъ въ горячкѣ, лихорадочнымъ огнемъ, офицеры и солдаты въ красномъ свѣтѣ костровъ были похожи не на людей, а скорѣе на выходцевъ съ того свѣта.

Требовался продолжительный, безмятежный отдыхъ, требовалось своего рода леченіе, чтобы исцѣ-

лить ихъ духовныя и физическія недуги, чтобы сколько-нибудь привести всѣхъ ихъ въ нормальное состояніе, но, увы! — ни того, ни другого не предвидѣлось.

Въ 5 часовъ утра 20-го февраля генералъ Ганненфельдъ отдалъ словесное приказаніе:

„Бузулукскому полку, вмѣстѣ съ Минскимъ и Замосцкимъ полками, подѣ моимъ начальствомъ, немедленно выступить на деревню Таану, въ резервъ отряда генерала Церпицкаго. Я буду при Минскомъ полку“.

На разсвѣтѣ полкъ, съ присоединившимся къ нему 1-мъ баталіономъ, командированнымъ наканунѣ въ охрану артиллеріи, выступилъ на деревню Таану, куда прибылъ около полудня и расположился у восточной окраины деревни.

Въ то же время Минскій полкъ занялъ деревню Янсынтунъ, версты на двѣ западнѣе деревни Таану.

Обѣ деревни и промежутокъ между ними съ утра до вечера обстрѣливались сильнымъ, сосредоточеннымъ огнемъ непріятельской артиллеріи.

Раннимъ утромъ 21-го февраля японцы возобновили артиллерійскую стрѣльбу, а къ полудню довели ее до небывалаго напряженія.

Не выходя изъ сферы артиллерійскаго огня, полкъ до 2-хъ часовъ дня бездѣйствовалъ; минцы же отбивали бѣшенныя атаки японской пѣхоты на деревню Янсынтунъ.

Къ 2-мъ часамъ дня противникъ въ превосходныхъ силахъ охватилъ дугой занятую минцами деревню и готовъ былъ задавить стойко сопротивлявшійся полкъ.

Тогда Бузулукскому полку было приказано немедленно развернуться и двигаться на помощь минцамъ. Подполковникъ Святицкій вывелъ баталіоны изъ-за деревни и рассыпалъ ихъ цѣпями.

Вдругъ, въ этотъ моментъ, на полѣ, въ дыму рвавшихся непріятельскихъ снарядовъ, показалась кавалькада всадниковъ, съ необыкновенной быстротой приближавшаяся къ полку.

— Молодцы-бузулукцы! Я слыхалъ о вашей доблести!—прогремѣлъ могучій голосъ одного изъ всадниковъ, съ обнаженной сѣдой головой влетѣвшаго, стоя на стременахъ, въ ряды изумленного невиданнымъ зрѣлищемъ полка.

— Молодцы-бузулукцы, на минцевъ насѣдаютъ японцы. Помогите имъ!.. Съ Богомъ!.. Ура!..

Слова эти принадлежали симпатичному старику-генералу Церпицкому и были произнесены съ такимъ горячимъ воодушевленіемъ, что офицеры и солдаты, точно наэлектризованные, съ крикомъ „ура“ неудержимо, какъ вихрь, бросились впередъ.

Во главѣ цѣпей, верхомъ на лошади, мчался командующій полкомъ, подполковникъ Святицкій, въ догонку за нимъ неслась боевая часть изъ 1-го баталіона, подъ командой штабсъ-капитана Янышева, и 11-й и 12-й роты; въ непосредственномъ резервѣ за ними слѣдовали 2-й баталіонъ, подъ командой капитана Плевако, и 3-й баталіонъ, подъ командой поручика Загуляева.

Японцы съ дальняго разстоянія осыпали баталіоны адскимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, но всѣ попытки врага остановить движеніе оказались тщетными.

Черезъ четверть часа баталіоны широкой волной влились въ цѣпи Минскаго полка, моментально отбросили японцевъ отъ деревни Янсынтунъ и преслѣдовали разстроенныя и обращенныя въ бѣгство цѣпи противника учащенными ружейными пачками, нанеся имъ громадный уронъ.

Велика была общая радость, когда наша помощь доблестному Минскому полку, поддержавшему насъ въ дѣлѣ 17-го февраля, принесла столь блестящіе результаты въ настоящемъ бою.

Въ сумеркахъ Бузулукскій полкъ, совмѣстно съ Минскимъ, занялъ оборонительную позицію на окраинахъ деревни и выставилъ впереди сторожевое охраненіе.

Артиллерійская стрѣльба противника прекратилась, а ружейная значительно ослабѣла.

Около 7 часовъ вечера къ полку подошли, наконецъ, походныя кухни съ горячей пищей, которая и была роздана офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Ночью японцы опять перешли въ наступленіе на деревню Янсынтунъ и ими было произведено отъ 6-ти до 8-ми энергичныхъ атакъ, успѣшно отбитыхъ нашимъ ружейнымъ огнемъ, при этомъ рѣдкой отвагой и распорядительностью отличались, помимо офицеровъ, нижніе чины: заурядъ-прапорщики: Бухало и Чечельницкій; фельдфебеля: Григорій Павловъ и Илья Сусликовъ; старшіе унтеръ-офицеры: Иванъ Мищенко, Василій Вотяковъ, Іосифъ Явецкій, Василій Григорьевъ, Иванъ Гребенюкъ, Иванъ Чарыковъ, Аюпъ Ехимаевъ, Кузьма Спиридоновичевъ, Павелъ Городянский, Павелъ Петровъ, Осипъ Поповъ; младшіе унтеръ-офицеры: Василій Фоминъ, Осипъ Коваленко, Тимофей Федоренко, Артемій Колесникъ, Павелъ Ищенко; ефрейторъ Николай Башевъ и рядовые: Степанъ Савушкинъ, Андріанъ Иващенко, Степанъ Рынковскій, Кондратій Караученко, Иванъ Зиновьевъ, Кузьма Окуневъ, Сафіулла Гузѣевъ, Герасимъ Вертковъ и Семенъ Семдяновъ.

Около часу ночи, когда угрожавшая Минскому полку опасность миновала и японцы успокоились, 1-й,

2-й и 3-й баталіоны Бузулукскаго полка, согласно приказанія командира Минскаго полка, полковника Зубковскаго, отошли къ деревнѣ Таапу, а 4-й баталіонъ, впредь до особаго распоряженія, остался въ деревнѣ Янсынтунь.

Въ бою 21-го февраля полкъ понесъ потери: изъ 10 участвовавшихъ офицеровъ раненъ поручикъ Багариновскій; нижнихъ чиновъ убито 25, ранено 328, безъ вѣсти пропало 12.

Патроновъ выпущено 32 тысячи.

Раненые доставлялись на полковой перевязочный пунктъ, открытый съ 4-хъ часовъ пополудни 21-го февраля въ деревнѣ Ляндіюпа.

За ночь врачи Кочкинъ, Просвирнинъ, Трейманъ, Блитштейнъ и Пономаревъ приняли свыше 300 раненыхъ и къ утру слѣдующаго дня транспортировали всѣхъ ихъ въ Мукденъ.

XXIII.

Бой у деревни Кандятунь, 22-го, 23-го и 24-го февраля.

Около 2-хъ часовъ ночи съ 21-го на 22-е февраля полкъ, выполнивъ возложенную на него задачу, возвратился изъ деревни Янсынтунь въ деревню Таапу и здѣсь тотчасъ же получилъ словесное приказаніе генерала Ганненфельда:

„Немедленно итти въ деревню Кандятунь, которую занимаетъ 56-й пѣхотный Житомирскій полкъ, и поступить въ распоряженіе генераль-лейтенанта Русанова“.

Спустя часъ, полкъ прибылъ въ деревню Кандятунъ, гдѣ отъ генерала Русанова было получено слѣдующее письменное приказаніе:

„Командиру 215-го Бузулукскаго полка.

„1905 года, 22-го февраля, № 173, 1 часъ 20 минутъ утра.

„Одинъ баталіонъ Бузулукскаго полка долженъ быть оставленъ въ Фугонтунъ для ночныхъ работъ и дежурнымъ, три остальныхъ баталіона приведите немедленно въ Кангыатунъ; изъ нихъ 6 ротъ должны поступить теперь же въ распоряженіе командира Житомирскаго полка и стать въ промежуткѣ селеній Кангыатунъ и Саосатхоза, для прикрытія на ночь отъ прорыва между ними и колонною генерала Петрова. На разсвѣтѣ эти три баталіона возвращаются въ Таапу и составляютъ резервъ участка обороны линіи Янсынтунъ-Кангыатунъ, въ моемъ распоряженіи ¹⁾).

Генераль Русановъ“.

По дополнительному приказанію генерала Русанова, 4-й баталіонъ, подъ командой капитана Рукевича, продолжалъ оставаться въ деревнѣ Янсынтунъ вмѣстѣ съ минцами, а 9-я и 10-я роты прикрывали 5-й мортирный полкъ; 1-й баталіонъ, подъ командой штабсъ-капитана Янышева, немедленно усилилъ боевую линію Житомирскаго полка у деревни Кандятунъ; 2-й баталіонъ, подъ командой капитана Плевако, и 11-я и 12-я роты вошли въ общій резервъ, поставленный позади деревни Кандятунъ.

¹⁾ Записка эта запоздала вслѣдствіе того, что посланный повозъ ее въ деревню Янсынтунъ, потомъ вслѣдъ за полкомъ въ деревню Таапу и вручилъ ее по принадлежности, по прибытіи полка въ деревню Кандятунъ.

Съ разсвѣтомъ усиленно загрохотали наши и японскія орудія.

Весь день деревни Кандятунъ и Янсынтунъ забрасывались непріятельскими снарядами и обстрѣливались непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ, на который мы отвѣчали пачками и залпами.

Къ 6-ти часамъ вечера артиллерійскій огонь прекратился, но ружейный поддерживался неослабно.

Въ 8 часовъ вечера 5-я и 6-я роты полка и пѣшая охотничья команда были выдвинуты къ югу отъ деревни Кандятунъ, для заполненія прорыва между нами и Замосцкимъ полкомъ и для связи съ симъ послѣднимъ, 11-я и 12-я роты выдвинулись къ сѣверу, для связи съ Минскимъ полкомъ; въ общемъ резервъ остались 7-я и 8-я роты.

Часовъ около 9-ти вечера густыя непріятельскія цѣпи повели наступленіе на линію деревень Кандятунъ—Янсынтунъ, обхватили наши фланги и бросились въ атаку на насъ, но повсемѣстно были отбиты ружейнымъ огнемъ съ большимъ урономъ.

У деревни Кандятунъ противникъ подходилъ вплотную къ занимаемымъ нами окопамъ, поэтому, нѣкоторыя изъ ротъ полка вышли изъ-за прикрытій и бросились въ штыки на японцевъ, отогнали ихъ, захватили въ плѣнъ 8 раненыхъ 3-хъ здоровыхъ нижнихъ чиновъ и подобрали брошенныя непріателемъ 18 ружей и пачки патроновъ.

Въ 9^{1/2} часовъ вечера командующій полкомъ отправилъ подъ конвоемъ ружья, а также 6 пулеметовъ, взятыхъ у деревни Чаничанъ, въ штабъ 10-го армейскаго корпуса при запискѣ такого содержанія:

„Въ штабъ 10-го армейскаго корпуса.

„1905 года, 22-го февраля, 9 часовъ 20 минутъ вечера, № 58. Изъ деревни Кандятунъ.

„При семъ препровождаю 6 пулеметовъ и 75 ружей, отбитыхъ 215-мъ полкомъ отъ японцевъ въ деревнѣ Чаничанъ, 17-го февраля, а также 18 ружей и патроны, взятые у японцевъ при отбитіи совместно съ Житомирскимъ полкомъ ихъ атакъ на деревню Кандятунъ, въ ночь съ 21-го на 22-е февраля. Въ полученіи 6-ти пулеметовъ и 93 ружей прошу дать расписку.

„Кромѣ того, въ эту ночь нами захвачено было 8 раненыхъ и 3 здоровыхъ плѣнныхъ, которые были направлены на перевязочный пунктъ въ деревню Лигоапу, а оттуда въ штабъ корпуса, но по ошибкѣ всѣхъ ихъ отвели въ Мукденъ и сдали коменданту.

Временно-командующій полкомъ,

подполковникъ Святицкий¹⁾.

Въ этотъ вечеръ главнокомандующимъ былъ отданъ слѣдующій приказъ:

„Противникъ быстро сосредоточивается къ своему лѣвому флангу и продолжаетъ тѣснить нашъ правый флангъ, угрожая охватомъ съ запада и даже съ сѣвера. Вслѣдствіе чего предписываю арміямъ перейти къ Мукдену въ ночь съ 22-го на 23-е февраля и въ теченіе 23-го числа исполнить:

„1) 3-й арміи занять линію укрѣплений тетъ-де-понъ²⁾ отъ рѣки Хуньхэ до укрѣпленія № 5, что къ

¹⁾ Записка, пулеметы и ружья не были приняты, такъ какъ штабъ корпуса въ эту ночь переходилъ въ другую деревню, на сѣверъ, и все это было возвращено въ полкъ.

²⁾ Предмостное укрѣпленіе.

востоку отъ деревни Мучанъ, выдѣливъ стратегическій резервъ въ Мукденъ 16 баталіоновъ.

„2) 1-й арміи занять позиціи Фулинскую и Фушунскую, имѣя свой правый флангъ въ укрѣпленіи № 5. Отрядамъ генераловъ Данилова и Маслова прикрывать пути отъ линіи Фушунъ—Импанъ на Тѣлинъ. 1-й арміи выдѣлить въ стратегическій резервъ въ Мукденъ 24 баталіона.

„3) 2-й арміи и временно приданнымъ къ ней корпусамъ прикрыть это движеніе, удерживая противника на линіи деревень Уанитунъ—Цаохотунъ—Юхуантунъ—Янсынтунъ—Сатхоза, съ крайнимъ упорствомъ задерживая противника на своемъ правомъ флангѣ.

„4) Тыловые пути для армій, въ измѣненіе раіоновъ, указанныхъ телеграммой за № 2414, для сосредоточенія дивизіонныхъ обозовъ предоставляются:

„2-й арміи—къ западу отъ Мандаринской дороги, не занимая ея;

„3-й арміи—Мандаринская дорога и пути до дороги Кученза—Фулинъ—Цунсюченъ—Хунсанъ—Сулницзы (карта 2 верстн.)—Лаошитунъ—Янутунъ—Шихуацза—Суятунъ—Цпютай—Чилитунъ (карта 2 верстн., изданіе 2-е), не занимая послѣдней дороги;

„1-й арміи—послѣдняя дорога и всѣ къ востоку отъ нея.

„5) Войскамъ 3-й и 1-й арміи отойти главными силами въ теченіе ночи совершенно скрытно, оставивъ на позиціяхъ сильныя аріергарды, коимъ отходить только подъ напоромъ противника, по возможности его задерживая“.

Для обороны подступовъ къ Мукдену съ сѣвера, главнокомандующимъ было приказано экстренно сфор-

мировать особый отрядъ, подъ начальствомъ генераль-отъ-кавалеріи фонъ-деръ-Лауница.

Отряду дана была задача: активно прикрывать подступы къ Мукдену и препятствовать разрушенію желѣзной дороги, съ какою цѣлью атаковать противника и отбросить его.

Согласно приказа главнокомандующаго, генераль-лейтенантъ Церпицкій, для дѣйствія на 23-е февраля, отдалъ въ 12 часовъ 50 минутъ ночи распоряженіе:

„Бузулукскій полкъ, совместно съ Минскимъ, Житомирскимъ полками и 52-мя скорострѣльными орудіями, должны упорно оборонять участокъ позиціи отъ деревни Янсынтунъ (исключительно) до деревни Саосатхоза (исключительно)“. (Диспозиція № 6).

Въ теченіе ночи съ 21-го на 23-е полкъ отбилъ четыре непріятельскихъ атаки на деревню Кандятунъ.

На разсвѣтъ японцы отступили, и тогда 5-я, 6-я, 11-я и 12-я роты и іѣшая охотничья команда, заполнявшія промежутокъ между сосѣдними деревнями, отошли за деревню Кандятунъ, въ общій резервъ.

Съ 9 часовъ утра и до 5-ти часовъ вечера 23-го февраля противникъ, какъ и наканунѣ, сильно обстрѣливалъ насъ артилерійскимъ огнемъ, принесшимъ, впрочемъ, небольшія потери.

Составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка къ этому времени до того уменьшился, что полкъ, приказаніемъ генераль-лейтенанта Русанова, былъ сведенъ въ двухъ-баталіонный составъ.

Офицеровъ въ строѣ находилось всего 7 человекъ: подполковникъ Святицкій, капитаны Рукевичъ и Плевако, штабсъ-капитаны Пнышевъ и Андронниковъ, поручикъ Загуляевъ и подпоручикъ Казанскій.

Въ 8 часовъ вечера командующій полкомъ получилъ отъ полковника Трегубова письменное приказаніе:

„1905 года, 23-го февраля, 7 часовъ 50 минутъ вечера № 23—3. Кынгантунь.

„Начальникъ дивизіи приказалъ вамъ полкъ теперяшняго двухъ-баталіоннаго состава распределить слѣдующимъ образомъ: одинъ баталіонъ дать въ распоряженіе начальника праваго боевого участка, полковника Зубковскаго, а другой—въ распоряженіе начальника лѣваго боевого участка, полковника Короткевича. Баталіонъ, при которомъ пожелаете состоять, предоставляется вашему усмотрѣнію“.

Въ исполненіе сего приказанія, 1-й баталіонъ, совместно съ Житомирскимъ полкомъ, оставался въ деревнѣ Кандятунь и занималъ окопы; 5-я, 6-я и 7-я роты были выдвинуты къ югу отъ этой деревни, для связи съ Замосцкимъ полкомъ, а 11-я и 12-я роты—къ сѣверу, для связи съ Минскимъ полкомъ; 5-я рота составила общій резервъ.

Воспользовавшись нѣкоторымъ затишьемъ и прекращеніемъ со стороны противника артиллерійской стрѣльбы, командующій полкомъ приказалъ подвезти изъ деревни Таапу полковыя походныя кухни съ горячей пищей. Кухни прибыли въ деревню Кандятунь около 8 часовъ вечера.

Японцы, словно узнавъ объ этомъ, обстрѣляли деревню артиллерійскимъ огнемъ, продолжавшимся часа два. Однако, пища была роздана, и кухни благополучно уѣхали къ прежней стоянкѣ, въ деревню Таапу.

Поздно вечеромъ нѣсколько ротъ Житомирскаго полка и наша охотничья команда были посланы къ деревнѣ Улинпу для развѣдки противника.

Команда и роты скоро вернулись назадъ, такъ какъ въ 11 часовъ вечера японцы перешли въ наступленіе на деревню Кандятунь.

За эту ночь мы отбили до 5-ти ожесточеннѣйшихъ атакъ и нанесли японцамъ очень большой уронъ.

Съ разсвѣтомъ противникъ отошелъ назадъ, къ своимъ позиціямъ, и снова открылъ страшный артиллерійскій и ружейный огонь по деревнямъ Кандятунь и Янсынтунь.

24-го февраля японцы главный ударъ направили противъ центра и праваго фланга генерала фонъ-дербъ-Лауница.

Въ особенности сильно обстрѣливались ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ участки обороны генераловъ Церпицкаго и Топорнина.

Мы удержали по всей линіи свои позиціи и нанесли японцамъ тяжкія потери.

Вечеромъ войскамъ 2-й арміи былъ отданъ приказъ:

„Противникъ, наступавшій въ обходъ нашего праваго фланга, остановленъ у желѣзной дороги нашими отрядами, взявшими флангъ японцевъ подъ перекрестный огонь. Въ то же время въ тылу противника, съ сѣвера, отрядъ генерала Грекова занялъ нѣсколько деревень. Всѣ атаки японцевъ на наши позиціи отбиты. Завтра войскамъ 2-й арміи упорно удерживать свои позиціи, а отряду генералъ-отъ-кавалеріи фонъ-дербъ-Лауница дѣйствовать по особымъ указаніямъ главнокомандующаго“.

Въ 7^{1/2} часовъ вечера полкъ принялъ то же расположеніе, что и въ предыдущую ночь.

Въ 8 часовъ вечера на имя командующаго полкомъ была прислана записка безъ обозначенія номера, года, числа и часа:

„Въ виду невыгоднаго положенія въ отношеніи противника Мукдена и сосредоточенія въ послѣднемъ всякихъ грузовъ и обозовъ въ огромномъ числѣ, представляется необходимымъ очистить Мукденъ отъ всего того, что можетъ стѣснять движеніе и маневрированіе войскъ, какъ-то: обозовъ и транспортовъ. Такъ какъ съ удаленіемъ обозовъ намъ придется вести бой безъ подвоза въ теченіе нѣсколькихъ дней, главнокомандующій приказалъ обезпечить людей и лошадей носимымъ на себѣ довольствіемъ въ возможно большей пропорціи, дней на 5 — 6, за счетъ всего иного носимаго, за исключеніемъ боевого снаряженія, оружія, патроновъ и шанцеваго инструмента. Объ изложенномъ сообщаю для исполненія.

Начальникъ отряда,

генераль-лейтенантъ Русановъ“.

Около 9 часовъ вечера къ деревнѣ Кандятунь приблизилась японская цѣпь и обстрѣляла насъ ружейнымъ огнемъ.

Наши дружные залпы и пачки быстро прогнали японцевъ—и перестрѣлка прекратилась.

Въ 1 часъ 50 минутъ ночи командующій полкомъ получилъ записку (безъ номера):

„Готовьте полкъ къ немедленному движенію на сѣверъ отъ Мукдена. Диспозиція будетъ сейчасъ прислана.

Полковникъ Трегубовъ“.

Вмѣсто диспозиціи, въ 2¹/₂ часа утра 25-го февраля была получена вторая записка (безъ обозначенія номера, года, числа и часа отправленія):

„Командиру Бузулукскаго полка.

„Полку выступить за Минскимъ полкомъ въ Таапу и Тидяинцзу; за вами пойдеть артиллерія и Житомирскій полкъ. Начальникъ дивизіи будетъ при Минскомъ полку.

Полковникъ Трегубовъ“.

Въ 3 часа утра 25-го февраля полкъ, подъ командой подполковника Святицкаго, выступилъ съ мѣрами охраненія на деревню Таапу и далѣе къ Мукдену, имѣя впереди себя Минскій полкъ, а сзади Житомирскій.

За трое сутокъ боя у деревни Кандятунь потери полка выразились: раненъ поручикъ Скорняковъ; нижнихъ чиновъ убито 4, ранено 52.

Патроновъ выпущено 90 тысячъ.

Полковой перевязочный пунктъ въ полномъ составѣ врачей и фельдшеровъ съ 4-хъ часовъ дня 21-го до 3-хъ часовъ утра 25-го февраля дѣйствовалъ въ деревнѣ Ляндіопа, а затѣмъ, сдавъ раненыхъ въ санитарные поѣзда, двинулся, по приказанію начальника отряда, черезъ Мукденъ на сѣверъ, по Мандаринской дорогѣ.

XXIV.

Отступленіе отъ Мукдена.

25-го февраля свирѣлствовалъ лютый песочный буранъ.

Вѣтеръ съ необычайной силой и яростью бушевалъ въ охладѣвшемъ воздухѣ, выхватывалъ цѣлыя глыбы разрыхленной земли и песку, гналъ ихъ грязно-желтыми, безформенными громадами къ самымъ облакамъ, заслоня ими и окутывая непроницаемой мглой

и солнце, и прозрачную лазурь неба, кружилъ, рвалъ эти громады на мелкія части и разсыпалъ ихъ обильнымъ дождемъ въ пространствѣ. Песокъ сыпался отовсюду: снизу, сверху, со всѣхъ сторонъ, набивался въ уши, въ ротъ, въ носъ, въ глаза, проникалъ подъ одежду. Люди гнулись, какъ солома, задыхались отъ пыли, а лица ихъ покрылись толстыми земляными масками, и казалось, что не только человѣкъ, но и вся остальная жизнь трепетала, какъ ничтожество, и рабски подчинялась стихійной силѣ вихря, неудержимо и властно разыгравшагося въ этомъ беззащитномъ уголкѣ Южной Маньчжуріи.

Полкъ двигался проселочными дорогами и въ 7 часовъ утра, при переходѣ черезъ желѣзнодорожное полотно у деревни Линдунтунъ, былъ встрѣченъ генераломъ Церпицкимъ, который сердечно поблагодарилъ каждую роту за молодецкую службу.

Въ 8 часовъ утра полкъ подошелъ къ городу Мукдену и былъ задержанъ здѣсь до 11 часовъ утра для того, чтобы дать возможность пройти впередъ артиллеріи и войсковымъ обозамъ, а затѣмъ направился на сѣверъ, не входя въ составъ никакого отряда.

Но едва баталіоны вытянулись на Мандаринской дорогѣ, какъ невдалекѣ, точно нагнанные вѣтромъ, показали японцы и открыли по отступавшимъ частямъ и обозамъ сильный перекрестный ружейный и артиллерійскій огонь.

Баталіоны, вмѣстѣ съ присоединившейся къ нимъ скорострѣльной батареей, заняли позицію у дороги и обстрѣляли наступавшаго лѣнями противника учащеннымъ огнемъ и залпами.

Появившіеся съ западной стороны нѣсколько эскадроновъ японской кавалеріи бросились на насъ въ

атаку, но были отбиты залпами выдвинутыхъ противъ нихъ 15-й и 16-й ротъ—и скрылись.

Такъ же быстро были прогнаны пѣхотныя цѣпи противника, и лишь одна батарея продолжала нѣкоторое время осыпать насъ снарядами, но мѣткимъ огнемъ нашей батареи и она принуждена была замолчать.

На позиціи у Мандаринской дороги полкъ оставался до поздняго вечера, пропуская мимо себя войска, обозы и артиллерію.

Около 2-хъ часовъ дня, съ западной стороны дороги, опять появились густыя цѣпи противника и артиллерія, съ которыми полку пришлось вести оживленную перестрѣлку до наступленія темноты.

Около восьми часовъ вечера къ нашей позиціи подошелъ Люблинскій пѣхотный полкъ и вмѣстѣ съ Бузулукскимъ составилъ отрядъ, подъ начальствомъ командира Люблинскаго полка, какъ старшаго въ чинѣ.

Въ 10 часовъ вечера отрядъ выступилъ на сѣверъ.

Переутомленіе людей было настолько велико, что за часъ ходьбы Бузулукскій полкъ потерялъ всякую возможность продолжать движеніе и заночевалъ у какой-то деревушки.

За этотъ день полкъ потерялъ нижнихъ чиновъ убитыми 5, ранеными 55 и безъ вѣсти пропавшими 111.

Патроновъ выпущено 33 тысячи.

Въ затруднительномъ положеніи при отступленіи отъ Мукдена оказался полковой обозъ 2-го разряда.

Осень и зиму обозъ стоялъ въ деревнѣ Ляндяпу, 17-го же февраля, вслѣдствіе обхода японцами праваго фланга нашихъ армій, было приказано вывезти его со всѣмъ накопленнымъ имуществомъ и фуражемъ въ деревню Янсынтунь. Изъ Янсынтуня обозъ перешелъ

въ Мукденъ, откуда вечеромъ 24-го февраля выступилъ на сѣверъ, но, пройдя нѣсколько верстъ, остановился на ночевку у деревни Эртайцзы, въ полуверстѣ отъ Мандаринской дороги.

Съ ранняго утра 25-го февраля Мандаринскую дорогу загрохотали обозы самаго разнообразнаго состава и характера.

Тутъ было и имущество русско-китайскаго банка, и имущество полевыхъ казначействъ, госпиталей, штабовъ, всевозможныхъ казенныхъ учреждений и частныхъ лицъ, и санитарныя арбы, и двуколки, и артиллерійскія повозки, и понтонныя парки, и неисчислимое количество войсковыхъ обозовъ. Все это, облъпленное наносимой вѣтромъ землей и застланное песочнымъ туманомъ, въ большомъ безпорядкѣ спѣшило къ Тѣлину, опережало, давило другъ друга подъ гнетущимъ сознаніемъ близости японцевъ и отступленія нашихъ войскъ.

Въ 5 часовъ утра начальникъ обоза Бузулукскаго полка, капитанъ Бѣглюкъ, не получая никакихъ распоряженій о дальнѣйшемъ движеніи и видя въ то же время послѣднее отступленіе другихъ обозовъ, рѣшилъ немедленно отправить ввѣренный ему обозъ на сѣверъ.

При содѣйствіи командира нестроевой роты, штабсъ-капитана Софронова, полкового казначея, поручика Лукинскаго, и прапорщика Козлова, капитану Бѣглюку удалось кое-какъ втиснуть обозныя двуколки и арбы въ общую двигавшуюся массу.

До рѣки Пухэ, пересѣкающей Мандаринскую дорогу, въ полковомъ обозѣ, несмотря на окружающую сумятицу и давку, поддерживался полный порядокъ.

Но вотъ, когда голова обоза, около двухъ часовъ дня, подошла къ переправѣ черезъ рѣку, вблизи, со стороны, появились японцы.

Какъ стрѣла, вылетѣла на позицію непріятельская артиллерія обстрѣляла переправу и дорогу бѣглымъ огнемъ.

Это внезапное нападеніе произвело неописуемую панику:

Черезъ часъ — полтора японцы были прогнаны огнемъ нашей артиллеріи, и въ обозахъ водворился нѣкоторый порядокъ, послѣ чего движеніе продолжалось безъ всякихъ инцидентовъ и приключеній.

Обозъ полка въ этомъ печальномъ происшествіи пострадалъ въ сравненіи съ другими очень мало: были разбиты снарядами и налетѣвшими телѣгами и брошены одна парная повозка, одна хозяйственная двуколка, 27 арбъ съ нагруженнымъ на нихъ имуществомъ и запряженными въ нихъ 20 лошадьми, 27 мулами и 4 ослами.

Человѣческихъ жертвъ въ обозѣ не было.

Заслуживаетъ вниманія скромный подвигъ церковника полковой церкви, унтеръ-офицера Ивана Глухова, и обознаго конюха, ефрейтора Петра Вдовина.

Во время убійственнаго артиллерійскаго огня противника и паники среди обозовъ, сломалась ось у двуколки съ церковными вещами, и двуколка опрокинулась посреди дороги, какъ разъ у самой переправы.

Ежеминутно нужно было ожидать, что двуколка, вмѣстѣ съ прижавшимися къ ней Глуховымъ и Вдовинымъ, затрется карьеромъ проносящимися артиллерійскими и понтонными парками, или разсыпится въ щепки отъ рвущихся вокругъ снарядовъ. Но Вдовинъ и Глуховъ не трусили, не растерялись, какъ другіе. Первый изъ нихъ остался при двуколкѣ, а другой, замѣтивъ вблизи брошенную новенькую понтонную повозку съ

шанцевымъ инструментомъ, преспокойно разгрузилъ ее и, при помощи Вдовина, переложилъ туда церковныя вещи, запрягъ въ нее уцѣлѣвшихъ при сломанной двуколку лошадей и вывезъ въ сохранности довѣренное ему имущество. За такой самоотверженный поступокъ оба они, Глуховъ и Вдовинъ, представлены къ наградамъ.

26-го февраля, около 3-хъ часовъ дня, полкъ присоединился у желѣзнодорожной станціи Синтайцзы къ своей дивизіи, входившей въ составъ 3-й арміи, и продолжалъ движеніе на сѣверъ вдоль полотна желѣзной дороги, съ восточной ея стороны, составляя съ 216 пѣхотнымъ Инсарскимъ полкомъ арьергардъ арміи.

Многочисленными упорными боями 54-я пѣхотная дивизія, руководимая генераломъ Артамоновымъ, заслужила себѣ прочную репутацію опытной и надежной части.

За время съ 17-го по 27-е февраля включительно дивизія и приданная къ ней 28-я артиллерійская бригада потеряли убитыми и ранеными 127 офицеровъ (два командира полковъ смертельно ранены и почти всѣ штабъ-офицеры выведены изъ строя) и 5749 нижнихъ чиновъ, то есть 60,5% офицеровъ и 45,7% нижнихъ чиновъ наличнаго состава дивизіи.

Дивизія отступила отъ Мукдена въ числѣ послѣднихъ арьергардныхъ эшелоновъ отряда генерала Мылова и сохранила всѣ свои знамена, всѣ орудія и почти полностью полковые обозы.

На одномъ изъ письменныхъ докладовъ о дѣйствіяхъ дивизіи на рѣкѣ Шахэ и въ періодъ мукденскихъ боевъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ сдѣлалъ заключеніе, что, по его мнѣнію, „теперь 54-я пѣхотная дивизія можетъ считаться вполне боевой и надежной войсковою частью“.

Новый же главнокомандующий, генераль-отъ-инфантеріи Линевицъ, на представленной ему перепискѣ положилъ такую резолюцію: „Объявить начальнику 54-й пѣхотной дивизіи, что я названную дивизію не только теперь, но и всегда считалъ способной разгромить японцевъ“.

Совмѣстно съ дивизіей полкъ двигался на сѣверъ и сѣверо-западъ до 16-го марта, когда остановился у деревни Чандяфыньфань.

Переходы, совершенные полкомъ, были въ высшей степени тяжелы и изнурительны.

Дни и ночи люди находились подъ открытымъ небомъ, плохо ѣли и плохо спали и нуждались въ предметахъ первой необходимости.

Довольствіе офицеровъ и нижнихъ чиновъ было поставлено неважно.

Въ походныхъ кухняхъ варили большею частью свинину, покупаемую ротами у мѣстныхъ жителей-китайцевъ, а иногда изъ интендантства получались мясные консервы, и ими замѣняли говядину.

Доставка хлѣба производилась неисправно, такъ что людямъ часто приходилось питаться сухарями.

Весь мартъ погода стояла скверная.

Выпадетъ снѣжокъ, станетъ холодно, потомъ пригрѣетъ солнышко, снѣгъ растаетъ, появится сыкость, сырость, потомъ опять снѣгъ, холодъ, вѣтеръ, — злющій, пронизывающій вѣтеръ, съ клубами слѣпящей пыли.

Словомъ, испытаніе за испытаніемъ, одно горше, безжалостнѣе другого, выдерживалъ полкъ, и диву даешься, откуда только брались у переутомленныхъ, изстрадавшихся людей силы стоически переносить всѣ эти бѣды.

Къ 1-му марта наличный составъ полка быть слѣдующій: въ строю находилось 15 офицеровъ и 5 врачей, внѣ строя, на хозяйственныхъ должностяхъ, 6 офицеровъ; строевыхъ нижнихъ чиновъ 2727¹⁾ и нестроевыхъ 213.

Въ мартѣ мѣсяцѣ прибыло на укомплектованіе полка 7 оберъ-офицеровъ.

Въ такомъ приблизительно составѣ полкъ и подошедшій къ нему обозъ 2-го разряда встали 16-го марта бивакомъ у деревни Чандяфыньфань.

XXV.

Послѣ мукденскихъ боевъ.

Съ бивака подѣ деревней Чандяфыньфань полкъ 20-го марта перешелъ на 5 верстъ юго-западнѣе и занялъ по-баталіонно четыре деревушки: Чаодіона, Ляодіона, Таціана, Чандіона.

Офицерамъ и солдатамъ были отведены фанзы, нельзя сказать, чтобы просторныя и удобныя для жилья, но, послѣ перенесенныхъ лишеній, и онѣ являлись драгоцѣннымъ благомъ, ибо люди, по крайней мѣрѣ, имѣли кровъ и мѣсто, гдѣ могли хотя немного отдохнуть и укрыться отъ непогоды и холода.

За нѣсколько дней болѣе или менѣе урегулированной жизни полкъ замѣтно окрѣпнулъ, исправилъ и дополнилъ одежду, снаряженіе и аммуницію и уже на смотрѣ новаго главнокомандующаго, произведенномъ 29-го марта, представился въ прекрасномъ бое-

¹⁾ Составъ пополнился офицерами и нижними чинами, возвратившимися изъ госпиталей и изъ командировокъ.

вомъ видѣ, за что офицеры и нижніе чины удостоились горячей благодарности генераль-отъ-инфантеріи Линевича.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и въ началѣ мая полкъ занималъ прежнее расположеніе.

Передъ праздникомъ св. Пасхи офицеры и нижніе чины говѣли по-баталіонно при полковой церкви, а свѣтлую пасхальную заутреню, въ ночь съ 16-го на 17-е апрѣля, встрѣтили въ Инсарскомъ полку.

На 2-й и 3-й дни Пасхи для нижнихъ чиновъ были устроены, подъ руководствомъ офицеровъ, разнообразныя полевыя игры и спектакль съ музыкой и пѣніемъ.

27-го апрѣля командующій 3-й арміей, генераль-отъ-инфантеріи Батьяновъ, произвелъ смотръ 5-му Сибирскому армейскому корпусу.

Внимательно осмотрѣвъ Бузулукскій полкъ, командующій арміей призвалъ къ себѣ всѣхъ начальствующихъ лицъ, отъ офицера до отдѣленнаго начальника включительно, въ яркихъ чертахъ напомнилъ каждому о долгѣ и объ обязанностяхъ и пожелалъ успѣха и славы въ дальнѣйшихъ дѣлахъ противъ японцевъ.

11-го мая полкъ передвинулся къ деревнѣ Тяодиопа.

Штабъ полка помѣстился въ фанзахъ деревни, а баталіоны встали бивакомъ вблизи нея, на возвышенномъ мѣстѣ, среди зеленѣвшихъ всходами гаоляна и чумизы полей.

Въ этомъ районѣ полкъ бивакировалъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, до заключенія мира съ Японіей, и въ боевыхъ столкновеніяхъ съ противникомъ больше не участвовалъ, такъ какъ 3-я армія составляла резервъ 1-й и 2-й армій, значительно удаленный отъ передовыхъ позицій.

Офицеры и солдаты жили въ походныхъ палаткахъ по-баталіонно. Каждый баталіонъ занималъ извѣстный участокъ, тщательно распланированный и сохранившійся въ образцовой чистотѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій лагернаго устава.

Палатки постоянно провѣтривались и просушивались и въ нихъ были устроены невысокія, сплетенныя изъ лозы нары, съ подстилкой чумизной или гаоляновой соломы. Въ каждой ротѣ имѣлись кипятильники и погребъ для охлажденія кипяченой воды, хотя солдаты игнорировали совѣтами и приказаніями врачей и офицеровъ употреблять исключительно кипяченую воду и предпочитали ей, по врожденной привычкѣ, мутную, сырую, добываемую въ китайскихъ колодцахъ.

Вслѣдствіе этого, да еще дождливаго лѣта, въ полку сильно развилась мѣстная болѣзнь, такъ называемая „шаньхань“, или „маньчжурка“.

Болѣзнь эта выражается въ головокруженіи, ломотѣ въ суставахъ, острыхъ, судорожныхъ желудочныхъ боляхъ и позывѣ къ рвотѣ.

„Маньчжуркой“ переболѣло много нижнихъ чиновъ, но всѣ случаи заболѣваній кончились благополучно. Обыкновенно больной хворалъ дня три-четыре, а затѣмъ быстро выздоравливалъ.

Пищевое довольствіе полка за все время стоянки у деревни Тяодиопа было удовлетворительно. На обѣдъ и ужинъ приготовлялась въ походныхъ кухняхъ обильная и вкусная горячая пища изъ мяса, овощей и чумизной, либо пшенной каши, приправленной свинымъ саломъ. По мѣрѣ надобности, въ роты выдавался плиточный чай и ежедневно, по 9-ти золотниковъ на человека, сахаръ.

Пожаловаться можно было развѣ только на хлѣбъ, не всегда аккуратно отпускаемый интендантствомъ и зачастую плохой выпечки и заплѣсневѣлый, поэтому, отъ времени до времени, нижніе чины, вмѣсто хлѣба, получали сухари.

Лѣтомъ и осенью отъ полка наряжался поочередно одинъ баталіонъ на земляныя работы по устройству дорогъ въ районѣ расположенія 3-й арміи. Свободные отъ наряда баталіоны ежедневно производили строевыя ученья—баталіонныя и ротныя.

2-го іюля полки и батареи 5-го корпуса участвовали въ двухстороннемъ маневрѣ, на которомъ присутствовалъ командующій арміей, генераль-отъ-инфантеріи Батяновъ.

17-го іюля на укомплектованіе полка прибыли изъ Россіи маршевыя команды молодыхъ солдатъ въ числѣ 1251 человѣкъ, изъ нихъ 13-го августа 340 человѣкъ было переведено въ 214-й пѣхотный Мокшанскій полкъ.

Къ 1-му августа въ полку состояло налицо: офицеровъ 42, нижнихъ чиновъ 3815.

Вообще, за лѣто, наши арміи, обезсиленные и удрученныя мукденскимъ пораженіемъ, укомплектовались непрерывно прибывавшими изъ Россіи многочисленными эшелонами молодыхъ солдатъ и свѣжими корпусами.

Арміи воспрянули духомъ, удрученность смѣнилась бодрымъ настроеніемъ, хотя увѣренность въ нашей конечной побѣдѣ надъ врагомъ исчезла безвозвратно, особенно въ тѣхъ частяхъ, славныя предыдущія дѣла которыхъ и любовно принесенныя этимъ дѣламъ безграничныя человѣческія жертвы наглядно показали нелѣпость дальнѣйшаго кровопролитія.

— Мы жаждали побѣды, самоотверженно, отъ всей души выполняли свой долгъ, страдали и гибли, но что же изъ этого вышло?—разсуждали офицеры и солдаты, болѣзненно вспоминая двѣ совершенно противоположныя, изученныя горькимъ опытомъ истины: чудеса храбрости и героизма отдѣльныхъ частей и наряду съ ними—полнѣйшая неспособность использовать то, что добывалось крайнимъ упорствомъ и чудовищными жертвами.

Неудивительно, поэтому, что начавшіеся въ августѣ въ Портсмутѣ между русскими и японскими уполномоченными переговоры о мирѣ привѣтствовались арміей, какъ разумный для Россіи выходъ изъ критическаго положенія, созданнаго военными неудачами и возникшими внутри государства въ широкихъ размѣрахъ смутами и волненіями.

23-го августа уполномоченные обѣихъ воюющихъ сторонъ пришли къ мирному соглашенію, утвержденному 1-го октября Государемъ Императоромъ.

Въ Высочайшемъ манифестѣ о возстановленіи мира Государь Императоръ всемилостивѣйше объявлялъ:

„Въ 23-й день августа сего года, съ соизволенія Нашего, заключенъ Нашими уполномоченными въ Портсмутѣ и въ первый день текущаго октября утвержденъ Нами окончательно мирный договоръ между Россіей и Японіей.

„Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Господнихъ Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелыя испытанія и бѣдствія кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззавѣтной преданности нашихъ славныхъ войскъ въ ихъ упорной борьбѣ съ отважнымъ и сильнымъ противникомъ.

„Нынѣ эта столь тяжкая борьба прекращена, и Востокъ державы Нашей снова обращается къ мирному преуспѣянію въ добромъ сосѣдствѣ съ отнынѣ вновь дружественною Намъ Имперіей Японской.

„Возвѣщая любезнымъ подданнымъ Нашимъ^о о возстановленіи мира, Мы увѣрены, что они соединять молитвы свои съ Нашими и съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго призовутъ благословеніе Божіе на предстоящіе Намъ, совмѣстно съ избранными отъ населенія людьми, обширные труды, направленные къ утвержденію и совершенствованію внутренняго благоустройства въ Россіи.

„Данъ въ Петергофѣ октября 5-го дня въ лѣто отъ Рождества Христова 1905, царствованія же Нашего въ 11“.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Н и к о л а й“.

Послѣ ратификаціи мирнаго договора, нашимъ арміямъ приказано было отойти съ занимаемыхъ позицій на сѣверъ и расположиться квартирно-бивачнымъ порядкомъ по обѣимъ сторонамъ участка Китайской Восточной желѣзной дороги, между станціями Харбиномъ и Куанченцзы.

14-го октября, въ 6 часовъ утра, полкъ, вмѣстѣ съ обозами 1-го и 2-го разрядовъ, выступилъ изъ деревни Тяодіона и направился черезъ деревни Ляопенганъ—Юнченпу—Лалаты—Далинь—Судіанца—Вампашанъ—Тудиченца къ желѣзнодорожной станціи Яомынь.

Этотъ 180-ти верстный переходъ былъ совершенъ въ 10 дней.

24-го октября полкъ подошелъ къ станціи Ломынъ и былъ размѣщенъ по-баталіонно вблизи нея, въ ранѣе оборудованныхъ, свѣтлыхъ, теплыхъ и просторныхъ фанзахъ деревень Лунгфуншань, Умынчжань, Сыдагоу-Логванда, Чунганца, въ ожиданіи отправленія по желѣзной дорогѣ въ Россію.

Переходомъ на зимнія квартиры военно-походная жизнь полка въ Маньчжуріи заканчивается.

Въ заключеніе, словами поэта-солдата, рядового Бузулукскаго полка Ивана Шабанова, остается сказать:

«Прощай, далекая чужбина, прощай, китайская страна!
Прощайте, братскія могилы, прощайте, ѣду отъ васъ я!
Могилы ваши сиротами остались, братцы, навсегда
И не оплачутъ ихъ слезами родныя семьи никогда.
Свои вы души положили за Русь святую, за Царя,
А намъ теперь пора настала разстаться съ вами навсегда.
Идемъ мы къ станціи спокойно, и сердце радостью цвѣтетъ,
И ждемъ съ большимъ мы нетерпѣньемъ, когда къ намъ поѣздъ по-
дойдетъ.»

И мы столпились на вокзалѣ, не видя, время какъ идетъ,
И вдругъ безъ шума передъ нами къ платформѣ поѣздъ пристаеъ.
Тогда мы всѣ засуетились, садиться стали по мѣстамъ,
Въ вагонахъ всѣ мы размѣстились,—звонокъ раздался,—слышно намъ;
За нимъ второй ужъ повторился, а съ третьимъ поѣздъ насъ помчалъ.—
Слеза отъ радости скатилась, пропала на сердцѣ печаль.
Вези, машина, насъ скорѣе,—Байкаль вѣдь нужно обойти,—
И всѣ тогда мы дружно крикнемъ: Ура!.. Маньчжурія, прости!..
Въ Сибирь мы только заявили, страна родная рада намъ.
Повсюду села и деревни встрѣчаться стали по холмамъ.
Чѣмъ дальше ѣдемъ по Сибири, тѣмъ мѣстность кажется роднѣй;
Мы мимо Омска прокатили и сердцу стало веселѣй.
Вонъ рѣчка въ крутизнѣ сверкаетъ, и городъ Златоустъ надъ ней,
И въ немъ огромные заводы блестятъ всѣ золотомъ огней.
И Златоустъ остался сзади, за нимъ Уфа встрѣчаетъ насъ,
И не успѣли осмотрѣться, въ Самару поѣздъ мчитъ какъ-разъ.
Въ Самарѣ полкъ нашъ собирался подъ знамя Русскаго Вождя,
На брань съ японцемъ отправлялся, стоялъ онъ грудью до конца.
Теперь мы точно вдругъ воскресли, спѣшимъ въ свояси на-показъ,
Самары храмы золотисты сіяютъ ужъ у нашихъ глазъ.
Соборъ съ каеѣдрою великой, на немъ всего тринадцать главъ,—
Онъ смотритъ такъ на насъ привѣтно, подъ кровъ свой манитъ, всѣхъ
узнавъ.»

Симбирцы къ Сызрань покатили, спѣшать скорѣе по домамъ,
 Ихъ ждуть отецъ, жена, мать, дѣти: придуть, про все разскажутъ намъ.
 Иду и я къ селу родному, на храмъ Божьемъ крестъ горитъ,
 Мое забилося ретивое, слеза изъ глазъ моихъ катитъ.
 Въ село мы только показались, народъ гурьбою насъ встрѣчалъ
 И сыпалъ намъ свои вопросы, на кои я имъ отвѣчалъ.
 Одни вопятъ: скажи про сына, другія мужа назовуть,
 И на отвѣтъ имъ только скажешь: они къ вамъ больше не придуть...
 Они остались, въ полѣ бранномъ, подъ глиной мерзлою могила,
 Надъ ними бѣлый крестъ поставленъ, ихъ врагъ навѣки усыпиль.
 И слезы потекутъ рѣкою по лицамъ женъ и матерей,
 Но безутѣшныя рыданья не въ силахъ воскресить людей..
 И вотъ семья моя родная твердитъ: насталь бѣдѣ конецъ,
 И всѣ ласкають меня дѣтки, крича: вѣдь къ намъ пришелъ отецъ!
 Отъ радости забилося сердце, не знаю, какъ, съ чего начать,
 И я въ восторгѣ начинаю подрядъ семью всю цѣловать»...

Съ апрѣля мѣсяца по 1-е ноября 1905 года, въ пользу семей убитыхъ на войнѣ нижнихъ чиновъ полка, священникомъ полковой церкви собрано во время богослуженій добровольныхъ офицерскихъ и солдатскихъ пожертвованій 750 рублей, каковыя деньги со списками убитыхъ представлены протопресвитеру военно-морского духовенства для соотвѣтствующаго распредѣленія ихъ.

Гг. офицеры и чиновники 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка, принимавшіе участіе въ дѣлахъ противъ японцевъ.

№№ по порядку.	чинъ, имя, отчество и фамилія.	Съ какого времени состоитъ въ мобилизованномъ полку.	О Т М Ъ Т К А.
Полковники:			
1	Павелъ Николаевичъ Малюженко (бывшій командиръ полка) . .	Со дня мобилизаціи.	Уволенъ въ отставку Высочайшимъ приказомъ въ ноябрѣ 1904 г.
2	Георгій Давыдовичъ кн. Амлахори (команд. полка)	Съ 22 сентября 1904 г.	Контуженъ 3-го октября 1904 г., остался въ строю.
Подполковники:			
3	Исидоръ Исидоровичъ Хоментовскій	Со дня мобилизаціи.	Раненъ 20 августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
4	Викторъ Павловичъ Сokolovъ	»	Убитъ 20-го августа 1904 г.
5	Павелъ Захарьевичъ Акацатовъ	»	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
6	Алексій Дмитриевичъ Лисичкинъ	»	Раненъ 19-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію. Возвратился въ полкъ 29-го ноября 1905 г.
7	Николай Александровичъ Козловъ	Съ 4 октября 1904 г.	Раненъ 17-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію.
8	Альбертъ Леопольдъ Карловичъ Цесарскій	Со дня мобилизаціи.	—
9	Александръ Ивановичъ Свяицкій	Съ 18 октября 1904 г.	Контуженъ 12-го января 1904 г., остался въ строю. Въ отпуску по болѣзни на 4 мѣсяца съ 26-го ноября 1905 г.
10	Владимиръ Васильевичъ Брючковъ . . .	Со дня мобилизаціи.	Раненъ 3-го октября 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
Капитаны:			
11	Левъ Ивановичъ Львовъ	»	Раненъ и взятъ въ плѣнъ 20-го августа 1904 г.
12	Фома Антоновичъ Щерба	»	Убитъ 20-го августа 1904 г.
13	Михаилъ Іосифовичъ Савицкій	»	Убитъ 20-го августа 1904 г.

№№ по порядку.	ЧИНЪ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛІЯ.	Съ какого времени состоитъ въ мобилизованномъ полку.	О Т М Ъ Т К А.
14	Робертъ Викентьевичъ Ворковскій	Со дня мобилизації.	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
15	Владимиръ Алексѣевичъ Чередѣевъ	»	Убитъ 20-го августа 1904 г.
16	Степанъ Андреевичъ Гуминскій	»	Умеръ 19-го іюля 1905 г.
17	Игнатій Антоновичъ Барановскій	»	Раненъ 20-го августа 1904 г., остался въ строю. 7-го января 1905 г. по болѣзни эвакуированъ въ Россію.
18	Николай Алексѣевичъ Кромида	»	20-го августа 1904 г. по болѣзни эвакуированъ въ Россію.
19	Михаилъ Викентьевичъ Бѣглюкъ	»	4-го октября 1905 г. командированъ въ Россію для обученія молодыхъ солдатъ.
20	Александръ Александровичъ Рыловъ	»	Раненъ 3-го октября 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
21	Михаилъ Ивановичъ Стражевскій	»	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
22	Эммануилъ Викентьевичъ Бокщанинъ	»	20-го августа отправленъ по болѣзни въ госпиталь, эвакуированъ въ Россію.
23	Владимиръ Александровичъ Лозовой	Съ 11 декабря 1904 г.	Раненъ 12-го января 1905 г. Умеръ отъ ранъ 6-го мая того же года.
24	Николай Ивановичъ Ананьинъ	Со дня мобилизації.	Раненъ 20-го августа 1904 г., остался въ строю. Раненъ 12-го января 1905 г., отправленъ въ госпиталь. Возвратился въ полкъ 17-го апрѣля 1905 г.
25	Эдуардъ Степанъ Воллавоичъ Плевако	»	—
26	Константинъ Николаевичъ Малаховъ	»	Раненъ 12-го января 1905 г., эвакуированъ въ Россію.
27	Николай Александровичъ Тренинъ	Со 2 января 1905 г.	—
28	Андрей Петровичъ Лоди	Съ 14 октября 1904 г.	Раненъ 12-го января 1905 г., отправленъ въ госпиталь. Возвратился въ полкъ 21-го марта 1905 г.
29	Сергій Онуфріевичъ Янышевъ	Со 2 января 1905 г.	—
30	Александръ Семеновичъ Андронниковъ	Съ 14 октября 1904 г.	—

№ по порядку.	ЧИНЪ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛІЯ.	Съ какого времени состоитъ въ мобилизованномъ полку.	О Т М Ъ Т К А.
Штабсъ-капитаны:			
31	Евгеній Михайловичъ Родзевичъ	Со дня мобилизації.	Контуженъ 16-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію.
32	Матвѣй Осиповичъ Богдановичъ	»	13-го мая 1905 г. эвакуированъ по болѣзни въ Россію.
33	Михаилъ Николаевичъ Кутуковъ	»	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
34	Константинъ Павловичъ Софроновъ	»	—
35	Александръ Николаевичъ Лукинскій	»	—
36	Валентинъ Вильгельмовичъ Барклай	»	12-го января 1905 г. эвакуированъ по болѣзни въ Россію.
37	Петръ Дмитріевичъ Шадринъ	»	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
38	Михаилъ Васильевичъ Черкасовъ	»	11-го ноября 1904 г. эвакуированъ по болѣзни въ Россію.
39	Петръ Александровичъ Тетеринъ	?	Раненъ и взятъ въ плѣнъ 19-го февраля 1905 г.
40	Ванифатій Михайловичъ Оловянищниковъ	Съ 18 октября 1904 г.	Контуженъ 17-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію. Возвратился въ полкъ 8-го іюля 1905 г.
41	Александръ Ивановичъ Вилинскій	Со дня мобилизації.	Раненъ 6-го сентября 1904 г., отправленъ въ госпиталь. Возвратился въ полкъ 30-го октября 1904 г. Раненъ 17-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію.
42	Діонисій Семеновичъ Багриновскій	?	Раненъ 21-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію.
43	Павель Васильевичъ Скорняковъ	»	Раненъ 22-го февраля 1905 г., отправленъ въ госпиталь. Возвратился въ полкъ 30-го марта 1905 г.
44	Николай Протовичъ Шиманскій	?	Раненъ 17-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію.
45	Александръ Давыдовичъ Асильовъ	Съ 18 октября 1904 г.	—
Поручики:			
46	Александръ Петровичъ Филипповскій	»	Раненъ 17-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію.

№ по порядку.	ЧИНЪ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛІЯ.	Съ какого времени состоятъ въ мобилизованномъ полку.	О Т М Ъ Т К А.
47	Григорій Николаевичъ Петровъ	Со дня мобилизації.	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію. Возвратился въ полкъ 27-го февраля 1905 г.
48	Алексѣй Филипповичъ Галіотовъ	Со 2 января 1905 г.	Въ командировкѣ въ 213 п. Оровайскомъ полку съ 30-го іюля 1905 г.
49	Владимиръ Алексѣевичъ Одолѣевъ	Со дня мобилизації.	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
50	Александръ Петровичъ Максимовъ	Съ 25 ноября 1904 г.	—
51	Яковъ Павловичъ Богдановскій	Со дня мобилизації.	Раненъ 19-го февраля 1905 г., отправленъ въ госпиталь. Возвратился въ полкъ 13-го марта 1905 г. 4-го октября 1905 г. командированъ въ Россію для обученія молодыхъ солдатъ.
52	Иванъ Васильевичъ Колосовскій	?	Раненъ и взятъ въ плѣнъ 19-го февраля 1905 г.
53	Николай Петровичъ Сѣряковъ	»	1-го сентября 1904 г. переведенъ на укомплектованіе 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса.
54	Николай Михайловичъ Алашеевъ	»	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію. Возвратился въ полкъ 5-го февраля 1905 г. Въ отпуску на 2 мѣсяца съ 23-го ноября 1905 г.
55	Павелъ Алексѣевичъ Доброворцевъ	»	Раненъ 18-го октября 1904 г., эвакуированъ въ Россію. Возвратился въ полкъ 11-го іюля 1905 г.
56	Николай Николаевичъ Трофимовъ	»	Раненъ и взятъ въ плѣнъ 19-го февраля 1905 г.
57	Владимиръ Тимофѣевичъ Загудяевъ	Съ 18 октября 1904 г.	Въ командировкѣ въ пулеметной ротѣ съ 16-го ноября 1905 г.
58	Иванъ Ивановичъ Воейковъ	»	—
59	Викторъ Львовичъ д'Андре	Съ 14 октября 1904 г.	1-го декабря 1904 г. командированъ въ 40-ю сотню пограничной стражи. Раненъ 4-го декабря 1904 г., отправленъ въ госпиталь и возвратился въ 40-ю сотню 12-го января 1905 г.

№№ по порядку.	ЧИНЪ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛІЯ.	Съ какого времени состоитъ въ мобилизованномъ полку.	О Т М Ъ Т К А.
60	Владимиръ Ивановичъ Лебедевъ Подпоручики:	Съ 18 октября 1904 г.	Контуженъ 15-го февраля 1905 г., остался въ строю. 4-го октября 1905 г. командированъ въ Россію для обученія молодыхъ солдатъ.
61	Александръ Лукьяновичъ Ишковъ	»	Раненъ 30-го декабря 1904 г., эвакуированъ въ Россію. Возвратился въ полкъ 12-го августа 1905 г. 4-го октября 1905 г. командированъ въ Россію для обученія молодыхъ солдатъ.
62	Петръ Александровичъ Казанскій	Съ 18 октября 1904 г.	Контуженъ 16-го февраля 1905 г., остался въ строю.
63	Семень Дмитриевичъ Ананьевъ	Со дня мобилизації.	—
64	Алексѣй Ивановичъ Годинъ	»	Контуженъ 16-го февраля 1905 г. Въ отпуску на 2 мѣсяца съ 19-го ноября 1905 г.
65	Петръ Петровичъ Шкурово	»	1-го сентября 1905 г. переведенъ на укомплектованіе 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса.
66	Сергѣй Марковичъ Агѣевъ	»	Убитъ 20-го августа 1904 г.
67	Федоръ Александровичъ Любимовъ	Съ 14 октября 1904 г.	—
68	Владимиръ Григорьевичъ Чаплыгинъ	Со дня мобилизації.	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
69	Константинъ Дорофеевичъ Воронцовъ	Со 2 января 1905 г.	4-го октября 1905 г. командированъ въ Россію для обученія молодыхъ солдатъ.
70	Владимиръ Дмитриевичъ Федоровъ	Со дня мобилизації.	1-го сентября 1905 г. переведенъ на укомплектованіе 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса.
71	Михаилъ Дмитриевичъ Языковъ	»	Раненъ 20-го августа 1904 г., эвакуированъ въ Россію.
72	Борисъ Петровичъ Верхолетовъ	»	6-го декабря 1904 г. по болѣзни эвакуированъ въ Россію.
73	Дмитрій Львовичъ Сазоновъ	Съ 23 сентября 1904 г.	Убитъ 17-го февраля 1905 г.

№№ по порядку.	ЧИНЪ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛИЯ.	Съ какого вре- мени состоить въ мобилизован- номъ полку.	О Т М Ъ Т К А.
	Прапорщики:		
74	Вротиславъ Франце- вичъ Адамскій	Со дня мо- близацин.	Контуженъ 3-го октября 1904 г., остался въ строю.
75	Николай Исааковичъ Чернышевъ	?	Раненъ 17-го февраля 1905 г., эвакуированъ въ Россію.
76	Фридрихъ Фридрихо- вичъ Германъ	»	Раненъ 3-го октября 1904 г., эвакуированъ въ Россію. Возвратился въ полкъ 23-го сентября 1905 г.
77	Петръ Федоровичъ Чес- скій	Съ 27 дека- бря 1904 г.	Раненъ 17-го февраля 1905 г., отправленъ въ госпиталь. Возвратился въ полкъ 5-го июля 1905 г.
78	Иванъ Евгеньевичъ Розовъ	Съ 27 сентя- бря 1904 г.	—
79	Николай Петровичъ Козловъ	Со дня мо- близацин.	—
80	Сергѣй Архиповичъ Кряжевъ	»	
81	Владимиръ Александро- вичъ Былинскій	»	
82	Александръ Михайло- вичъ Алашеевъ	»	
83	Александръ Максимо- вичъ Огородниковъ . .	»	
84	Сергѣй Ильичъ Сереб- ряковъ	»	
85	Иванъ Андреевичъ Кла- духинъ	Съ 12 ноя- бря 1904 г.	
86	Владимиръ Александро- вичъ Мухортовъ 1-й		Произведены въ чинъ пра- порщика за отличія въ дѣлахъ противъ япон- цевъ.
87	Вадимъ Александро- вичъ Мухортовъ 2-й		
88	Ричардъ Игнатьевичъ Осѣдцискій	Съ 12 октя- бря 1904 г.	
89	Евгеній Ивановичъ Яв- шицъ	»	
90	Александръ Лукичъ Желнинъ	Со дня мо- близацин.	
91	Константинъ Тимофѣе- вичъ Тищенко	»	
92	Иванъ Ивановичъ Ми- хайловскій	»	
93	Иванъ Варфоломѣевичъ Карнауховъ	»	

№ по порядку.	ЧИНЪ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛІЯ.	Съ какого времени состоитъ въ мобилизованномъ полку.	О Т М Ъ Т К А.
	Полковой священникъ:		
94	О. Іоаннъ Васильевичъ Сергіевскій	Со дня мобилизации.	Отправленъ по болѣзни въ госпиталь 25-го февраля 1905 г. Возвратился въ полкъ 22-го апрѣля 1905 г.
	Классные чиновники:		
95	Старшій врачъ, коллежскій ассесоръ Вячеславъ Петровичъ Кочкинъ	»	Съ 8-го ноября 1905 г. находится по болѣзни въ отпуску на 4 мѣсяца.
96	Младшій врачъ, коллежскій ассесоръ Валентинъ Ивановичъ Просвирнинъ	»	—
97	Лекаръ Лейба Абрамовичъ Блитштейнъ	»	—
98	Лекаръ Фердинандъ Карлъ Робертъ Густавовичъ Трейманъ	»	—
99	Лекаръ Андрей Алексѣевичъ Пономаревъ	»	—
100	Дѣлопроизводитель, титулярный совѣтникъ Антонъ Станиславовичъ Соколовскій	»	15-го декабря 1904 г. по болѣзни эвакуированъ въ Россію.
101	Оружейный мастеръ, титулярный совѣтникъ Арсеній Николаевичъ Григорьевъ	»	—

Гг. офицеры 215-го пѣхотнаго Бузулукскаго полка,
въ дѣлахъ противъ японцевъ не участвовавшіе.

№№ по порядку.	чинъ, имя, отчество и фамилія.	Съ какого времени состоитъ въ полку.
Капитаны:		
1	Евгеній Константиновичъ Колюбакинъ .	?
2	Самсонъ Харитоновичъ Жванія	Съ 24-го марта 1905 г.
3	Михаилъ Александровичъ Ветошниковъ .	Съ 28-го марта 1905 г.
Поручикъ:		
4	Андрей Владимировичъ Кононовичъ . .	Съ 12-го марта 1905 г.
Подпоручики:		
5	Константинъ Ивановичъ Толмачевъ . .	Съ 12-го марта 1905 г.
6	Андрей Викентьевичъ Пещеръ	Съ 13-го марта 1905 г.
7	Селиверстъ Владимировичъ Поповъ . . .	Съ 21-го марта 1905 г.
8	Михаилъ Федоровичъ Короткій	» .
9	Василій Дмитріевичъ Барановскій	» .
10	Валерьянъ Михайловичъ Яхонтовъ . . .	Съ 28-го марта 1905 г.
11	Владимиръ Іуліановичъ Данилевичъ . .	Съ 7-го марта 1905 г.
Прапорщики:		
12	Иванъ Ивановичъ Радугинъ	Со дня мобилизаціи.
13	Иванъ Ивановичъ Кулевъ	Съ 13-го марта 1905 г.

